

литературная
ГРУЗИЯ

НОЯБРЬ

11

1968

10.335
1968

Литературная ГРУЗИЯ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

ГОД ИЗДАНИЯ ДВЕНАДЦАТЫИ

СОДЕРЖАНИЕ

ТГУ — 50 ЛЕТ

ИЛЬЯ ВЕКУА. Завтра грузинской культуры . . .	3
АКАКИЙ ШАНИДЗЕ. Из истории основания Тбилисского университета . . .	5
ТИЦИАН ТАБИДЗЕ. Традиции студенчества . . .	10
ГЕОРГИЙ АХВЛЕДИАНИ. Начало дороги в мир... . . .	10
БЕСО ЖГЕНТИ. Лаборатория творчества . . .	16
АРНОЛЬД ЧИКОБАВА. Тбилисский университет и возрождение грузинской научной мысли . . .	18
СИМОН КАУХЧИШВИЛИ. Это начиналось так . . .	24
РЕВАЗ ДЖАПАРИДЗЕ. Плавающий костер . . .	26
ЗАХАРИЙ ШВЕЛИДЗЕ. Первая университетская . . .	43

ПРОЗА

КАРЛО КОБЕРИДЗЕ. Мышеловка. Рассказ. Перевела с грузинского Марина Гельви . . .	32
ГУРАМ ГОГИАШВИЛИ. Могилы в винограднике. Рассказ. Перевел с грузинского Б. Пугачев . . .	46
ОТИА ИОСЕЛИАНИ. Жила-была женщина. Роман. Перевел с грузинского А. Эбанондзе. Продолжение	53

ПОЭЗИЯ

АЛИО МИРЦХУЛАВА. Много лет. Старому другу. Моя жизнь. Доблесть. Ночь спускается на Мтацминда. Перевели с грузинского А. Преловский, Вл. Леонович, С. Залин	4
--	---

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕРАНИ»

83.986

11

1968

НОВАБРЬ

КАРЛО КАЛАДЗЕ. Диоскурия. Цицка. Перевели с
грузинского М. Алигер и Вл. Луговой 18

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ГЕОРГИЙ МАРГВЕЛАШВИЛИ. Два портрета 71 ✓

ИСКУССТВО

ЭТЕРИ ДУМБАДЗЕ. В гостях у художников 29

На 2-й стр. обложки портрет академика
Иванэ Джавахишвили.

На 3-й стр. обложки книги, изданные к
50-летию со дня основания Тбилисского го-
сударственного университета.

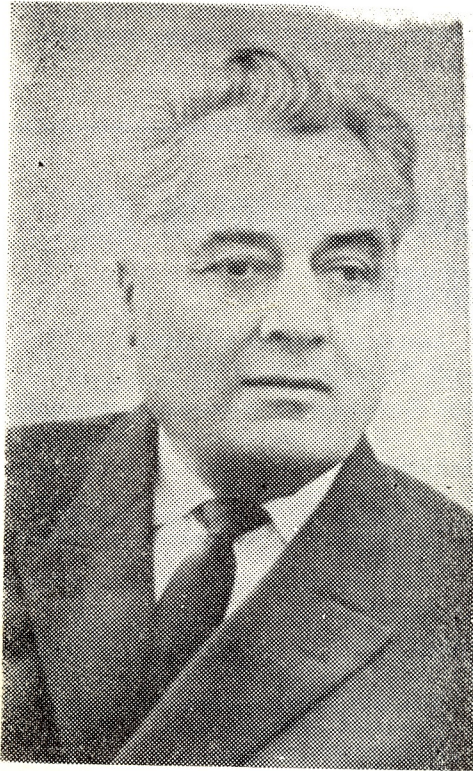
Главный редактор **МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ**

Редакционная коллегия:

Г. АБАШИДЗЕ, Т. БУАЧИДЗЕ, М. ЗЛАТКИН, Л. КАЛАНДАДЗЕ, С. КЛДИА-
ШВИЛИ, Н. КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), Г. МАЗУРИН, Г. МАРГ-
ВЕЛАШВИЛИ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Г. ЦИЦИШВИЛИ, Н. ЧАВ-
ЧАВАДЗЕ, А. ШЕНГЕЛИА.

Илья ВЕКУА,

академик, ректор Тбилисского
государственного университета

Завтра грузинской культуры

Наш университет — неиссякаемый источник национальной культуры и науки, и он по сей день прекрасно выполняет это свое назначение. Он способствовал возрождению традиций древней культуры и рождению новой грузинской культуры и науки. В результате полувековой деятельности университета в Грузии ныне ведется широкая научно-исследовательская работа почти во всех отраслях современной науки, труды грузинских ученых получили всемирную известность, и наш народ стал признанным носителем высокой национальной культуры.

Разумеется, все это заслуга не только университета. Рядом с ним в сегодняшней Грузии работает Академия наук, достижения которой широко известны и общепризнаны. В Грузии существует также множество высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов, которые вносят большой вклад в развитие современной науки и техники. Однако это ничуть не умаляет роли и места университета в жизни нашего народа. Напротив, его задачи становятся все обширнее, все сложнее.

Университет обязан в первую очередь заботиться о развитии тех отраслей знания, которые создают фундамент современной науки и культуры.

Его главная задача подготовить кадры и направить исследовательскую работу во всех областях математических, естественных и общественных наук, поднять ее на самый высокий уровень.

Университет всегда свято выполнял этот свой почетный долг. И этим заслужил огромное уважение и любовь нашего народа. Поэтому

с таким большим воодушевлением готовятся у нас к празднованию пятидесятилетия со дня основания университета.

Этот праздник примечателен во многих отношениях. Еще раз оглянувшись на пройденный университетом путь, критически оценив созданное им за это время, нам яснее станет, что ему еще надо сделать, отчетливее наметятся и перспективы его развития.

Алио МИРЦХУЛАВА

МНОГО ЛЕТ

Я много лет живу стихами,
и светлый мир моей мечты

ничуть не обеднел с годами
и не растратил красоты.

Перевел с грузинского А. ПРЕЛОВСКИЙ

СТАРОМУ ДРУГУ

Я седым-седой...
На мне — вечерний
сумрак. Я притих, как снежный лес.

Ты еще со мною, друг мой верный.
Да, со мной — как зимний свет небес.

Перевел с грузинского Вл. ЛЕОНОВИЧ

МОЯ ЖИЗНЬ

Вся жизнь моя была борьбой,
Огонь пылал в душе моей...
И вот теперь, на склоне дней,
Богат я только лишь мечтой.

Для всех звучала песнь моя,
Я многим дорог оказался,
Лишь о себе не думал я —
И неприкаянным остался.

Перевел с грузинского С. ЗАЛИН

ДОБЛЕСТЬ

Это еще не геройство —
бродить по дорогам чужим,
где миллионы подошв
свой след прочертили в пыли.

Есть доблесть иная
среди жителей горной земли —
оставить тропу в бездорожье
потомкам своим.

Перевел с грузинского А. ПРЕЛОВСКИЙ

НОЧЬ СПУСКАЕТСЯ НА МТАЦМИНДА

Заходит солнце. Свет вечерний
слабеет, между туч сквозя.
Их грудой синевато-черной
завалена Мтацминда вся.

и сонм летучий и ползучий
остановился тяжело.

Бедоу веет неминучей,
просветы тьмой заволокло,

Недвижной тьме ежевечерней
уже спешат наперерез
огней земное ополченье
и воинство ночных небес.

Перевел с грузинского Вл. ЛЕОНОВИЧ

Из истории основания Тбилисского университета

Идею основания высшей школы в Тбилиси можно проследить с XVIII века вплоть до мировой войны 1914 года. Передовые люди Грузии мечтали о высшей школе, писали и спорили о том, какого типа она должна быть и т. п., но осуществить эту идею удалось лишь группе самоотверженных ученых во главе с профессором И. А. Джавахишвили, вышедшей из Петербургской школы грузиноведения, где подвизались такие крупные ученые, как М. Ф. Броссе, Д. И. Чубинов, А. Ф. Цагарели и Н. Я. Марр.

Не случайно то обстоятельство, что именно И. А. Джавахишвили возглавил движение за основание высшей национальной школы в Грузии. Работая в Санкт-Петербургском университете и исследуя исторические судьбы грузинского народа, он не зарывался в прошлое, не порывал связи с народом, с массами. Напротив, он старался всячески поднять культурное самосознание грузинского народа чтением лекций по истории Грузии в Тбилиси, Кутаиси и других городах, публикацией своих исследований на русском и грузинском языках, беседами с молодежью. Словом, именно он соединил в себе лучшие черты крупного ученого и общественного деятеля большого размаха. Как-то не верится, хотя это хорошо известный факт, что И. А. Джавахишвили читал по-грузински лекции и в Санкт-Петербургском университете. Будучи приват-доцентом университета по факультету восточных языков, И. А. Джавахишвили организовал здесь «Грузинский научный кружок», в работах которого принимали участие не только студенты университета, но и питомцы других высших учебных заведений Петербурга. Здесь студенты читали и обсуждали доклады по самым разнообразным отраслям науки, притом на грузинском языке, что способствовало созданию грузинского научного языка.

Характерно, что «Грузинский научный кружок» в 1911—1912 годах провел анкетный опрос среди студентов-грузин высших учебных заведений России и Европы с целью выяснить число этих студентов, их распределение по специальностям, имущественное положение, учебную нагрузку, бытовые условия и т. д. Анкета многое помогла уяснить. Если раньше господствовало твердое убеждение, будто грузины поступают главным образом на юридический факультет, то посредством опроса стало известно, что студенты-грузины с большим интересом занимались в разных областях науки, техники, искусства. Это еще раз свидетельствовало о том, что основание университета в Грузии — вполне возможное, необходимое и назревшее дело.

Часть докладов, прочитанных в «Грузинском научном кружке», появилась в 1915 году в Тбилиси в виде сборника, напечатанного под редакцией и с предисловием И. А. Джавахишвили.

В 1914 году разразилась империалистическая война. Под давлением революционных масс и общественного мнения царское правительство скрепя сердце решилось опубликовать в 1916 году декрет о предоставлении населению права открывать высшие учебные заведения на частнопредпринимательских началах. И. А. Джавахишвили тотчас же провел в тесном кругу своих учеников собеседование о перспективах высшей школы в Грузии. В феврале 1917 года вспыхнула буржуазная революция. Большевицкая партия организовывала рабочие массы для предстоящих великих боев. Видно было по всему, что развитие революции приведет к раскрепощению рабочего класса и угнетенных национальностей.

Находясь под впечатлением грандиозных социальных потрясений, И. А. Джавахишвили, автор «Крестьянского движения в Грузии в XIX веке», на своей квартире, помещавшейся на Петроградской стороне, в доме № 9 по Лахтинской улице, в первых числах марта собрал грузинских научных работников Петрограда для обсуждения вопроса об основании грузинского университета в Тбилиси. На этом знаменательном совещании присутствовали: И. А. Джавахишвили, И. А. Кипшидзе, А. Г. Шанидзе, С. Г. Каухчишвили, Ш. И. Нуцубидзе, Елена Чиджавадзе. И. А. Джавахишвили ознакомил собравшихся с фактами, которые указывали на возможность воплощения давнишней мечты грузинского народа. Здесь же он зачитал список ученых, которые, работая в разных высших учебных заведениях Петрограда, Москвы, Харькова, Одессы, могли бы принять участие в создании национального университета. Собрание единогласно приняло предложение начать подготовительную работу по открытию университета.

Вскоре после этого И. А. Джавахишвили уехал на родину, чтобы здесь, в Тбилиси, приняться за практическое осуществление намеченного плана. К концу мая в столицу Грузии приехали И. А. Кипшидзе и я.

Путем переписки с рядом ученых и договоренности с местными научными работниками удалось выяснить, что можно сколотить довольно сильную группу ученых, готовых самостоятельно взяться за организацию университета. Особенно приятно было нам узнать о решении П. Г.

На снимке: (слева направо) сидят: Варлам Топурия, Акакий Шанидзе и Симон Каухчишвили; стоят: Георгий Ахведиаши и Арнольд Чикобава.

Меликишвили. Этот маститый ученый с европейским именем, несмотря на свой почтенный возраст, горячо откликнулся на обращение И. А. Джавахишвили. Это приободрило нас: ведь немало было и противников идеи создания грузинского университета.

К осени выяснилось, что надо спешить: Особый Закавказский комитет во главе с Харламовым не хотел утвердить в целом «Положение о грузинском университете», противился двум пунктам, касавшимся права присуждения ученых степеней и прав педагогов и учащихся (первые должны были освобождаться от воинской повинности, а вторым предоставлялась отсрочка на время учебы в университете). Такими правами пользовались все тогдашние русские университеты, и ничего необычного мы не просили, но харламовский Озакком, не утвердив этих пунктов, переслал «Положение» в Петроград на усмотрение Временного правительства. Давая формальное согласие на открытие грузинского университета, Временное правительство предложило основать в Тбилиси Государственный университет с преподаванием на русском языке. Этот университет, имея в своем распоряжении государственные средства, должен был привлечь лучшие научные силы из Петрограда, Москвы и других университетов городов России. Тем самым парализовались бы деятельность и значение грузинского университета, низведенного до уровня частного предприятия. В первых числах октября 1917 года из Петрограда по прямому проводу прилетело в Тбилиси известие о решении Временного правительства учредить в столице Грузии Государственный университет. Что же касается специального разрешения об открытии Грузинского университета, то оно, видимо, было послано по почте и так и не доехало до Тбилиси.

Только после Великой Октябрьской революции основатели университета получили новый заряд сил, окрылились новой надеждой на перемены на родной земле и с удвоенным энтузиазмом продолжали начатое дело.

Основанное в 1917 году «Университетское общество» получало денежные пожертвования на нужды университета от людей самого разного социального положения. Подъем народных масс, восторженно встретивших известие об учреждении университета в Тбилиси, был велик — трудящиеся считали своим долгом прийти на помощь большому культурному начинанию.

В октябре 1917 года И. А. Кипшидзе и я выехали в Петроград для перевозки наших библиотек, а также библиотеки И. А. Джавахишвили. Здесь на третий день Октябрьской революции мы застали совершенно новую политическую ситуацию: Временное правительство было опрокинуто. Керенский бежал и где-то под Петроградом пытался объединить последние остатки разгромленных контрреволюционеров, чтобы задуть Красный Питер. Но революционная бдительность петроградских большевистских организаций не дала возможности контрреволюции поднять голову. Буквально на моих глазах было разгромлено павловское юнкерское училище на Петроградской стороне, где засели юнкера. Были уничтожены и другие мелкие гнезда контрреволюции. Революционная волна быстро перекинулась на Москву и другие города. Я вернулся в Тбилиси в первых числах ноября, а И. А. Кипшидзе задержался в Петрограде, приехал позже, в середине декабря, и продолжал деятельно участвовать в работах по организации университета.

26 ноября 1917 года на предварительном собрании коллегии профессоров будущего университета под председательством И. А. Джавахишвили (в заседании принимали участие: И. А. Джавахишвили,

Е. С. Такайшвили, К. С. Кекелидзе, Д. Н. Узнадзе, Ф. Г. Гогичайшвили, А. Г. Шанидзе) было решено открыть университет с января 1918 года в составе одного факультета — философского, с отделениями гуманитарных, математических и естественных наук. Первоначально предлагалось открыть отделение гуманитарных наук, где бы читались курсы по истории, литературе, языку, философии, педагогике и политической экономии. Были намечены лица для преподавания отдельных курсов по разным дисциплинам, а также лица для подготовки к профессорско-преподавательской деятельности (аспиранты).

К этому времени вопрос об открытии Тбилисского университета вступил в стадию практического осуществления. Первое заседание профессорской коллегии носило неофициальный характер. За ним последовало еще шесть подобных заседаний, на которых решались проблемы, связанные с организацией университета (вопрос о кадрах, помещении, библиотеке, финансовой базе, об оборудовании и т. п.). В этих заседаниях, кроме означенных лиц, принимали участие Ш. И. Нуцубидзе и П. Г. Меликишвили.

Первое официальное заседание коллегии профессоров состоялось 13 января 1918 года в холодной комнате здания бывшей дворянской гимназии. На этом заседании были избраны: П. Г. Меликишвили — ректором университета, И. А. Джавахишвили — деканом философского факультета и И. А. Кипшидзе — ученым секретарем Совета профессоров. После этого до открытия университета было еще два заседания (17 и 21 января), в которых приняли участие А. М. Бенашвили и Г. С. Ахвледзиани.

Университет был открыт 26 января (8 февраля по новому стилю) 1918 года. На открытие пригласили представителей прессы и различных общественных организаций, которые горячо откликнулись на учреждение первой высшей школы в Грузии.

К этому времени в распоряжении университета было всего три комнаты в южном крыле четвертого этажа нынешнего главного корпуса, где во время войны помещался военный лазарет (к тому времени ликвидированный). Кроме голых стен, здесь ничего не было. Надо было обзавестись нужным инвентарем, позаботиться об освещении. Начать занятия удалось только с 1 февраля.

В первом распределении лекций, читавшихся с 5 часов до 9 вечера, фигурировали следующие предметы: история Грузии (И. А. Джавахишвили), история грузинского права (И. А. Джавахишвили), история грузинской литературы (И. А. Кипшидзе), психология (Д. Н. Узнадзе), введение в языковедение (Г. С. Ахвледзиани), введение в философию (Ш. И. Нуцубидзе), археология (Е. С. Такайшвили), история церкви (К. С. Кекелидзе), политическая экономия (Ф. Г. Гогичайшвили), древнегрузинский язык (И. А. Кипшидзе), армянский язык (А. Г. Шанидзе), санскрит (Г. С. Ахвледзиани), арабский язык (А. Г. Шанидзе), персидский язык (Ю. И. Абуладзе), французский язык (Елизавета Орбелиани), немецкий язык (И. Ф. Кипшидзе), английский язык (Ванда Гамбашидзе).

Как видно, начало было очень скромное. Еще не были подтянуты научные силы из разных городов, чтобы думать об открытии других факультетов и отделений. Кроме того, не было солидной материальной базы. Главным источником, поддерживающим существование университета в первом семестре, были денежные взносы студентов — плата за право на учение. Правда, в адрес университета поступали из разных мест значительные пожертвования, но они были явно недостаточны

для создания прочного финансового фундамента, для привлечения крупных научных сил и т. д. Университет оставался частным учреждением и течение всего первого семестра. Его название было «Грузинский университет в Тбилиси». Только с июня 1918 года перешел он в руки государства и получил название «Тбилисский университет».

С осени 1918 года из философского факультета выделился факультет математических и естественных наук, в организации которого большую роль сыграл талантливый ученый А. М. Размадзе. С октября того же года встал вопрос о выделении и медицинского факультета, в организации которого деятельное участие принимал профессор А. Н. Натишвили совместно с Грузинским обществом врачей и естествоиспытателей. Объединенное существование факультетов медицинского и математических и естественных наук продолжалось до мая 1919 года, когда они размежевались. К этому времени университет обогатился новыми научными силами: И. С. Бериташвили был приглашен на кафедру физиологии, а А. А. Гвалчрелидзе — на кафедру минералогии и петрографии.

Не буду останавливаться на дальнейших этапах развития нашего университета. Скажу только, что именно с приходом Советской власти в Грузию университет вырос, окреп, превратился в мощное научное учреждение с многочисленными кафедрами, хорошо оборудованными лабораториями и кабинетами.

За полвека своего существования Тбилисский государственный университет сделал очень много для развития культуры в Грузии. Из него выделились самостоятельные институты: сельскохозяйственный, политехнический, медицинский, педагогический. Бурное развитие университета и этих институтов обусловили открытие Академии наук Грузинской ССР уже в 1941 году. Университет воспитал тысячи специалистов, среди них немало академиков, профессоров и доцентов. Примечательно, что в нашем университете получили свое научное крещение многие видные ученые: историки С. Джанашия, Н. Бердзенишвили, языковеды В. Топурия, А. Чикобава, С. Джикия, Г. Церетели, искусствовед Ш. Амиранашвили, математик В. Купрадзе; здесь же учились многие писатели и поэты: Г. Абашидзе, И. Абашидзе, И. Нонешвили и др.

Первым ректором университета был крупный ученый химик — профессор П. Г. Меликишвили, а сейчас его возглавляет видный математик академик И. Н. Векуа, получивший высшее образование в самом Тбилисском университете.

Отмечая свое пятидесятилетие, Тбилисский государственный университет готов сделать в будущем еще больше для дальнейшего подъема культуры Грузии.

Традиции студенчества

Пять лет со дня основания Тбилисского университета

Студенческая пора. Это когда не боишься тривиальности романтизма. Есть извечное благородство в первой любви и в первой восторженности. Время, проведенное в университете, затем приравнится к целой жизни. Какой бы скепсис или того раньше мещанство не завладели бы человеком, ему не избежать воспоминаний о первом своем восторге и возникшем вдруг, ни от чего не зависимо, романтизме, когда оправданы «мистицизм голода» и любовь, что приводит нас к аптеке, как сказал бы Герцен.

Прежде имя студента было таким же благородным, как имя поэта, и Гамлет — первый студент, всем существом своим подтверждает это сравнение. Печальный принц датский с неразлучной книгой в руке — кому неизвестен он. И впрямь, ни один настоящий правитель Дании не известен так, как этот принц эфемерный. Гамлет живет и дышит в трагедии первой любовью и дружбой.

С меньшей серьезностью, но с первоначальной своей беспечностью и богемным темпераментом школяра до сих пор вызывает наше восхищение Франсуа Вийон. Лучшая из его вещей «Маленькое завещание» — это вечное завещание Латинского квартала и богемы Монмартра. Отнимите лицей у Гете и Пушкина: первый, думаю, был бы тогда лишь холодным веймарским доктринером, второй же был бы лишен той радости, которой он наполнил русскую поэзию. Гейдельберг и сегодня звучит для нас так же, как... Александрия, даже тогда, когда не говорят об Александрии, вдруг возникает... едва уловимая аналогия с Афинами, хотя только по преданию знаем мы, что Руставели был студентом в Афинах. И не отсюда ли в его поэме величественный пафос ритора?

Грузины моего времени, — мы были несчастны, скитаясь по странам, оби-

Георгий АХВЛЕДИАНИ,
академик Академии наук Грузинской ССР

Начало дороги в мир...

Тбилисский университет был заветной мечтой не одного поколения сынов Грузии и, как во всякой мечте, его создание представлялось каждый раз по-новому, каждый раз разговор о нем вызывал особые ассоциации — то мечталось возродить древнюю Икалтойскую или Гелатскую академию, то создать школу наподобие афинской школы философов или лицея российского — назову его пушкинским лицеем.

И только во второй половине девятнадцатого века мечта приобрела реальные очертания. Грузинские шестидесятники «тергдалеули» (испившие воды Терека), впервые рассказали о том, **какой университет в России, в Москве, Петербурге, какой во Франции, Германии, Англии и каким он должен быть у нас, в Грузии.**

Век девятнадцатый — удивительный век пробуждения и становления национального самосознания, бескомпромиссный до самоотречен-

вая чужие пороги — там и прошла наша молодость. И все же несмотря на патристическую меланхолию, каждый из нас вспомнит Козиху московскую, — не здесь ли похоронена наша первая жизнь...

Я вспоминаю двенадцатое января, когда русские студенты на Страстной площади у памятника Пушкину, освещенного лучами закатного солнца, опутив головы, пели со слезами в голосе:

**Товарищ, верь: взойдет она,
Заря пленительного счастья...**

Это строки из стихотворения Пушкина к Чаадаеву. Мы, грузины, лишены были гордости этой, хотя и не раз первыми грудью встречали атаки конных жандармов.

Со студенческой порой связано, как правило, начало творчества. Бельгийский символизм родился в университете. Кто не помнит скандалы Эмиля Верхарна! Университет создал и русский символизм: Валерий Брюсов, Иван Конецкий, Александр Добролюбов, Андрей Белый...

Университет создал «Записки путешественника» Ильи Чавчавадзе и его же «Песню студентов». Новую грузинскую

литературу вымучило в петербургском тумане грузинское студенчество.

В Петербурге Илья Чавчавадзе и Иван Мачабели переводили «Короля Лира», отсюда посылал Акакий Церетели свои стихи в журнал «Цискари», и Нико Николодзе писал здесь статьи в «Колокол»...

И будто снится нам, что в день третий, подобно Элиазару, воскрес грузинский университет... Этот день для каждого грузина должен стать днем второго рождения.

Я хочу верить, что Грузия создаст именно его культ. Я мечтаю, что в недалеком будущем Вера — район Тбилиси, зазвучит как Латинский квартал или Козиха... Я вижу манифестацию счастливых грузинских студентов с гейдельбергскими факелами в руках, когда они от Веры до памятника Руставели дойдут, до памятника, который, я верю, вознесется в городе, подобно второму университету.

Создание этой традиции сегодня за грузинскими студентами.

Творчество любит молодость, а молодость — это любовь.

1923 г.

Перевел с грузинского Н. ТАРХНИШВИЛИ

ности донес до нас эту мечту, настойчиво требуя ее претворения в жизнь; он пробудил в нас неодолимую тягу к науке, и мы, выпускники вузов России и Европы, вдруг в один голос заговорили о науке грузинской, подсознательно чувствуя, что и этим мы обязаны предшествующему нам поколению, поколению великого духа.

Было бы неправильно сказать, что только одни ученые создавали университет — его создавал весь грузинский народ, словом ли, делом ли, но нас, ученых, мне помнится, было одиннадцать человек, и только двое — историк Иванэ Джавахишвили и химик Петрэ Меликишвили — пользовались широкой известностью в научных кругах, и не только в России, но далеко за ее пределами. Остальные только делали свои первые робкие шаги на службе науки, хотя, может быть, слово «робкие» слишком одностороннее определение — в нас жил великий энтузиаст и, если наши достижения не были еще революцией в институте всемирной научной мысли — их можно было отнести к началу переворота в грузинской науке, к началу университетского образования в Грузии.

Мы начинали с фантазии; говорят, чтобы открыть — надо сперва сфантазировать, но только подлинные знания способны пробудить фантазию творческую.

Сейчас, когда я задумываюсь над тем, откуда взялся тот энтузиазм, тот огромный душевный подъем, который правил нами, — в памя-

ти неизменно всплывает картина поразительно бурного и быстротекущего времени, когда весь мир кинулся в революцию в неумном стремлении обновиться морально.

То был тысяча девятьсот восемнадцатый год. Год переворотов. В России Октябрь уже победил. До всеобщего Октября было еще далеко, хотя каждый чувствовал его приближение.

Но в Грузии у власти пока стояли меньшевики. Им было не до науки. Чувствуя, что идеи большевизма все более и более проникают в народ, боясь их, меньшевики все свои силы направили на борьбу с ними, на создание армии и составление многочисленных, но безответных просьб — вызваний об экономической помощи то к немецкому, то — к английскому, то к французскому, то к итальянскому правительствам.

После февральской революции в Грузии в течении полутора лет не вышло ни одной книги, ни одного столь необходимого нам учебника..

Но университет существовал. Идея его, казалось нам, — я и сегодня уверен в этом, — не могла исчезнуть, не могла умереть, и мы жили ради нее в предчувствии и ожидании великих перемен — полного переворота в науке, общественной жизни.

Я уже говорил, что наш университет был задуман и создан как университет грузинский и, конечно, — я говорю это не как лингвист, — языкознание с самого же начала заняло в нем первейшее место, и об этой науке, о ее изучении в Тбилисском университете мне хочется хотя бы коротко рассказать.

В годы, когда грузинский язык возвратился на отведенные ему судьбой позиции, когда в школах, училищах и научных учреждениях стали говорить на родном языке — не существовало ни одного грузинского учебника, не было научной терминологии, не считая разбросанного в трудах двух-трех ученых далеко не полного перечня научных определений и терминов.

Всякое познание начинается с азов. Разработка терминологии на грузинском языке стала неотложной задачей лингвистов университета, и возникла эта задача одновременно с острой необходимостью рассмотрения отдельных вопросов лингвистики и подготовки учебников по языкознанию. И если учесть, что все это создавалось буквально на голом месте, притом по нашему почти фанатическому убеждению и фанатической потребности, не должно было уступать учебникам лучших университетов мира, то задача была нелегкая, а стремление многим, пожалуй, могло показаться, да и казалось, наивным.

Возглавлял работу языковедов, как вообще всю работу университета, удивительный труженик науки, все тот же Иванэ Джавахишвили: историк, философ, языковед, искусствовед, литератор...

Мы, лингвисты, всего лишь работали каждый в той области, которую выбрали с университетской скамьи. Тогда и я занялся тем, что стало впоследствии делом всей моей жизни — общее языкознание, фонетика, сравнительно-историческое языкознание индоевропейских языков, исследование иранских языков и отдельно осетинского языка.

Кабинет общего языкознания выделился вскоре в самостоятельную кафедру.

Предстояла огромная работа, и следовало построить ее так, чтобы при разработке отдельных вопросов не упустить из виду целого, не забывать о перспективе — задача кафедры заключалась не только в изучении и обработке последних достижений теории общего языкознания, но и в применении их в процессе исследования конкретных языков, а эта область не ограничивалась одними картвельскими или иберийско-

кавказскими языками, — она захватывала широкую сферу индоевропейских языков, начиная с санскрита.

Полвека прошло с той поры, поры **начала**. Даже простой перечень проблем, которые разрабатывались на кафедре в течение этого времени, занял бы слишком много места и времени, а выделять отдельные, кажущиеся особо важными вопросы, — дело слишком рискованное и может привести к искажению понятия, которое мы именуем наукой.

Мы сейчас говорим часто о смежности наук, казалось бы, имеющих мало общего между собой. Что же сказать об одной науке, да еще такой, как языковедение, где связь отдельных компонентов качественно глубока и важна, где именно она, эта связь, несет в себе диалектическое зерно. Поясню это примером.

В первые годы существования кафедры, да и в последнее время, перед нами очень остро стояла проблема синхронии и диахронии в языковедении.

Синхрония — это как бы горизонтальный срез, то есть состояние языка в данный момент. Диахрония — путь во времени, который выделяет каждый элемент языка в отдельности. Какой из двух этих методов описания и изучения языка брать за руководящий, как соотнести их друг с другом — это одна из основополагающих проблем языкознания, и на это было и есть много различных точек зрения в отечественном и зарубежном языковедении. Сталкивались взгляды на этот счет и у нас на кафедре. В свое время занимались этим вопросом академик А. Чикобава, В. Шарашенидзе, В. Панчвидзе. Они выработали немало правильных и интересных положений, но главной ошибкой здесь было противопоставление синхронии и диахронии как методов взаимоисключающих. Таким образом, говорить о какой-либо одной особо важной проблеме — нельзя, равно как и нельзя сказать, что со всеми ошибками и заблуждениями покончено раз и навсегда.

Да и не это главное в жизни нашего университета вообще и нашей кафедры в частности. Главное, что она, словно самый чувствительный нерв человека, реагирует на все явления и проблемы мировой науки, чтобы восприняв и изучив ее новейшие положения, либо принять их, сделать определенный вывод, либо отвергнуть.

В связи с этим мне хочется продолжить приведенный пример. Вот чем интересно его продолжение: последние два-три десятилетия в науке о языке произошли исключительно большие, важные изменения.

Одним из таких явлений огромной важности мне представляется новое направление в языковедении — структурализм, зародившийся в Европе и бурно распространяющийся сейчас во всем мире. Коротко о его сущности. До сих пор наука о языке была сравнительно компаративистской. Она — очень основательно и пристально — рассматривала отдельные факты языка. Заслуги и достижения компаративизма неоспоримы — это, в сущности, все открытия языковедения за все время существования этой науки.

Однако целое, как явление, отличается от составных частей не только количественно, но, что особенно важно, качественно. Сколько бы мы ни описывали каждый кирпич в отдельности, представления о целой стене мы не получим. Вот эта недооценка целого — весьма ощутимый минус компаративизма. Структурализм же нашел связь между разрозненными фактами отдельно взятого языка и целой языковой группы.

Вернемся теперь к нашему примеру. Структурализм заострил внимание на синхронном методе описания и исследования языка, на современном его состоянии, и оказалось, что горизонтальный срез в со-

стоянии выявить и объяснить вертикаль — то есть факты исторического развития языка. Метод так называемой «внутренней реконструкции» нашел точку пересечения интересов синхронии и диахронии в недрах самой синхронии. Это открытие имело важные научные последствия и еще больше, на мой взгляд, имеет их в перспективе. Наша кафедра, исповедуя структурализм целиком и полностью, ведет сейчас очень интересную работу в этом отношении.

Однако все это не означает, что я и мои ученики принадлежим к тем защитникам структурализма, кто решительно и безоговорочно противопоставляет структурализм классическому компаративистскому языкознанию. И, разумеется, не разделяем позиции тех, кто категорически держится старого, и только его. Вопрос, по моему глубокому убеждению, должен ставиться так: находить и принимать на вооружение все самое жизнеспособное из прошлого и настоящего. Разве не гениальные открытия классической науки подготовили оформление структурализма как направления и его метода? Разве не в недрах компаративизма зародился он — пусть с тем, чтобы вести критику его же позиций...

Наука идет вперед, зачастую опровергая самое себя. И мы не в праве «обижаться» на прогресс. Достижения ждут нас только на этом пути. В свое время, например, у нас была выдвинута концепция родства грузинского языка с кавказскими. Этот, как можно понять, важный поворот в картвелологии привлек пристальное внимание научной общестственности. Но нашлись новые методы исследования, и ученые не побоялись подвергнуть имеющуюся концепцию пересмотру. Я имею в виду высокоталантливую работу Т. Гамкрелидзе и недавно скончавшегося Г. Мачавариани «Система сонантов и аблаут в картвельских языках», в которой с помощью метода структурального языкознания полностью опровергается концепция родства грузинского языка с кавказскими и совершенно по-новому освещается проблема общекартвельского языка-основы. Авторы убедительно доказали близость языка-основы к семье индоевропейских языков. Книга Т. Гамкрелидзе и Г. Мачавариани обошла весь мир, вызвала единодушное одобрение видных зарубежных картвелологов и кавказологов.

Я, так сказать, принципиальный сторонник глубокой принципиальности в науке. Но никогда не разделял и не разделяю той узкой категоричности, нежелания понять направление мысли, противоположное твоему, которые иногда выдаются за принципиальность и создают небольшую путаницу в науке.

Общеизвестно, например, что развернутая критика марровского «нового учения о языке», которая велась в свое время у нас, была необходима для дальнейшего развития советского языковедения. Активно участвовала в этой критике и наша кафедра. Но сегодня мы с достоинством можем сказать — наша позиция в отношении теории Марра была свободна от того радикализма, который отличал в то время выступления многих участников дискуссии. И время оправдало именно такую позицию.

Когда говоришь о работе, а делать это, вне всякого сомнения, можно только в общих чертах, особенно когда этот рассказ должен быть помещен в определенные рамки и написан определенным «понятным для всех» языком, как правило, заключаешь его предполагаемой картиной недалекого будущего, словом в честь молодых ученых, но я хочу сказать об этом не потому, что такова традиция, — таковы дела.

Мало сказать, что среди работ молодых грузинских ученых лингвистов есть работы интересные. Я бы сказал — они очень серьезные, даже новаторские.

Именно такой я считаю работу, которую ведет молодой ученый Г. Рамишвили. Он занялся одной из кардинальных и особенно по-разному трактуемых проблем языковедения — проблемой языка и мышления.

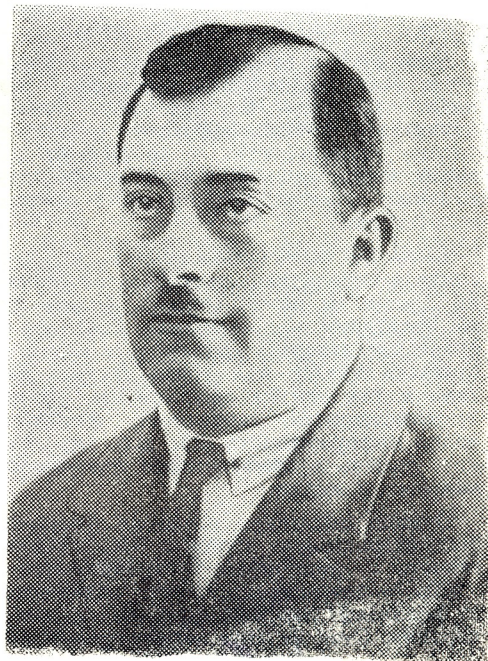
Мышление существует лишь вербальное — то есть словесное. Когда я мыслю — я разговариваю. Таковы исходные пункты его трактовки этой проблемы. Оценить полностью тот научный интерес, который представляет подобный взгляд, дано только людям, хорошо знакомым с историей и проблематикой языковедения. Я лично считаю его заслуживающим самого пристального внимания.

Сходная точка зрения была высказана еще в трудах Гумбольдта. Г. Рамишвили расширил и углубил ее новыми положениями, причем положениями очень доказательными. Вот, например, эксперимент, поставленный для доказательства тезиса, — всякое мышление сопровождается произношением слов. Человек, которому искусственно затруднили произношение, делает при написании любого текста значительно больше ошибок. Следовательно, мышление сопровождается активностью органов речи. Статьи, у меня самого такое наблюдение с молодости — читаешь как будто молча, «про себя», а органы речи устают. Сходный пример из жизни подобран и исследователем: композитор Ш. Мшвелидзе после написания им оперы жалуется врачу-ларингологу на боль и усталость голосовых связок.

Правда, некоторые выводы молодого ученого кажутся мне несколько прямолинейными, но — и тут я отсылаю вас к высказанному уже мною пониманию научной этики; пока я воздерживаюсь от вмешательства. Не сомневаюсь, что Г. Рамишвили, у которого, по-моему, большое будущее, успешно справится со своей задачей. К этому обязывает взрастивший нас Тбилисский университет.

А. Цагарели

Ш. Мшвелидзе

Бесо ЖГЕНТИ

Лаборатория творчества

Пятьдесят лет назад, с началом великой эпохи Октября вспыхнул негасимый свет обновленной культуры, обновленного духа. Возродилась и зажила новой жизнью грузинская научная мысль, рожденная в стенах Гелатской и Икалтойской академий. Создание Тбилисского университета было результатом творческого гения народа, победой тех, кто вел борьбу за гражданские права, за свободу личности, кто утверждал и защищал достоинство нации. Это победа большинства. Это национальный праздник. И можно сказать без преувеличения, что вся мыслящая, созидающая Грузия наших дней воспитана и выпестована в стенах университета.

Неизмерима и неоченима заслуга нашего очага культуры в частности перед грузинской литературой.

Я говорю о литературе не только потому, что это моя профессия. Литература — самое наглядное и, пожалуй, наиболее популярное средство национального самовыражения, и, думается, повсюду творчество писателя, за редким исключением, начинается в стенах вуза.

Речь идет о творчестве, которое перестает быть времяпрепровождением, но нельзя забывать, что оно здесь только начинается, и от наставника — в данном случае университета — во многом зависит, станет ли его ученик профессиональным писателем в полном смысле этого слова.

Было бы ошибочным считать задачей учителя определение способностей ученика. Никто не может сказать, будете ли вы писателем или не будете, никто не в праве посоветовать вам бросить стихи и заняться прозой или драматургией. Задача в том, чтобы предоставить ученику возможность творчества, наиболее полно информировать его, дать ему знания, помочь в приобретении профессиональных навыков.

Однако сказанное вовсе не означает беспристрастности учителя. Беспристрастность — родственна беспринципности.

Мы — приверженцы социалистического реализма. Это наш принцип и наша позиция. Стоя на этих позициях высокой

гуманности, патриотизма, гражданственности, работает университет.

Ценность работы оценивается в конечном итоге по ее результату. Имена Анны Каландадзе, Реваза Джапаридзе, Арчила Сулакаури, Нодара Думбадзе, Мухрана Мачавариани, Гурама Рчулишвили, Реваза Инанишвили, Акакия Гецадзе, Георгия Хухашвили, Заура Болквадзе, Нази Киласония, Медине Кахидзе, Отара и Тамаза Чиладзе, Джансуга Чарквиани, Мераба Элиозишвили, Тенгиза Гоголадзе, Гурама Гегешидзе, Гиви Гегечкори, Шота Нишнанидзе, Резо Чейшвили, Гурама Гогнашвили достаточно хорошо известны широкому кругу читателей, и нельзя представить грузинскую литературу послевоенного периода вне их большого, я бы сказал, драгоценного творчества. Оно начиналось в Тбилисском университете, и, выйдя из стен его, обогатило грузинскую литературу новыми темами и образами, новыми средствами художественного выражения. А ведь с начала работы университетского литературного кружка прошло всего двадцать с небольшим лет. Именно в этом кружке и на страницах альманаха «Пирвели схиви»¹ получили творческое крещение молодые грузинские поэты, прозаики, критики, драматурги, мастера художественного перевода.

Мне как редактору «Пирвели схиви» нетрудно вспомнить почерк каждого в начале их творческого пути, хотя большинство писателей принадлежит к различным поколениям, пришло в университет с различными, более или менее обширными знаниями и различными эстетическими идеалами.

Сколько людей — столько характеров. Эта истина абсолютна, и, верно, индивидуальные черты характера во многом мотивируют особенность творчества, но здесь хочется сказать о другой мотивировке. Назовем ее **м о т и в и р о в к о й** в р е м е н и.

Послевоенное поколение пришло в университет с определенными тенденциями и настроениями. Оно в своем творчестве порой тянулось к образцам

¹ Пирвели схиви — первый луч (груз.)

Тбилисский университет и возрождение грузинской научной мысли

26 января текущего года исполнилось пятьдесят лет со дня открытия Тбилисского университета, первого университета в истории грузинской культуры. Он был основан по инициативе группы грузинских ученых; его организатор — *Иванэ Джавахишвили*.

Под словом университет подразумевается своеобразное высшее учебное заведение, в котором наряду с гуманитарными изучаются математические и естественные науки.

В древней Греции и Риме университетов не было. Они возникли в средние века — в Италии, Англии, Франции...

Самым старым считается университет в Болонье (Италия, 1152 г.), затем Оксфордский (Англия, 1168 г.), Парижский (1200 г.), Неаполитанский (1224 г.), Кембриджский (Англия, 1229 г.), Пражский (Чехословакия, 1358 г.), Краковский (Польша, 1364 г.), Венский (Австрия, 1365 г.), университет в Гейдельберге (Германия, 1368 г.), Лейпцигский (Германия, 1409 г.), Фрейбургский (Германия, 1457 г.)...

Карло КАЛАДЗЕ

ДИОСКУРИЯ

Диоскурия — древний черноморский город в Колхиде; был затоплен морем.

Наши предки в далекой Колхиде
Не ходили в пучину морей.
Никакой летописец не видел
Тени хищные их кораблей.
Тихий берег за верную душу
Был им люб с незапамятных пор.
...Видишь, плещутся волны о сушу,
Бьются в грудь вечеряющих гор.
Ах, залив под лучами заката,
Я с тобою бы спорить не стал,
Но когда-то, когда-то, когда-то
Озверевший, взметнувшийся вал
Гнев великий на город обрушил,
Беспощадным и яростным был, —
Диоскурию смял и разрушил
И навечно в песок превратил.

Море плещет. Оно не уступит.
Не уйдет, не отступит назад,
Но и взгляд мой оно не подкупит,
Не хочу я смотреть на закат.
Море плещет и грозно и громко,
Как столетье назад, как вчера,
Но милее мне чистая кромка,
Этих камешков мелких игра.
Мирный берег, где каждая малость
Человечной полна красоты,
Где во всем твое сердце осталось,
Где живешь, Диоскурия, ты,
И под небом прибрежных селений,
За волной провожаешь волну,
Что встает пред тобой на колени,
Искупить не умея вину.

Перевела с грузинского Маргарита АЛИГЕР

Во всех этих университетах занятия велись на латинском языке.

Университеты средних веков были созданы на корпорационных правах. В них обычно бывало по четыре факультета: общеобразовательный, на котором изучалось «семь искусств»: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка, — как бы заменял среднюю школу. Студент, закончивший этот факультет, продолжал учебу на технологическом (или философском), медицинском или же юридическом факультетах.

Примечательно, что какая-либо отрасль науки преподавалась в том или ином университете на особенно высоком уровне. Так, например, Болонский университет прославился своим юридическим факультетом, Венский — медицинским...

Самый старый университет в России — Московский — основан в 1755 году; с 1803 года существует университет в Вильно, в 1804 году открылись университеты в Тарту и Казани, в 1805 году — в Харькове, в 1819 году начал работать Петербургский университет, в 1834 — открылся университет в Киеве...

В царской России в 1917 году существовало одиннадцать университетов. Сегодня в Советском Союзе их насчитывается около сорока.

До революции не раз поднимался вопрос об основании университета в Тбилиси, в центре Кавказа.

В специальной литературе указывается, что первая такая попытка относится к 1857 году. По поручению наместника царя Барятинского попечитель Кавказского округа барон Николай составил проект лицеума; в нем должно было быть два факультета: юридико-политический и математический. Опыт, однако, не удался.

В 1861 году, в бытность Александра II в Кутаиси и во второй приезд царя на Кавказ в 1871 году его просили содействовать открытию высшего учебного заведения в Грузии. В третий раз ходатайствовали об этом в 1880 году, в годовщину 25-летия его царствования, но безрезультатно.

ЦИЦКА

Возможно,
для вас это вовсе не в новость —
и все же, друзья,
я рискну
еще раз
напомнить
и вновь рассказать вам,
как повесть,
усадьбу грузинскую
в утренний час.
В тот утренний час,
когда алая краска
стекает с небес,
весела и легка —
уже среди лоз,
узловато и резко
означившись,
движется тень старика.
Он ходит, как прежде
привычно и цепко,
вдоль лоз
и от солнца не шурит глаза.

С ним утро,
земля
и волшебная цика —
подросший ребенок
и мать-лоза!
Он трудится медленно и кропотливо,
союзник природы,
седая пчела,
чтоб цика,
как сказочная королева,
прозрачные слезы свои пролила.
...С дождем ли,
со снегом ли
было ненастье —
тот дом деревянный
всегда нас охотно встречал,
радушно,
и двери распахивал настезь
в марани
где жил,
словно чудище,
чан.

Царское правительство и в самой России воздерживалось от организации новых высших учебных заведений и тем более университетов, опасаясь, что они усилят «крамолу», так что молчание царя в ответ на многочисленные просьбы было вполне естественно и закономерно.

В 1912 году наместник царя на Кавказе Воронцов-Дашков выступил ходатаем основания в Тбилиси политехнического института с отделениями: сельского хозяйства, химии, механики и экономики. Согласие получили, даже рассмотрели проект, представили его в 1914 году в Государственную Думу и в том же году заложили фундамент здания. В 1917 году Тбилисский политехнический институт начал работать.

Это было специальное высшее учебное заведение России, обучение в нем велось на русском языке.

Тбилисский университет был основан как грузинский, но тогда (в 1917 году) он мог существовать только как частный университет.

Мы должны учитывать это обстоятельство, когда говорим, что Иванэ Джавахишвили возглавил работу по его основанию: дело было не только в том, чтобы поставить и обосновать вопрос о необходимости университета или представить проект его факультетов и направления их работы, одним словом, вопрос сводился не к составлению *объяснительной записки и разработки университетского положения*, хотя и это имело немаловажное значение, — задача была куда более сложной: *кто должен преподавать? Как найти и определить профессорско-преподавательский состав нового университета?*

Какая, друзья, открывалась картина —
увы, моя муза на краски скромна,
чтоб вам описать,
как гостей у камина
встречал Баци-Куку¹
за пробой гина!

Счастливым сознанием важности дела
пришелкивал он языком

и тонко затягивал он «Дэли-дэла»,
и пламя в камине
вполголоса пело,
и каждый кувшин
подпевал, как умел!

...Воды утекло
и отваяло ветра

немало с тех пор
над землю моей,
и многие строки
исчезли со света —

случайней апрельского снега с полей,
и мне
разглядеть успевавшему
за день

в чертах настоящего
поступь времен —
вдруг взял да и вспомнился

старый хозяин
таким, каким жил в моей памяти он.
Я еду!

Селение то уже близко.

Здесь был я
немалое время назад...

Заснеженный холм,
и — навстречу мне
цицка

идет
легионом смешных чертенят!

А вот и старик:
вот в ком есть еще порох!
В который уж раз
эти руки смогли

веселое полчище
чертиков черных
своими трудами

поднять из земли?
Он в бога не верит.
Его удивило

что чертиком
видится мне черенок:
«Нечистая сила?

Ну-ну...

Вот чинчила,
садись у камина и выпей, сынок!»
Он знает
свое незаметное дело,
чтоб к людям

веселье и радость пришли,
чтоб пели кувшины
свое «Дэли-дэла»,

чтоб шли чертенята
задорно и смело —
веселое воинство доброй земли!

¹ Сказочное существо.

Где должен работать университет? Как создать библиотеку, лаборатории?

Из каких средств выдавать гонорар лекторам или чем покрывать другие расходы?

После Февральской революции в первых же числах марта 1917 года в Петрограде на квартире Ивана Джавахишвили состоялось совещание. В нем приняли участие: И. Кипшидзе, Ш. Нуцубидзе, Ак. Шанидзе, С. Ломиа, Елена Чиджавадзе и Г. Гамкрелидзе.

После этого в Тбилиси и в Кутаиси в мае того же года Иван Джавахишвили публично выступил с докладами по вопросу создания университета. Вскоре было основано «Общество грузинского университета», разработан его устав, начался сбор средств..

Проект университета, рассмотренный и принятый «Обществом», с соответствующей запиской был представлен «Закавказскому чрезвычайному комитету» — Озаккому, — представительству Временного правительства в Закавказье.. Озакком переслал проект Временному правительству, которое передало его для заключения академику Николаю Марру, как авторитетнейшему ученому в области кавказоведения.

Заключение Н. Марра существует. Эта обширная статья «О кавказском университете в Тифлисе» опубликована в Вестнике Российской Академии («Известия Академии наук», 1918 г., стр. 1496—1516).

Основатели Тбилисского университета Ив. Джавахишвили, И. Кипшидзе и А. Шанидзе были воспитанниками Петербургского университета и вышли из той школы, которой руководил Н. Марр.

В годы Советской власти не осталось союзной республики, где бы не открылся национальный университет, но это произошло позже (а не в 1918 году)!

Открытие университета стало уже государственным мероприятием, а не результатом частной инициативы.

На снимке: (слева направо) сидят: Андрия Размадзе, Георгий Николадзе и Нико Мухелишвили; стоит — Арчил Харадзе.

Когда начатое дело венчается успехом, в хоре голосов славословящих нет недостатка. А когда положение сложное или неясное, едва ли кто обеспокоит себя и поддержит его, во всяком случае сделать это стоит немалых усилий.

Надо было иметь великую, непоколебимую веру в будущее грузинской культуры, в будущее грузинской научной мысли, чтобы в тех обстоятельствах и в то время взять на себя ответственность организации частного университета. «Ведь были и такие, — писал И. Джавахишвили в связи с двадцатилетием университета в 1938 году, — которые весь этот план и начатое дело считали погибельным для самих грузин и даже писали об этом в прессе, заявляя, что от осуществления этого плана нечего ждать, кроме как упадка грузинского научного мышления, и в то же время он, — этот план, — равен уничтожению очага армяно-грузинской филологии, созданного в Петербурге с таким трудом и долгой работой». («Коммунисти», 1938, 30 мая.)

26 января 1918 года открылся грузинский университет с единственным факультетом — философским, в летний семестр (с 1 февраля по 12 июня) лекции читались только по гуманитарным предметам: история Грузии, история грузинского права, всемирная история, археология, политическая экономия, введение в философию, психология, введение в языкознание. Преподавались языки: древнегрузинский, санскрит, арабский, армянский, персидский, французский, немецкий, английский...

Лекции проводились по вечерам с пяти до девяти часов в помещении нынешнего первого корпуса университета.

Профессорско-преподавательский состав к началу учебного года насчитывал 18 человек, среди них семь профессоров, имеющих степень доктора или магистра (П. Меликишвили, И. Джавахишвили, И. Кипшидзе, А. Бенашвили, К. Кекелидзе, Д. Узнадзе и Ф. Гогичаишвили), пять заместителей профессоров, магистрантов (А. Размадзе, С. Авалиани, Ш. Нуцубидзе, Г. Ахвледиани, Ак. Шанидзе), два научных руководителя (Ю. Абуладзе и Э. Такашвили), четыре лектора, преподавателя европейских языков (Е. Орбелиани, А. Лайст, И. Кипшидзе, В. Гамбашидзе).

В 1918 году к началу занятий в университет было зачислено 386 студентов. В сентябре того же года их число увеличилось (в сентябре 1918 года автору этих строк выдали матрикул за номером 536).

Посещение было свободным: никто не спрашивал, присутствует или же нет такой-то студент на лекциях, журнал не заводился довольно долгое время, и все же аудитории всегда были переполнены. Весьма своеобразно выглядел и возрастной состав студенчества: слушатель сорока и более лет, пожилой студент был явлением не таким уж редким.

Были среди слушателей и люди с высшим образованием, но все же поступившие в университет с целью изучить предмет на грузинском языке.

В настоящее время в Тбилисском университете, на четырнадцати его факультетах, обучается несколько тысяч студентов. Сейчас у нас столько же факультетов, сколько было профессоров и помощников профессоров в первый год работы университета.

За истекшие пятьдесят лет в Тбилисском университете возникло не одно научное направление в различных областях математических, естественных и гуманитарных наук, и его научный авторитет соответствует его работе.

Маленький ручеек, едва видимый у его истоков, превратился в реку, которая в строгой последовательности изобразилась на карте университета.

Однако рост и развитие Тбилисского университета примечательны не только тем, сколько открылось в нем факультетов, сколько специалистов выросло в его стенах, сколько в нем работает профессоров и какой он снискал научный авторитет.

В недрах Тбилисского университета зародились почти все высшие учебные заведения Советской Грузии.

На основе политехнического факультета в 1928 году был создан индустриальный, ныне политехнический институт.

На основе агрономического факультета в 1930 году возник сельскохозяйственный институт.

Лечебный факультет — явился началом основанного в том же году медицинского института, а затем института усовершенствования врачей и химико-фармацевтического института.

В 1933 году открылся Кутаисский педагогический институт, ответвление педагогического факультета Тбилисского университета.

Основание *Грузинской Академии наук* было бы невозможным, если бы университет не подготовил соответствующей почвы (базы) для его возникновения: в Тбилисском университете был создан не один научно-исследовательский институт. Таковы институты: математики, физиологии, геологии, языковедения, истории, литературы, институт истории искусств. Университет подготовил кадры и для целого ряда других научных учреждений.

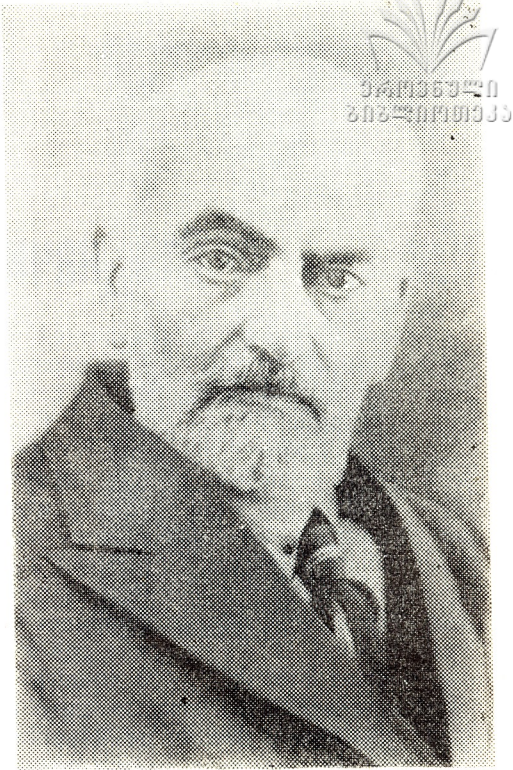
Когда в 1941 году открылась Грузинская Академия наук, из 16 действительных членов академии тринадцать были профессорами Тбилисского университета.

Работа университета на грузинском языке подразумевала разработку университетского курса. Для этого необходимо было создать на грузинском языке терминологию различных областей науки. Разработке научной терминологии был заложен прочный фундамент с первых же дней работы университета под руководством и при непосредственном участии И. Джавахишвили.

В Тбилисском университете были созданы первые университетские курсы во всех основных областях науки и техники, агрономии и медицины: стало возможным изучать на грузинском языке высшую математику и физику, физиологию и геологию, химию и ботанику, сопротивление материалов и патологическую анатомию...

Основание Тбилисского университета, первого грузинского университета, предвещало именно *возрождение грузинской научной мысли*.

С именем основателя нашего университета Иванэ Джавахишвили неразрывно связано развитие высшего образования в Грузии и поистине народное, великое дело развития грузинской культуры.

Петрэ Меликишвили

Симон КАУХЧИШВИЛИ,
член-корреспондент Академии наук
Грузинской ССР

Это начиналось так

С некоторыми из тех людей, которые были инициаторами и непосредственными создателями университета, я был хорошо знаком, с другими продолжаю работать по сей день, и мне хочется поделиться своими воспоминаниями о них.

В 1913 году я окончил Кутаисскую классическую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Именно в этом университете надеялся я изучить прошлое нашей родины, наш язык и нашу литературу. Стремление это возникло еще в пору учебы в Кутаисской гимназии. В Кутаиси же я слушал доклад академика Н. Марра, возвратившегося из путешествия по Сванетии, узнал о значении изучения сванского языка для истории языка грузинского. Из грузинских газет «Цнобис пурцели» и «Сахалхо газети» я знал и о том, что доцент Петербургского университета Иванэ Джавахишвили в бытность свою в Тбилиси, во время зимних и летних каникул, читал лекции по вопросам истории Грузии.

Так что когда я решил поступить в Петербургский университет, все это было уже предусмотрено мной.

С первых же дней моего зачисления на историко-филологический факультет я также посещал лекции факультета восточных языков, слушал лекции академика Н. Марра по грамматике грузинского и армянского языков и доцента И. Джавахишвили — по истории Грузии.

И. Джавахишвили, узнав, что я собираюсь специализироваться по греческому языку и вообще по греческой филологии, одобрил мой выбор — для изучения истории Грузии знание греческих источников было необходимо.

После этого И. Джавахишвили в каждом семестре устраивал специальные семинары по изучению греческо-грузинских источников, и я был одним из активных членов этих семинаров.

В ту пору Иосиф Кипшидзе только окончил аспирантуру факультета восточных языков Петербургского университета. Он заканчивал свою диссертационную работу «Грамматика мингрельского языка».

Акакий Шанидзе тогда поступал в аспирантуру того же университета.

Летом 1914 года началась первая мировая война. Жить в Петербурге стало трудно. И. Джавахишвили и И. Кипшидзе были вынуждены оставить свои семьи в Тбилиси и поселиться вместе. И. Кипшидзе перешел жить к И. Джавахишвили, который занимал тогда небольшую квартиру на Лахтинской улице.

И. Джавахишвили назначил работу семинара на этой квартире, и мы, студенты, в неделю раз собирались здесь, и именно здесь каждое воскресенье встречались с Иосифом Кипшидзе и Акакием Шанидзе.

Они жили вместе, правда, ввиду создавшихся тяжелых экономических условий, но в то же время эти условия были использованы для

Э. Такайшвили

К. Кекелидзе

чрезвычайно большого и важного дела. Здесь разрабатывали они план будущего Грузинского университета.

Джавахишвили, Кипшидзе и Шанидзе уже разослали анкеты во все города России, где только существовала высшая школа, и собирали справки о количестве грузин — студентов, научных работников и профессоров в том или ином высшем учебном заведении.

Такие же анкеты они разослали и по зарубежным университетским городам.

Мы, участники семинаров, слышали от самого И. Джавахишвили, что показатели анкеты весьма отрадны и будущий Грузинский университет будет обеспечен и студенческими, и профессорско-преподавательскими кадрами.

Я могу рассказать еще о многом из той подготовительной работы, которая велась в «лаборатории» Иванэ Джавахишвили, но пока хочется оставить в памяти все как было и обратиться к сегодняшнему дню моей работы, которую благословил на заре студенческой жизни создатель грузинского университета Иванэ Джавахишвили.

А сегодняшний день моей работы — это *«Новый фонд греческих источников истории Грузии»*.

Когда я пишу *новый фонд*, это вовсе не означает, что материалы этого фонда обнаружены мной. О существовании их давно известно (я говорю о грамотах и других документах, хранящихся в архиве Афонского Иверского монастыря), однако они по сей день не опубликованы и, следовательно, не использованы в историографии.

В архиве Афонского монастыря находится большое количество грамот и исторических документов, в частности, так называемые хрисобулы или златопечатни, грамоты, пожалованные царями Византии, которые утверждали за Иверским монастырем право на владение той или иной вотчиной, освобождали его от тех или иных налогов и которые

разрешают различные вопросы, касающиеся владений Иверского монастыря.

Эти материалы еще сто — сто двадцать лет назад обнаружил и изучил архимандрит Порфирий Успенский, поместивший справки о них в своих книгах «Христианский Афон» и «Путешествие на Афон». Порфирий Успенский даже изложил содержание некоторых грамот на русском языке, приведя отрывки греческого текста, но самих текстов не опубликовал. Ныне фотокопии их хранятся в архиве Академии наук Союза ССР. Публикацию этих текстов с переводом их на грузинский язык, комментарий к ним и предусматривает план нашей работы на текущий и ближайшие годы.

А сейчас я хочу предварительно рассказать о том, каково значение этих грамот и документов в изучении вопросов истории Грузии.

Прежде всего они содержат материалы от X до XIX века включительно, но нам особенно интересны грамоты, дарованные Иверскому монастырю до середины четырнадцатого века; до этих пор (1350 год) Афонский монастырь принадлежал грузинам, а затем перешел во владение греков. Вот некоторые из этих материалов.

Хрисобул («Хрисобулос логос») о земельных владениях Афонского Иверского монастыря датирован 958 годом. Выдан он царем Константином VI и касается поместий монастыря на так называемой Афо. Как видно, Афо — часть того владения, где жили грузины до тех пор, пока ими был выстроен в 970-х годах известный большой Иверский монастырь.

Здесь же я должен сообщить, что грузины сперва жили в существующей на Афоне так называемой лавре Афанасия и выстроили собственный монастырь после 979 года. Общеизвестно, что в 970-х годах

Реваз ДЖАПАРИДЗЕ

Пылающий костер

Со дня основания нашей гордости — храма грузинской науки, праматери высших учебных заведений — Тбилисского государственного университета — исполнилось пятьдесят лет.

Пятьдесят лет!

Как это мало и в то же время как много!

Много потому, что пятьдесят лет — это капля в море, это мгновение на отрезке истории, которой не видать ни начала, ни конца. Мало потому, что его основатели и отцы, его профессора, если не все, то некоторые из них, — не говоря уже о его первых студентах, — и сегодня находятся в родном университете и с юношеским пылом и задором продолжают воспитание все новых и новых поколений студентов.

Как быстро пролетело время. А ведь кажется, что только вчера состоялось собрание основателей университета, — и вот уже мы празднуем его пятидесятилетие.

Пятьдесят лет много, потому что они вместили в себя весь срок великого возвышения и больших достижений всей национальной науки и культуры. И во всех этих достижениях первейшая роль принадлежит Тбилисскому университету. Грузинский народ жадно приник к чистому источнику цивилизации, — он слишком долгое время жаждал этого источника.

С давних времен край, столь богатый очагами высшего образования, на протяжении почти семи столетий своих лучших сынов отправлял за границу для

крупный феодал Византии Барда Скларос поднял восстание, и престольный город Византии, к которому он приближался, собираясь его разорить, оказался в положении крайне тяжелом. Царица Теофано, у которой было два несовершеннолетних сына — Василий и Константин, обратилась с просьбой о помощи к грузинскому царю Давиду Куропалату. Последний послал в Византию двенадцатитысячное войско под предводительством Торнике Эристави. В 979 году восстание Барда Склароса было подавлено. Эта история хорошо известна хотя бы благодаря поэме Акакия Церетели «Торнике Эристави».

Победа над повстанцами принесла грузинам щедрые награды, большая часть добычи досталась им, и благодаря этому они получили возможность выстроить собственный монастырь: помимо денег правительство Константинополя послало грузинам, находящимся на Афонской горе, строительный материал и лучших своих мастеров.

Следовательно, Иверский монастырь построен после 979 года, а до того времени грузины, находящиеся здесь, жили в уже упомянутой лавре Афанасия и той обители, которая в грамотах зовется «Афо».

Последуем теперь за документами.

Мы обнаруживаем в них множество спорных вопросов, связанных с владениями Иверского монастыря. Так например, «Письменное подтверждение» — по-гречески «Энграфос асфалиа», — датированное 982 годом, сообщает:

«Мы, жители крепости Иерисо, этим письменным подтверждением даем Вам, добродетельнейшему монаху Иоанну Иберу и богоугодному человеку Иоанну Сингелозу, и зависимую от Вас благоустроенную царскую обитель Колово, поскольку она подчиняется Вам.

Поскольку эта благоустроенная обитель дана Вам золотопечатным словом («Хрисобулос логос») и засвидетельствована для Вашей бла-

изучения наук. Нашествие Тимур-Ленга, уничтожение целостности страны и внутренние неурядицы все повергли и истребили. Навечно умолкли академии, имевшие большие научные традиции. Варварская рука врага разграбила монастыри, церкви и книгохранилища.

Настала долгая ночь...

Многие грузины, которые получали высшее образование за границей, не возвращались в Грузию, так как на ввернутой в бедствие родине наука не находила развития, и они свой большой талант и духовный потенциал обращали на развитие чужой культуры.

Так из рода в род блистали имена грузинских ученых в Риме и Париже, в Бухаресте и Варшаве, в Тегеране и Багдаде, в Каире и Дамаске, в Петербурге и Москве, в Харькове и Одессе...

Патриотическое начинание ныне покойного Иванэ Джавахишвили и истинная самоотверженность его верных соратников собрала в столице многострадальной родины рассыпанных по всему земному шару грузинских ученых и зажгла этот сверкающий костер, разогнавший вековечную кромешную тьму.

Сегодня, в дни пятидесятилетия университета, народ почтительно склоняет голову перед детьми своей нации, положившими труд свой на алтарь отечества. Иванэ Джавахишвили, Петрэ Меликишвили, Эквтимэ Такашвили, Иосиф Кипшидзе, Корнелий Кекелидзе, Дмитрий Узнадзе, Андриа Размадзе, Акакий Шанидзе, Георгий Ахвледиани, Шалва Нуцубидзе, Симон Каухчишвили... — вот они, положившие неизмеримо великий труд во имя родины и поставившие Грузию в один ряд с просвещенными нациями мира. Вот они, чьи имена вечно будут сиять на лазурном небе грузинской науки, вот они, почитание и преклонение пред которыми навечно будут жить в благородном сердце грузина.

Этот прославленный очаг грузинской научной мысли особенно дорог и близок тем, кто учился в его стенах, кто приобрел к его добру и мудрости. Я считаю себя счастливым, потому что часть его родительских забот и тепла выпала и на мою долю.

Вечная слава и процветание нашему любимому университету — светлому уму грузинской нации!

гоустроенной лавры, которая основана во имя пресвятой богородицы и зовется обителью Климента, дается Вам свидетельство это для того, что Вы являетесь владельцами его (обители)».

Подписывают грамоту тогдашние правители Византии Василий и Константин и семьдесят пять свидетелей.

Дело в следующем: за два года до написания этого документа, в 980 году, Иоанн Ибер, отец Эквтимэ Афонского, присоединил к своей лавре две обители: существующую в Иерисо обитель Иоанна Колово и обитель Климента, расположенную на Афоне, и закрепил их за собой грамотой царя Василия. Что же касается Иоанна Сингелоза, упомянутого в документе, о нем говорится и в другом Хрисобуле царя Василия, где к имени Иоанна Сингелоза приписано имя *Торнике*, следовательно, у нас под рукой документ, в котором говорится об основателях Афонского монастыря — Иоанне Ибере и Торнике Эристави.

Рассмотрим теперь еще одну грамоту. В начале ее написано: «Грамота Никифора Ботаниати 1079 года». Между прочим замечу, что царь Никифор Ботаниат был женат на дочери грузинского царя Баграта IV Мариам. Царь сообщает в грамоте следующее: Иверская лавра ежегодно получать из государственной казны 8 фунтов золота и 16 золотых солидов. Из них 4 фунта он будет получать из собственной сокровищницы царя, и отныне Иверская обитель освободится от всякого рода налогов и не будет в подчинении Фесалоник.

Можно бы привести и содержание других хрисобул, но и этого вполне достаточно.

До 1353 года Иверский монастырь принадлежал грузинам, затем они были изгнаны греками. Порфирий Успенский писал, что грузины в конце X века выстроили на Святой горе собственный монастырь, который существует и по сей день под названием Иверского. Начиная с той поры (основания монастыря), до 1353 года или немногим позднее, в указанном монастыре жили исключительно монахи-грузины. Патриарх Кириллос I, который патриаршествовал в 1350—1362 годах, поселил в Иверском монастыре греческих монахов, объясняя это тем, что монахи-греки превосходили грузин как численностью, так и по своим духовным качествам.

Греческие монахи, начиная с 1492 года, постепенно обновили, расширили и обогатили Афонскую обитель не только по милости России и молдавских князей, но и с помощью самих грузинских царей.

Так, в начале XVI века владельцы грузинских провинций Самцхе и Кларджети, в частности, сын Атабега Кваркваре III — Кайхосрө I и его наследник Мзечабук построили внутри обители высокую башню.

В 1619 году под руководством Архонта Шермазана Иверского у входа в монастырь был выстроен бассейн, вода в него поступала по трубам, проложенным на довольно большом расстоянии.

В 1540 году царь Кахетии Леон и его сын Александр возобновили пожертвования братьям Афонского монастыря.

Таким образом, несмотря на то, что управление монастырем было в руках греков, грузинские цари и мтавары (владельческие князья) не оставляли его без внимания.

Такого рода образцы документов — они и сегодня находятся в Иверском монастыре и войдут в названную книгу. И, думается, сыграют определенную роль в изучении истории Грузии.

В гостях у художников

Если вам доведется побывать в Тбилиси, не поленитесь преодолеть крутой подъем проспекта Руставели от оперного театра к улице Арсена, пролегающей у самой горы Давида. Это и центр и окраина. Застроена она непритворными особняками не так уж давно для древней столицы, но все же в прошлом столетии и, видимо, людьми с достатком, но не высшей знатью, так как все же это окраина и подъем, дающийся не просто.

Так вот, в квартире бельэтажа одного из этих, уже обветшалых, особняков много лет живут и творят художники Лери Чочиа и Георгий Зурабов. На вопрос: почему много лет творят, но мало кто о них знает? — можно ответить по-разному, но самым верным будет сказать — да потому же, почему много лет творили, а о них мало знали некоторые, теперь вполне прославленные мастера старшего поколения, в общении которых со зрителем, с народом образовался перерыв. И теперь, когда объективные исторические процессы общественного, а следовательно, и художественного развития все более набирают силу и обретают уверенную поступь истинно в лад с ленинской эпохой, закономерен и процесс более тесного сближения каждого настоящего художника со зрителем, с тем, для кого он творит.

...Первое чувство, которое испытываешь, попав в дом Лери и Георгия (так зовут их друзья и знакомые, такое, без отчества, принято здесь обращение) противоположно тому, какое возникает от обычного жилья. Как правило, у всех четыре стены призваны оградить, уберечь домашние ценности — книги ли, холодильники ли. Тут все не так — стен нет, и мир безгранично раздвинут. О том, что в комнате должна быть мебель, забываешь, как забываешь, что на чем-то все же сидел, на чем-то стояла чашка кофе. Зато запоминаются глубокие подоконники (наружные стены в прошлом делались с расчетом на длительное сохранение временного тепла дровяной топкой). Глубокие и, хочется сказать, рабочие. Они отполированы так, как полирован может быть верстак, переходящий от деда к внуку, и залиты краской. Запоминаешь, что, сидя на них, все смотрится вернее. А

это все и есть тот безмерный, безграничный мир образов, переживаний, мыслей, в который вступаешь, потеряв представление о малости, о скудности ограни-

Впервые я познакомился с картинами Л. Чочиа и Г. Зурабова несколько лет тому назад в их квартире. Предомно представлено оригинальное, чистое искусство, которому отданы все духовные силы настоящих энтузиастов живописи.

Картины Лери Чочиа светлы, написаны профессионально, у них гармоничный колорит, без малейшего сползания в красивость. Многофигурные композиции Лери решаются просто и в то же время оригинально, некоторые фигуры деформированы, но от этого в картинах художницы они приобретают выразительность, — а законность подобных опытов не вызывает сомнений. Картины Лери красивы, но надо их видеть самому, никакое описание, даже многословное, не способно передать прелесть ее кисти. Портрет Дмитрия Гордеева не просто хорошее полотно, а бесспорно замечательное — оно так решено композиционно, что после него не хочется смотреть иные работы некоторых художников, где шаблонные позы портретируемых набили оскмину своими подражательными решениями — таких много. Нужна выставка картин Л. Чочиа и Г. Зурабова, тогда тбилисцев обрадуют неожиданные открытия в чудесной области изобразительного искусства.

О Георгии Зурабове можно писать очень многое, о выраженной в его картинах жизненной силе и энергии. Цвет его картин богат и глубок. Будучи реалистом по убеждению, он вместе с тем мечтатель по натуре. Его темы: крестьяне, деревенские жители. В большинстве случаев они зафиксированы в статичных позах, они неподвижны; но в последних работах художник проявляет особый интерес к форме человеческого тела, к свету и движению, и его герои, крестьяне — мужчины, женщины и дети — сдвинулись с места и пошли. Цвет в картинах Георгия своеобразный, резко контрастный, при отсутствии полутонов. Картины Георгия Зурабова декоративны, они были бы уместны на больших стенах клубов, Дворцов культуры, где они великолепно украсили бы большие перспективы.

Кирилл ЗДАНЕВИЧ

ченного натуральными стенами пространства...

Они очень разные, эти два, спаянные долгоднейшей дружбой и семейными узами, художника. Даже когда Лери и Ге-

оргий одновременно пишут один и тот же натюрморт, возникают два своеобразных, ни в чем не схожих полотна, в которых только по внешним признакам опознаются одинаковые предметы. Человек у Лери всегда изображен на фоне природы — обобщенно - романтического пейзажа, у Георгия люди живут в самой природе, буквально между всхолмлив, деревьев, кустов, на дорогах, тропах, лужайках. Но при всей разнице художнического виденья и подхода к предмету ли, к явлению ли, художники сходятся в одном: чуть ли не каждая их работа является раздумьем над жизнью человека — человека-труженика, связанного с природой, с окружающим миром, из этого мира вышедшего и этот мир творящего. Выражено это, однако, не в жанрово-бытовых или производственных сценах и эпизодах, а в условно-реалистическом художественном обобщении. Но здесь обнаруживается и здесь же кончается их родство как художников: дальше вступает в права личность каждого — неповторимая и своеобразная до того, что порою начинает казаться, — а не только ли съехались с разных концов земли и снесли сюда свои сокровища эти люди? В очень грубом, отвлеченно-приблизительном определении, различие между ними хочется выразить так: Лери — это Запад, Георгий — Восток..

Вот ранние натюрморты Лери Чочиа. Их утонченность и изысканность со вре-

менем, в последующих работах, обретает большую строгость и масштабность. А ее укрупненные, с некоторой деформацией, многофигурные композиции и портреты, которым она уделяет еще больше и больше внимания, безупречно гармоничны и красивы. И во всех этих картинах люди (физического ли, умственного ли труда) предстают в особой напряженной одухотворенности — будь то групповые композиции женщин с крепкими телами, не ведающими леги и неги, руками, не знающими усталости, сомкнутыми губами, озабоченным, а то и озадаченным раздумьем во взгляде, или же конкретные портреты (поэта А. Абашели, художников К. Зданевича и Г. Зурабова, искусствоведа Д. Гордеева, автопортреты).

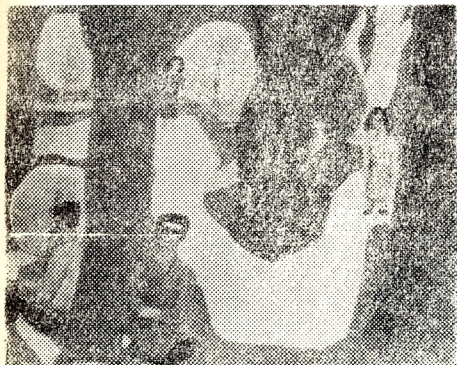
Этой одухотворенностью, скрытой динамикой в сочетании с монументальностью, глубинным свечением и прозрачной ясностью полотна художницы как бы восходят к характерным образцам грузинской фресковой живописи. Такая связь и преемственность естественна и закономерна для одного из основных направлений грузинской живописной школы. По-разному реализованная и трансформированная, она проявлялась и проявляется у самых различных мастеров.

Понятно, что творчество Лери Чочиа и Георгия Зурабова, получивших образование в Тбилисской академии художеств и бывших учениками такого выдающегося живописца, как Д. Какабадзе, не могло не питаться всеми истоками, по-

родившими и эту школу и ее наставников.

Однако для Георгия Зурабова в силу личного вкуса и всей его художнической натуры, сказавшейся и в философском и в образном строе его картин, сродни оказалось то направление, которое пыталось и определяло своеобразие видения и почерка художников-армян, росших и воспитывавшихся в Тбилиси, приобщившихся к грузинскому искусству через Пиросмани и не оставшихся глухими к родственным веяниям новой французской живописи от Сезанна до Руссо.

Его большие композиции кажутся погруженными в сухое колыханье высокогорных чистых тонов, в которых угадывается намек ли, налет ли мистичности. Но это не что иное, как реальность физического свойства разреженного воздуха, где синева отдает лиловостью, зелень синевую и все вместе переходит даже в льдистую белизну, а небо и земля могут обрести розовый отсвет. Поэтому и люди, населяющие эту сказочную землю, предельно просты и естественны. В них нет персональных черт или профес-

сионального различия, но очевидны их общие социальные «адреса» — это рабочий люд, вернее, работающий, близкий земле. И облик их первозападен, как сама природа, — проста одежда, проста манера держаться, но в темени глаз — глубокая сосредоточенность, духовная и душевная наполненность...

Это самые скудные слова и самое общее, выраженное ими, впечатление, возникающее при знакомстве с большим, ярким, целеустремленным и бескомпромиссным искусством двух прекрасных тбилисских художников.

Мышеловка

РАССКАЗ

Со вчерашнего дня у меня пост — вышли все деньги. И в этом виноват один я: ибо когда у меня есть деньги — от друзей нет отбоя, а когда выходят — друзья при встрече потчуют меня почтительным приветствием, — и этим ограничиваются.

А зять мой ни с того, ни с сего почему-то передумал ехать в Сванетию и махнул куда-то, в Калькутту, кажется.

А сестра племяшек моих забрала в Тианети, и остался я в одиночестве в этой оглохшей комнате.

Вынесу я это?

В субботу нос к носу столкнулся с Дато. Первое, что сказал он, было: «Оторвал новенький костюмчик!» — и второе (последнее), прощаясь: «Должок подкину в воскресенье».

Я смолчал. Кому-кому, а мне-то известно, как он возвращает долги. И вообще, переверни его вниз головой — ни копейки не вытрясешь. А каждый день меняет туфли: то одни новые, то другие. В такую жару напялил на себя костюм и ходит в нем. И куда торопится: до осени каких-то семь пятниц осталось...

Кошка наша уже вторые сутки дичится меня — переселилась к соседке. Но соседочка наша — не дай бог! — к ней на балкон и воробьи перестали летать. А беременной кошке пост не на пользу.

У меня сейчас так сосет под ложечкой — жжет просто! — и так учащенно и сильно бьется сердце, что подрагивает полотенце, висящее на спинке кровати.

Потеть я, правда, перестал, но рубаха по-прежнему липнет к телу. Воздух в комнате тяжелый. Я уже два раза приподнимался, садился на постели с мыслью встать и закрыть окно, но оба раза забывал, для чего вставал. Только бродил вокруг стола, и вот вытряхнул из пепельницы все до «фабрики» выкуренные окурки. И снова лег.

Если бы дядька мой знал, в каком я положении, — старик с ума бы сошел. А живет он тут рядом, на параллельной улице.

И почему-то случается, что при встрече с ним я всегда изрядно навеселе, и полагаю, что идти к нему за деньгами бесполезно: пропьешь, скажет, и только. Но и идти, как говорится просто так, с визитом — не стоит: языкастая жена его тут же припечатает: пожрать приперся.

Эх, была бы хоть одна папироска!..

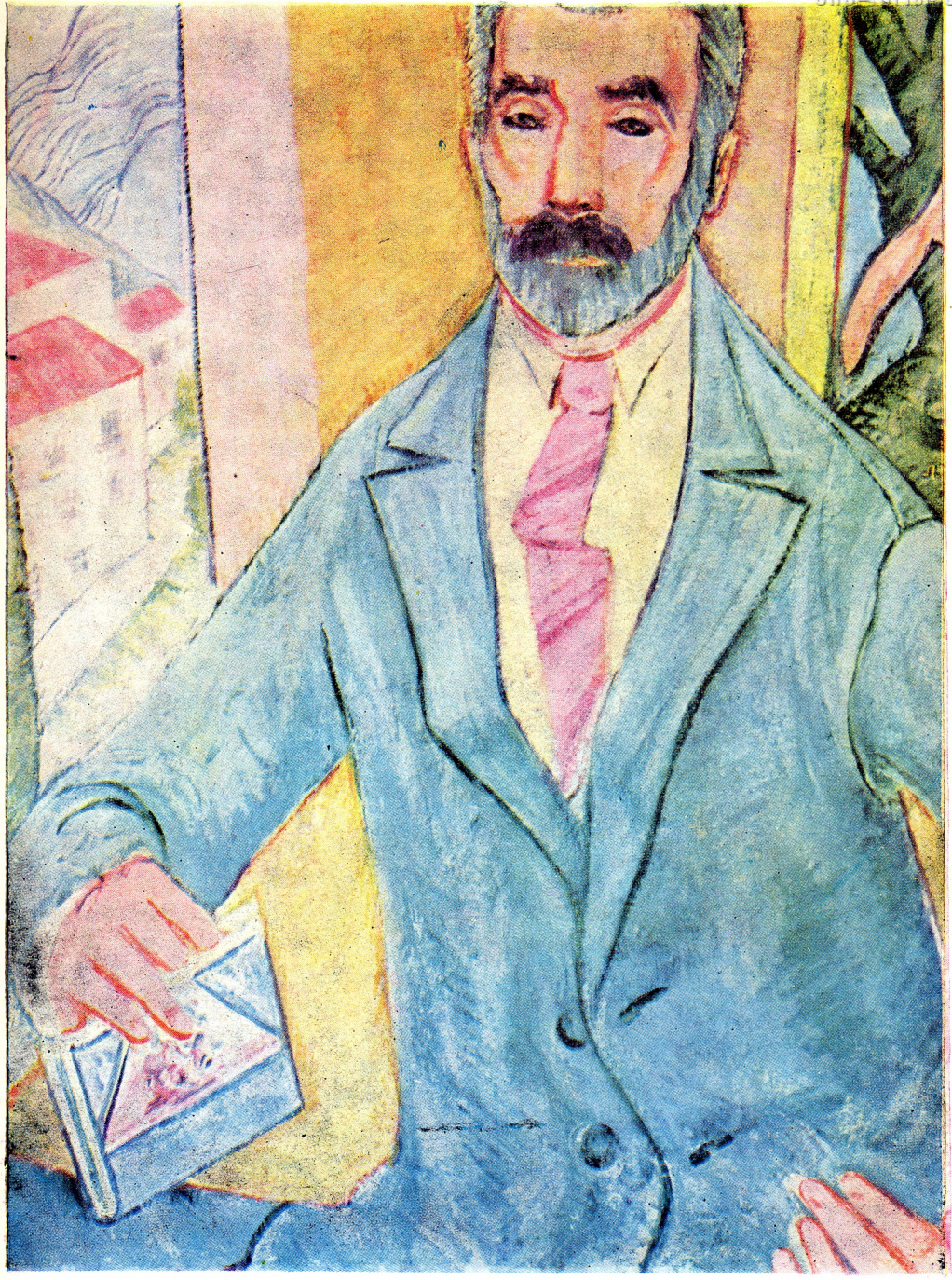
Конечно, если выйти из дому, то курево я мгновенно раздобуду. Да у Вари в долг возьму, но ради этого плестись в Сололаки — избави бог, да и сил моих нет никаких. Лучше уж буду так вот лежать и думать о своей неоконченной картине.

Эх, заботься я о своем здоровье, — я не 65 килограммов весил бы. Да и тут бы не прозябал. Подумать только, когда рассвело, а я все валяюсь себе в кровати! За это время можно было пешком сходить в Гурджаани.

Мамашу свою я не больно балую визитами, так что, увидев меня, она не воскликнет: опять тебя сюда принесло! -- ничуть не бывало —

ქართული
ლიბრეოთეკა

Портрет поэта Александра Абашели, 1963 г.

«Карусель» — 1968 г.

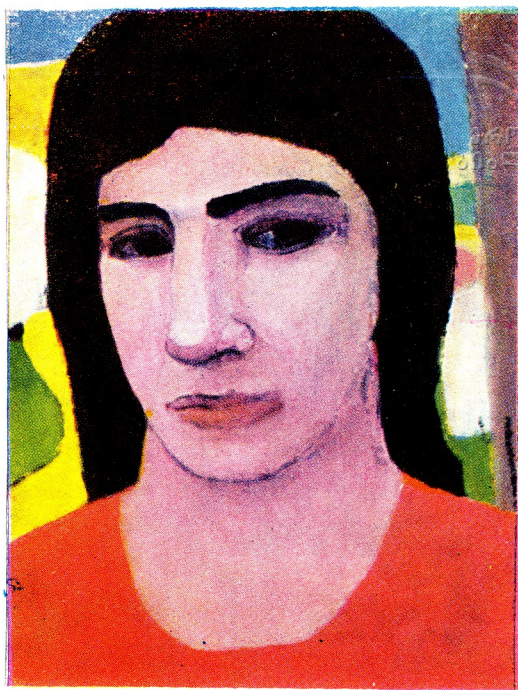

«Весна» — 1967 г.

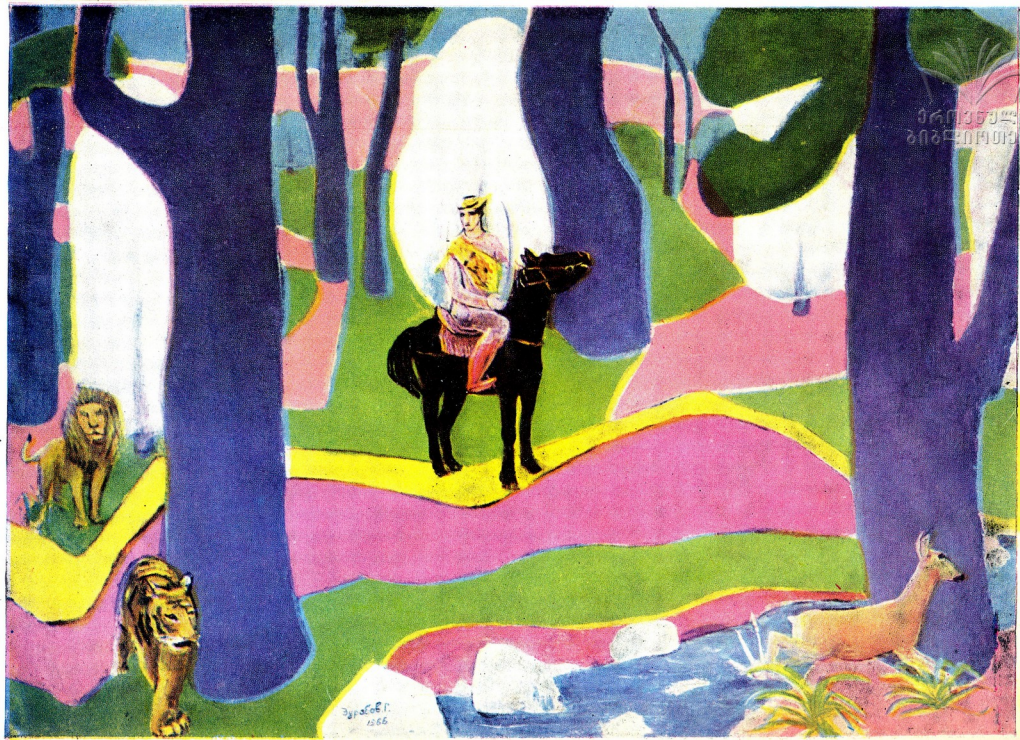
«Девочка с шаром», 1966 г.

«Девушка из Зангезура» — 1965 г.

ქართული
გრაფიკის
მუზეუმი

შალვა შ.
1966

пять месяцев не виделись. А письмами она меня засыпает, как градом. Кстати, лишь бы и в этом году не побило градом наш виноградник. Жалко маму, — она, бедная, день и ночь работает, не разгибая спины.

Кто-то стучит в дверь. Я приподнимаюсь.

— Пожалуйте! — кричу.

Но дверь не открывается, никто не входит. Гм, кому-то, видно, нечего делать! Ну и ладно, пусть себе стоит за дверью и постукивает. А может быть, мне показалось... Не знаю...

Вновь раздается стук.

— Вах! С ума там спятил кто-то, что ли! Пожалуйте!

Дверь открывается.

— Доброго полудня! — говорит парень.

Я оглядываю его: моего возраста, стоит на пороге, в руках держит мышеловки.

— Простите... Здравствуйте... Вы ко мне?

— Как видите, — отвечает и окидывает взглядом комнату.

— Чем могу служить? — спрашиваю я и разом просовываю обе ноги в штанины брюк.

— Он глядит на часы и спрашивает:

— Мыши есть?

Я тут же настраиваюсь на шутливый лад.

— Конечно! Конечно! Я не выношу одиночества!

Он рассердился:

— Шутить вздумали?

— Да что вы, помилуйте! Это... я просто...

— Ну так вот, — говорит он и бросает в угол мышеловки.

— Поцарапаете пол — сестра выгонит меня из дому.

Он не обращает внимания на мои опасения, только искоса глядит на меня и повторяет свой вопрос. Ну что ж, раз уж нашлось с кем поговорить — я ни за что не упустил этой возможности. И говорю:

— Назвать точную цифру — сколько их — затрудняюсь, а то, что здесь их изрядное количество — могу поклясться перед иконой! Истинная правда!

Он и это пропускает мимо ушей. Поворачивается, выглядывает в открытую дверь на балкон, из кармана достает коробок спичек.

Ну, спасен! — думаю, сейчас закурим!

— О, ради всего на свете — не кури! Не выношу табачного дыма! — восклицаю я, предвкушая наслаждение затянуться густым дымом табака.

— Я вообще не курю. Мне надо орех опалить.

— Гм...

Я хватаю с полки первую попавшуюся книгу и плюхаюсь на кровать. О боже! — в руках у меня «Теория вероятности». Конечно, зять приволок эту гадость.

Я роняю на пол книгу. Оглядываюсь, переворачиваюсь на бок. Гость сидит на корточках и чиркает спичку за спичкой.

— На пол не бросай, — предупреждаю я.

— Благодарю, — отвечает он.

Ух ты, а запах-то какой пошел! Прямо как под нашей грушей — и летят на землю спелые плоды. Летят! Эх, жаль, что у нас одни куры, сюда бы борова, вот бы наелся! Да, вино-то ведь наше требует окуривания. Хорошо бы мама окурила его серой, помогло бы. А Гоги Канде-лаки, должно быть, в день разов пять пройдет по дороге мимо нашего дома и все спрашивает:—Ну, что, Каха не приехал?—Приеду, я, Гогия,

приеду, и вскроем мы с тобой чури с вином, и возле него разложим испеченный твоей матерью хлеб, тушинский сыр, тархуну...

— Мышеловку я поставлю сюда, около книжного шкафа, — говорит гость.

Я вытираю пот на лбу.

— Говорите тише, чтоб кошка не слышала: обидится.

А он свое:

— Так вот, как попадется... Вы, конечно, знаете, где находится наше Общество? — а сам пересчитывает мышеловки.

— Какой может быть разговор: речь же идет не о каком-то там Дворце спорта! И что касается вашего Общества, то я с закрытыми глазами найду его.

— Ну и отлично, я к вам зайду дня через два... Будьте здоровы! — прощается со мной незваный гость, выходит на балкон, дверей за собой не закрывает.

В комнате стоит умопомрачающий запах опаленного ореха, а в за саде у шкафа таится мышеловка.

— Эй, ты, послушай-ка! — кричу я что есть мочи, чтоб остановить его — не дать спуститься во двор. — Вернись на минутку!

Слышу шаги — значит, возвращается.

От крика у меня теперь просто разваливается голова, которая и так страшно болит.

— Послушай,—говорю (он уже на балконе), — ты мне вот что скажи: если попадется мышь, то об этом по телефону сообщить тебе или человека прислать? Объясни, как поступить?

Он оставляет мышеловки на балконе и входит в комнату.

Я только сейчас замечаю, что на нем надета вылинявшая рубаша с короткими рукавами, а волосатые руки такие длинные, что, кажется достают до колен.

Он глядит на стул глазами атакующего боксера и спрашивает:

— Сесть?

— Какие могут быть разговоры!.. Конечно, садись!

— Не знаю, говорят, что без приглашения хозяина сесть неприлично, — а сам оглядывает стены. — Многое еще, говорят, неприлично делать, но не о том речь.

Я понял, на что он намекает.

— Мне немного нездоровится, — говорю я.

— Ты художник? — спрашивает он, не глядя на меня.

— Кажется.

— А я думал — бездельник.

— Неважно. Домашние за такового и считают меня. Так что подобное уже не обижает меня — привык.

Я уже стою на ногах. Голова у меня кружится.

— Отец у тебя есть? — спрашиваю я, но он, кажется, не слушает меня.

— Отец? Эх... — он вздыхает. — Отца не помню.

— И я...

Вдруг он поворачивается и смотрит так, словно что-то у него на языке вертится, а сказать никак не может.

— Садись, — он подает мне стул. Некоторое время молчит. Потом тихо говорит: — Это чувствуется. У автора столько картин не может быть отца. Любовь к труду очень часто бывает порождена сиротством, потому что сиротство всегда связано с бедностью. Не буду говорить с

себе, но понаблюдай вокруг, и если найдешь обратное тому, что я говорю — сочти за счастливое исключение.

— Может, и так, кто его знает...

— Не хочешь — не верь. Тебя Кахой звать?

— Кахой.

— Не надо такую жирную надпись ставить на картинах. Подписывайся еле заметно, и в один прекрасный день задашь работу идиотам. Развернется дискуссия: одни будут утверждать, что тебя звали Каха, другие — Кахи. Впрочем тебе-то что: пусть защищают диссертации. И это впрок пойдет потомкам.

Теперь уж я хлопаю его по плечу.

— Не мышами, — говорю, надо тебе заниматься!

— Я учусь на заочном. Говорят, стану инженером.

— С легким опозданием...

— Да, в командировочке пребывал: на лесозаготовках.

— Вот те и на!..

Я снова тру себе лоб: глаза пылают, как в огне.

— Голова болит? — спрашивает он.

— Болит, да как болит!

— В груди жжет?

— Жжет. И глаза горят.

— Ты только не ершишь, прямо говори: голоден?

— Я?.. Ну что ты, какой может быть голод! Я — вот до сих пор..

— Не заливай! Уж этого от меня не скрыть. Я, брат, шесть годков тянул.

— А я шесть лет в Академию ходил!

Это я сказал, чтобы переменить тему разговора.

Он улыбается.

— Дай-ка руку, — говорит, — пульс пощупаю.

— Знахарством занимаешься?

— Для этого не надо быть врачом: голова болит, в груди жжение, и температура невысокая... Короче говоря: хочешь есть. Приляг. Я воды принесу. Где у тебя полотенце?

— В кухне. А воды нет — не идет. В холодильнике графин стоит, достань.

— Наверное, деревья поливают. К деревьям у людей больше сострадания.

— Сравнительно: они безответные.

— Ого-го! — это уже из кухни доносится его голос. — Сколько же тут бутылок из-под коньяка! Пируешь?

— А что еще остается делать? — отвечаю я ему, теперь уже склонившемуся надо мной. — Ведь иногда необходимо забыться, не помнить того, что тебя беспокоит... Полотенце выжми по сильнее.

— Нет, так лучше. А забыть надо навсегда!

— Каждый день напиваться — трудновато, потому и невозможно навсегда.

— Трудновато, брат, тогда приходится, когда к тебе пожалуют гости, а тебе надо бежать к какому-нибудь сапожнику и кланяться у него денег в долг, не так ли?

— Приблизительно так.

Он ищет что-то в кармане своей рубахи. Потом подает мне белую таблетку.

— И у меня часто болит голова. Как видишь, и я отмечен этим добром. Бродил, бродил по земле, — и вот награда... На, проглоти и пройдет.

— Да стоит ли на эту боль обращать внимание? Но когда-нибудь она даст мне перцу!

— Не кривляйся, глотай, — говорит он и подает мне графин с водой. — Очень холодная. Только глоток, не бойся.

Я проглатываю таблетку. Мокрое полотенце приятной прохладой касается моей груди.

Я смотрю на него снизу вверх.

— Старик, а у тебя отличный фасад для живописи!

— Ежели фасад, то надо было видеть меня до того, как я попал в объятия мороза. — Он с размаху треснул графином по столу. — Если годится фасад — рисуй, в этом я не откажу тебе.

— Нарисую и подарю тебе.

— Я одинокий, дома — никого нет, не любоваться же мне самому на себя?!

Некоторое время молчим. Потом между нами происходит такой разговор:

Он: — Ты лежи, а я мигом вернусь.

Я: — Ладно.

Он: — Смотри, чтоб мышеловки не свистнули.

Я: — Кому они нужны!

Он: — Воровство — привычка..

Он наскоро причесывается, еле слышно бормочет себе под нос:

— Ну пока..

— Только врача — смотри! — не приводи.

А вот это он уже говорит мне с балкона:

— Графин на стуле, не скинь. Полотенце смачивай через каждые пять минут..

Головная боль у меня прошла. Я встаю. Подхожу к зеркалу, гляжу на себя: лицо у меня покраснело, это, признаться, идет ко мне. Правда, профиль у меня немного подгулял, но в общем парень я ничего, хороший.

Я подхожу к шкафу и разряжаю мышеловку. Вчера из соседской комнаты пожаловала ко мне гостья, и если ее прихлопнет мышеловка, это не будет учтиво с моей стороны. Пока племяшки мои в Тианети, пусть себе живет здесь, мне-то что. А как сестра с детьми вернется, вернется и наша кошка, и там уже пусть сами между собой и рассудят (кошка и мышка).

Я выхожу на балкон, гляжу во двор: около совершенно сухого водопроводного крана выстроились в очереди ведра. Вот это я понимаю: порядок! Но как только пойдет вода, ведра эти так застучат друг о друга железными боками, что держись!

Распахнутое окно в комнате вдовы похоже на заряженную мышеловку.

В деревне бабушка моя мышей ловила обычно глиняной миской. Под миску она подставляла палочку, на которой была насажена опаленная на огне корочка хлеба (орехов в доме не было), и вот в полночь — бух! — миска падала, и мышка оказывалась под ней. После бабушка до тех пор возила по полу миску из стороны в сторону, пока ободранный мышиный хвост не оказывался снаружи. И бабушка в тот же миг хватала мышку за хвост и хлоп — головою об пол.

Мышей можно ловить и ведром, но от ведра страшный шум, а это, конечно, очень большой недостаток. Да, так-то оно..

Нанули напялила себе на голову соломенную шляпу и стоит на самом солнцепеке. Смешная, встала бы в тень.

— Дядя Варлам, Кето встала? — спрашивает она о своей двоюродной сестре.

Ее двоюродная сестра работает где-то очень далеко.

— Вне всякого сомнения! — скалю я с балкона зубы.

Она смотрит на меня, а чтобы не уронить шляпу, снимает ее и ею заслоняется от солнца.

— Ты дома? Нарисуй меня, а?

Отличная девушка — экстрa класс!

— Соседи заподозрят в чем-нибудь плохом, но уже не говоря об этом — осенние экзамены — не шутка.

— Подумаешь! Пусть что угодно думают. Им и это наскучит! — Она смеется, смеется, грудь у нее подрагивает (ворот платья широко раскрыт).

— Рукой прикрой! — говорю я. — Ты дома одна?

Нанули кокетливо гримасничает, подмигивает мне и выходит на улицу.

— О боже, спаси и помоги!

Я возвращаюсь в комнату. Здесь прохладно. Я опускаю шторы и снова валюсь на кровать.

Изредка, с очень большими перерывами гудит пустой холодильник. Только он нарушает тишину.

Черт, что за тишина! Ну хотя бы соседские дети вернулись из школы. Не выношу одиночества и все!

Когда я один, тогда-то и начинают угнетать меня мысли. Я все думаю, думаю, а время летит, летит...

Нет, все-таки это очень хорошо, когда Паата мешает мне работать. То, что он краски у меня таскает, — это полбеды, а вот когда он выклянчит у Тины пластилин, тогда держись — замазывает и залепливает им все мои картины — и это уже настоящая беда.

И тогда я даю ему подзатыльник (такое случается).

После подзатыльника — следует ссора. Потом мы сидим и дуемся: он на меня, я на него. Да, я дуюсь, потому что я не мальчишка какой-нибудь, чтоб он на меня дулся, а я на него не дулся!

И Паата наливает в деревянное корыто воду и начинает купать подаренного моим дядей игрушечного поросенка. Поросенка он назвал Учой. А я в это время обычно работаю, работаю и радуюсь, что в комнате со мной Паата и что Уче не надоедает плескаться в корыте.

Позднее с работы возвращается моя сестра. Паата сломя голову кидается в ее объятия.

— Мамоchка, сегодня дядя Каха не давал мне подзатыльников! — радостно кричит он.

Сестра испытующе смотрит на меня.

— Надавал все-таки, да?

— Между нами произошла маленькая неприятность...

Паата, дружок, поскорее возвращайся из Тианети я тебе уйму пластилина куплю!..

На полу что-то зашуршало. Поворачиваюсь. Вижу: под столом мышь сидит, смотрит на меня. Перед ней корочка хлеба. Интересно знать, где она раздобыла ее?!

Ну, ладно, погляжу, что будет дальше.

Мышь еще некоторое время смотрит на меня. Потом начинает во-зить на полу корочку и погрызывать то с одного, то с другого уголка.

Я осторожно поднимаю книгу. Мышь оказалась весьма сообразительной — юркнула под тахту.

Я кладу книгу на стул: пригодится, если появится мышь.

Я еще не успел спрятать рук под простыню, а она уже сидит под столом. Абсолютно по-домашнему чувствует себя — смотрит мне прямо в глаза.

А живот у нее — это да! и чем только она питается!.. А может быть, она беременна? О боже, какие только мысли не лезут в голову.

Украдкой тянусь за книгой. Если попаду в мышь, вот обрадую этого, как его, который принес мышеловку.

Мышь вновь юркнула под тахту, и я вновь кладу на стул «Теорию вероятности».

Если я попаду в мышь, самое большее, что от нее останется, — это хвост. Хотя и хвост ему засчитается как пойманная мышь. Он говорит, что и мышь стоит денег. Сколько же стоит одна мышь?

Она меня с ума сведет! Опять выползла и, изматывая мне душу, грызет и грызет эту сухую хрустящую корку.

Что делать — прямо хоть бери и размачивай корку в воде!

— Да перестань же ты наконец, дай отдохнуть! Неужели не можешь кушать бесшумно! — кричу я.

— Какое тебе дело до того, как я кушаю? — кричит в ответ Тебронне, соседка. — Я у себя дома нахожусь, и как мне хочется, так и ем! Да где же это слыхано, чтоб диктовали: ешь так или ешь этак?! И кто тебе велит прислушиваться к тому, как я кушаю!

Вот это — да: взревела на весь двор! Теперь — держись.

— Что случилось, Тебронне?

— Я ему сейчас задам!

Тебронне распаляется:

— Ты погоди, пусть только вернется твоя сестра!

Я — ни слова. Это злит ее.

— Погоди, погоди! Я знаю, что ей рассказать. Я расскажу ей, как в воскресенье ты привел сюда легкую девушку! Знай, я это отлично видела!

Говор во дворе все громче и громче. Уже галдеж. Одни, наверно, защищают меня, другие — яростно нападают. А толком ничего не разобрать.

Тебронне возвышает голос:

— Он пьющий?.. Да если хочешь знать, Абрам, он не пьющий, а пьяница! Погорше тебя пьяница, башка ты опустошенная! Ты чего защищаешь его? Может, он тебе стаканчик поднес, а?

Абрам гогочет:

— Молод он, как же ему иначе быть!

— Когда брат мой с третьей женой разошелся, ему было столько лет, сколько сейчас этому! — осуждает Тебронне мою, по ее мнению, затянувшуюся холостяцкую жизнь.

Во дворе смеются. А та, что хохочет, заливается пуще всех — Нанули.

Тебронне, если задумает что-нибудь сострять, то будь уверен — состряпает. А сестре моей только дай повод — и сгонит с квартиры.

Короче говоря, я у своей собственной сестры как бельмо на глазу. В день по десять раз обзывает бездельником. Да я и есть бездельник. черт бы меня побрал! Все люди на работе, а я в это время в пинг-понг играю с пацанами нашего двора, а нет, так сижу и рисую себе, и не рисую, а как сестра говорит, томлюсь и мучаюсь.

— Вы поглядите, как он притих! Ну что, Абрам, ты и сейчас будешь утверждать, что он не виноват?

— Да какая же его вина в том, что ты никак не выйдешь замуж! — Абрам поперхнулся и закашлял — это от неудержимого приступа смеха.

А Теблоне, очевидно, окатила его ведром холодной воды — пустое ведро катится и грохочет.

— Гав, гав! Дурной Абрам! Куси, куси! Дурак! — неистовствует Теблоне и кулаком стучит по перилам балкона.

Со двора доносится прерывистый смех. Да, Абрам прав, говоря что смех быстро накучивает.

Теблоне бродит по балкону и осыпает меня жемчугами:

— Невоспитанный! Хулиган! Пьяница! Бездельник!

Вдруг становится тихо, только тиканье стенных часов слышать.

— Здравствуйте! Как поживаете? — рассыпается Теблоне перед кем-то. — В деревне были? О, благодарю вас!..

Потом снова — тиканье часов.

— Тебе не здесь место, а в доме сумасшедших, там, на набережной! — опять взялась за меня Теблоне. Тот, перед кем рассыпалась Теблоне, ушел, и Теблоне сразу почувствовала большое облегчение. — Погоди, погоди, пусть только сестра твоя вернется! Проводил сестру — и вот вам... ходит сюда то одна, то другая!

Теблоне если рассердишь — из агнца делает бандита.

Я чихнул.

— Гром тебе на голову! — благословляет меня Теблоне.

— Ну, что тебе надо от меня, тетя Теблоне, что? Ведь я вот...

Теблоне отдернула штору, заглянула ко мне в комнату.

— Что ты сказал?

— А то, что скоро уйду туда, откуда нет возврата, и ты наконец успокоишься... Меня мышь извела, это я ее ругнул, а ты подумала, что тебя...

Теблоне вошла.

Я стал говорить тише:

— Скажи, пожалуйста, тетя Теблоне, разрешал ли когда-нибудь я себе хоть одно лишнее слово сказать по твоему адресу?

— Не разрешал. Но девушку приводил! И я об этом расскажу твоей сестре.

— Она приходила смотреть картины, что же, гнать ее надо было, да? Вчера вот из твоей комнаты мышь прибежала к нам, так я даже пугнуть ее не осмелился — как можно!..

— Ах, вот почему вчера ночью она не скреблась в моей ганджине!.. Значит сюда перебралась? — удивляется Теблоне.

— Я не намерен тебя обманывать: недавно заходил ко мне один парень и сказал, что хочу я того или не хочу, а мышь он изловит. Но я ни в какую: соседская, говорю, нельзя! Вон, гляди, видишь мышеловку? Но не тут-то было, держи карман шире, так и подали ему мышь!

Теблоне вертит в руках мышеловку.

— Плохо сделал, надо было разрешить изловить ее. Она мне всю ганджинку изгрызла и испоганила. Ты представляешь, за раз целый кусок хлеба съедает!

— Один голый хлеб — не питательно, маслицем бы смазала.

— А может быть, черной икрой?! — Потом спрашивает: — А ты чего валяешься?

— Эх... доктор сказал, чтобы я...

— Что-что?

— Да то, чтобы я, как черт ладана, избегал женщины и вина, и чтобы хлеба не ел, и чтобы, значит, без денег не ходил в столовую, а чтобы ходил в библиотеку!..

— Господи, что он говорит? А дальше?

— Дальше?.. Дальше — чтобы я ел яблоки и ходил по снегу. Представляешь, чтобы по снегу ходил!..

— Ой, бедняга! — сокрушается Теброне. — Наверное, он еще что-нибудь сказал?

— Да, сказал, да... Сказал, чтобы бросил курить. И я бросил. С самого утра не курю. Ни единой папироски.

— Без папирос, наверное, труднее всего.

— Святая истина! Но и без снега трудно. Он сказал, чтобы я одни яблоки ел и по снегу ходил. Ну яблоки, хоть с грехом пополам, да раздобуду, а вот снега где взять — ума не приложу! Говорят, его до декабря не будет.

— Страсти-то какие! — сокрушается Теброне.

Сама она из Гори, яблок у нее — хоть завались: брат чуть ли не каждый день шлет ей посылки, — лишь бы было с кем передать.

— Представляешь, сказал: только одни яблоки ешь. А нет, так знаешь, что он сказал мне? Мир дому сему, но он сказал... Эх, посмотри на меня, ведь я совсем-совсем еще молодой человек, полон сил, и вдруг... — я кулаком бью себя в грудь и отворачиваюсь к стене — боюсь рассмеяться. — И если сестра моя узнает про девушку — с ума сойдет. Ты же знаешь, как она заботится обо мне: только на базар каждое утро гоняет, больше никуда!

По щекам Теброне слезы катятся градом.

— О, чтоб мне солнца не видеть, почему же ты молчал до сих пор?

— Да-а, сказал, ешь одни яблоки!.. Но возможно ли одними яблоками питаться? Вот, какие дела... И знобит меня что-то. Возьми, пожалуйста, с тахты одеяло, укрой меня. И сказал, чтобы по снегу ходил... И яблоки... О боже, чем я прегрешил пред тобой, или ящерицу зажарил во имя твое, что ли?..

— Ты только ешь побольше, а яблоками я тебя обеспечу, — и заторопилась на балкон.

Я беру полотенце, обмахиваюсь — стораю от жары.

А Теброне уже несет яблоки на металлическом блюде.

— Помыла? — спрашиваю.

— А как же! О, чтоб мне солнца не видеть, почему я об этом ничего не знала?..

Я с аппетитом уплетаю яблоки.

— Дядя Варлам, Кето встала? — слышу голос Нанули.

— Яблоки-то вообще сладкая фрукта, но, — говорю я, — грузинский синап — чудо!

— Ровно через неделю поеду в Гори, — говорит мне Теброне, — много яблок привезу тебе.

— Спасибо... Ты и наши чемоданы захвати с собой. И если мне к тому времени станет лучше, я, может быть, выйду на вокзал к поезду, встречать тебя, ну, а если нет — то не взыщи, — я испускаю легкий стон (стон больного) и откусываю от краснобокого яблока порядочный кусок. — Ох, узнает сестра про ту девушку и...

— Да разве повернется у меня язык такое сказать! Лишь бы господь бог милостив был к тебе, а это дело я замну и ни гу-гу, ты не беспокойся, дитя мое.

А я уже злюсь: если Теброне усядется говорить — не подумает о том, что надо когда-нибудь и уйти. И непременно долго и подробно

будет рассказывать о том, как один русский офицер хотел было уже жениться на ней, но она отказала в последний момент. Э-эх, согласилась бы, черт ее подери, и весь наш двор пребывал бы в блаженном покое. Но, как видно, счастье нам не улыбнулось...

— Я немного вздремну, тетя Теброне, надо чуточку отдохнуть.

— Конечно, конечно, — поспешно соглашается она, — а если что понадобится, не стесняйся, зови.

И шаркая и хлопая по полу старыми туфлями, она уходит на балкон, а потом — в свою комнату.

О боже! Опять эта мышь возит по полу корку хлеба! Возит и грызет! А собственно говоря, что ей еще делать, как не возить и грызть! Ведь корка эта ей досталась задарма — ни пахать, скажу я вам, ни сеять, ни выпекать ей не пришлось. Ни засуха, ни наводнение ее не страшили. Ничуть не бывало — вот и живет себе припеваючи.

Я поднимаю голову — она убегает, кладу голову на подушку — она опять у корки.

Это только городские мыши ведут себя так. Деревенские мыши не устаивают общество своим присутствием. Деревенских мышей я видел только в когтях у кошки.

Помню, когда, бывало, выпадал большой снег, воробьи прямо перед нашими окнами рядками садились на ветках грушевого дерева. Это потому, что бабушка дробила кукурузу (пшеницы у нас не было). Битую кукурузу клала на подоконник, снаружи. А мы, мальчишки, сидели и караулили. Нахохлившись, воробьи искоса поглядывали на нас. Но достаточно было нам хотя бы на миг скрыться с глаз воробьиных, как они с гомоном налетали на кукурузу. И когда мы прибежали, эти вымазанные в мазуте воробьи прямо из-под самых наших ног разлетались в стороны — того и гляди раздавишь. А раздавить, как говорится, невинную личность, недостойно нас, — сейчас двадцатый век, так сказать, век гуманизма. Вот, мышка, каковы дела на сегодня!

Я опять встаю. И мышь опять убегает под тахту. Я поднимаю с пола коречку хлеба и выбрасываю во двор.

— И как можно хлеб кидать! — бурчит Хола. Да, да, та самая Хола, которая и летом и зимой ходит в своем бессменном цветастом национальном курдском одеянии.

— О чтоб твоя метла рассыпалась, Хола!

Если только слышала Теброне, что я сказал, — не миновать перепалки.

Но вот кто-то — несомненно глухой! — оглушительно топая, поднимается по лестнице.

В топот вплетается песня:

Нынче мышки заболели
И чесоткой и паршой!..

Ого! Это — к мышеловкам возвращается хозяин.

-- Сильно запоздал? — он стоит на балконе, глаза у него смеются. — Друга встретил; дернули по триста.

Сцепив пальцы, прижимает к груди целую гору завернутой в бумагу всякой всячины.

— На Маланьину свадьбу, что ли! Входи.

— Знал бы ты, что он за парень, подлец он этакий.

Покупки бросает на стол.

— Одну бутылку — раскокал: стена наскочила на меня, не посторонилась, проклятая! И хотя бы уж ватной была, а то...

— Слушай, ты так потратился, прямо не знаю!

— Да брось ты!..

В мгновение ока освобождаются от бумаг всевозможные колбасы.

— Другого сыра не было, — извиняясь говорит гость и ставит в холодильник коньяк и шампанское.

И уже из кухни кричит:

— Пока не наешься, ни о чем не заикайся!

— Ты это уж чересчур, — не разжевывая глотаю и давлюсь пищей. — Очень сильно потратился.

— Только не об этом! — он поднимает вверх обе руки, словно сдающийся в плен человек. — Чтоб об этом ни слова! Понимаешь: ни слова!

Я ем. Ем. Мне становится немного неловко.

— Да разве все это можно съесть!..

— Ничего, холодильник у тебя вместительный.

— Да, не маленький.

Коробку «Казбека» кидает на постель.

— Если выберешь свободное время, нарисуй мне тигра на привязи.

Я перестаю жевать, удивленный, смотрю на него.

— Все в порядке, дружок, не думай, что я того: мне и семьсот грамм нипочем.

В комнату заглядывает Тебрене.

— Ты меня звал, детка?

С ней что-нибудь да стряслось бы, если бы не узнала, кто пришел ко мне.

— Пожалуй, пожалуй, тетя Тебрене. Познакомься: племянник Абрама.

— Очень хорошо, — говорит Тебрене и уходит.

Она так дико ненавидит Абрама, что если после недельного голодания попадет в хлебную лавку и продавец окажется по имени Абрам, она повернется и выйдет, не взяв ни крошки хлеба.

Гость раскупоривает шампанское:

— Пить хочется...

Волосы у него разметались, упали на лоб, это идет к нему.

Он раскупоривает бутылку шампанского и говорит:

— Выпьем. Это — и плюс мой и минус. Будь другом, не пойми превратно. Но помни: по ту сторону этих достоинств и недостатков — мыши и... — Вдруг неожиданно захохотал. — Каха, дружок! — и, держа в руке бутылку, указал ею в сторону шкафа.

Я посмотрел туда: возле мышеловки лежала наша кошка.

Захарий ШВЕЛИДЗЕ,
профессор Тбилисского государственного
университета

Первая университетская

Тбилисский государственный университет, созданный в 1918 году по инициативе грузинских ученых во главе с И. А. Джавахишвили, в нынешнем году празднует свой полувековой юбилей.

Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная пролетариатом России под руководством В. И. Ленина, дала возможность грузинскому народу, издавна мечтавшему о своем очаге высшего образования, создать национальный университет. 50-летний юбилей Тбилисского университета одновременно является и юбилеем партийной организации университета, созданной в том же 1918 году первыми университетскими студентами-большевиками.

Осень 1918 года, когда первые студенты университета съехались из разных уголков Грузии для слушания лекций на национальном языке, была насыщена бурными революционными событиями. В стране господствовала антинародная диктатура грузинских меньшевиков, занявших крайне враждебную позицию по отношению к пролетарской России. Это был период ожесточенной борьбы политических убеждений, и свою приверженность марксистско-ленинским идеям необходимо было доказать не только словом, но и делом. После академических лекций в кулуарах университета возникали споры и дискуссии на политические темы. Среди студентов было немало меньшевиков, национал-демократов, федералистов, которые всеми силами пытались убедить остальных студентов в том, что только их партия представляет подлинные интересы грузинского народа. Во время жарких споров представители националистических партий клеветали на Советскую Россию и грузинских большевиков, которых они считали виновниками всех бедствий народа. Отстаивая верность своей политической линии, меньшевики, национал-демократы и федералисты совместными усилиями боролись против студентов-большевиков. Чтобы не дать возможности врагам грузинского народа превратить университет в надежную опору реакционных сил, студенты-большевики

В. Гегешидзе, С. Кикачейшвили, П. Харебова, В. Мдинарадзе, В. Лежава, Г. Махарадзе и другие решили создать подпольную большевистскую организацию. Вначале были созданы две большевистские группы — одна вокруг В. Гегешидзе, другая — вокруг Г. Махарадзе. По инициативе Тбилисского комитета большевистской партии на общем собрании, созванном в конце октября 1918 года на квартире студента В. Лежава, эти две группы были объединены в одну комячейку. Так, созданием первой университетской подпольной коммунистической организации студенты-большевики отметили первую годовщину Великого Октября.

На первом же заседании было избрано бюро комячейки, в которое вошли В. Гегешидзе, С. Кикачейшвили, Г. Махарадзе, П. Харебова, В. Кванталиани. Решением Тбилисского комитета большевиков университетские комячейки были признаны «Организацией пропагандистов». Это означало, что ее члены были призваны вести партийно-пропагандистскую работу и вне университета — в городах и селах Грузии.

С целью идейно-организационной закалки студентов-большевиков, а также для руководства их работой Тбилисский комитет большевиков в разное время направлял к ним Г. Стуруа, М. Торошелидзе, А. Еркомайшвили и других представителей старой ленинской гвардии. За короткий срок университетская нелегальная организация выросла и количественно, и качественно. Если на первом собрании студентов-большевиков было всего девять человек, то на втором, состоявшемся недели через две, их было пятнадцать, а к маю 1919 года — уже около пятидесяти человек. Нам удалось установить личность только 21 члена университетской коммунистической организации. Вот они: Л. Гасвиани, С. Георгадзе, В. Гегешидзе, Л. Татаришвили, Таварткиладзе, В. Кванталиани, С. Кикачейшвили, Т. Кечекмадзе, В. и Л. Лежава, Г. Махарадзе, В. Мдинарадзе, Г. Нуцубидзе, Г. Стуруа, А. Урушадзе, П. Харебова, Г. Квачадзе, К. Яшвили, Г. Сванидзе, С. Дарахвелидзе, А. Павава.

Небезынтересен тот факт, что среди них были три студентки — Патуля (Фати) Харебова, Лидия Гасвиани и Соия Георгадзе. Вместе с мужчинами они вели самоотверженную революционную борьбу против меньшевистской диктатуры, испытывая на себе всю тяжесть нелегальной работы и гонения со стороны меньшевистской охранки.

Университетская комячейка умело совмещала формы нелегальной и легальной революционной борьбы. Члены ячейки тайно распространяли в стенах университета большевистские прокламации, искали сочувствующих в демократических слоях студенчества и приспосабливали их к революционной работе. На тайных собраниях студенты-большевики обсуждали вопросы революционной теории и практики, изучали марксистскую литературу, историю РСДРП(б). Собрания ячейки посещали видные грузинские марксисты: Г. Стуруа, А. Ермаквейшвили, М. Торшелидзе, Р. Каладзе, Б. Ломинадзе. Они же руководили работой теоретических семинаров, проводили лекции по общественно-политическим вопросам. Через них студенты-большевики получали от партийного центра задания, инструкции, разъяснения позиций большевиков по разным политическим вопросам.

Члены большевистской организации выступали на легальных собраниях, обсуждавших наиболее важные политическую жизни студенчества. Они старались разъяснить политику партии в решении тех или иных жизненных проблем.

Особенно бурное собрание студентов проходило в те дни, когда с благозвучием своих западных хозяев дашнаки и меньшевики затеяли братоубийственную войну между армянами и грузинами. Никакой поддержки правительствам воюющих сторон, немедленное прекращение грязной войны — таковы были требования большевиков, выступивших на студенческих собраниях. Большевистское правительство призвало многих студентов в армию. В свою очередь Тбилисский комитет партии командировал испытанных, стойких ленинцев Гегешидзе и Кикачейшвили для ведения пропагандистской работы на фронте. Там, прямо в окопах, посланцы партии вели антивоенную агитацию, распространяли среди бойцов большевистские брошюры, прокламации, воззвания. За такую «подрывную» работу реакционные офицеры немедленно арестовали В. Гегешидзе и С. Кикачейшвили. Им грозила смертельная опасность, но при поддержке сочувствующих большевикам солдат арестованным удалось вырваться из когтей меньшевистской охранки.

Деятельность университетских большевиков не осталась незамеченной. В поисках большевистской «заразы» в

университете был произведен обыск в отсутствие представителей ректората. Узнав об этом, руководство университета объявило решительный протест министру внутренних дел Грузии.

Работа студенческой большевистской организации скоро вышла за рамки университета. Студенты-большевики принимали активное участие во всех мероприятиях большевистского центра Грузии.

Весной 1919 года Тбилисский комитет большевиков провел во многих районах города траурные собрания в память расстрелянных 26-ти бакинских комиссаров. Предварительно на общем собрании университетской организации Георгий Стуруа сделал доклад об этих кровавых событиях. На этом же собрании были избраны пропагандисты, которые отправились на различные предприятия города с тем, чтобы провести с рабочими политические беседы, прочитать для них доклады.

Студенты-большевики В. Гегешидзе, В. Мдинарадзе и С. Кикачейшвили были организаторами большого собрания рабочих в Надзаладевском клубе. Рабочие внимательно слушали доклад Г. Стуруа. Не было привычных выкриков меньшевиков. Однако тишина оказалась обманчивой. Противники и не думали отступать. Они решили дать на этот раз бой не словесный, а самый настоящий. Собрание закончилось решительной схваткой большевиков с ворвавшимся в зал меньшевистским «Особым отрядом».

Студенты-большевики приняли активное участие и в организации общего собрания рабочих, которое было созвано в помещении старого цирка (у Верийского моста). Здесь с докладом выступил Миха Цхакая. Среди участников собрания были и Борис Дзедладзе — организатор комсомола в Грузии.

Патуля Харебова, Лида Гасвиани, Соия Георгадзе и другие студенты-большевики, владевшие иностранными языками, сумели найти подход к солдатам оккупационных войск, части которых были дислоцированы в районе университета. Они искали среди солдат сочувствующих революции, беседовали с ними о Советской России, распространяли революционные воззвания.

Выполняя особые поручения большевистского центра, студенты-большевики В. Гегешидзе, С. Кикачейшвили, П. Харебова, Л. Лежава и другие отправлялись в города и районы Грузии и там вели активную работу по подготовке всеобщего восстания трудящихся Грузии.

В. Гегешидзе, С. Кикачейшвили и А. Папава стали деятельными участниками большевистской газеты «Коммунисти». Несмотря на грубое вмешательство со стороны меньшевистской охранки, усилиями ее сотрудников газета выходила регулярно.

Университетская большевистская организация не избежала жестоких репрессий. Агенты меньшевистской охраны внимательно следили за студентами-большевиками. Во время подготовки всеобщего восстания в Грузии и в особенности после его провала вместе с другими видными грузинскими большевиками М. Цхакая, Ф. Махарадзе, С. Кавтарадзе, М. Орахелашвили и другими власти в разное время арестовали и студентов В. Гегешидзе, С. Кикачейшвили, А. Папава, Л. Лежава, В. Кванталиани, Г. Квачадзе, С. Дарахвелидзе, Г. Сванидзе, К. Яшвили и других. Многие месяцы они провели в Метехской и Кутаисской тюрьмах.

Несмотря на крайне тяжкую политическую обстановку, создавшуюся во всей стране, университетская большевистская организация не сложила оружия. На места арестованных товарищей становились другие студенты. После ареста В. Гегешидзе и С. Кикачейшвили руководство комячейкой взяла на себя Пауля Харебова. Она сплотила вокруг себя спасшихся от меньшевистских застенков молодых большевиков. Члены комячейки привлекли к организации новых членов из сочувствующих большевикам студентов. В результате проведенной работы влияние студенческой большевистской организации на основную массу студенчества не только не уменьшилось, а наоборот, еще более увеличилось. Наглядным примером этого явилось то, что в конце 1920 года под давлением революционизировавшейся студенческой массы правление студентов, несмотря на яростное сопротивление меньшевиков, национал-демократов и федералистов, входящих в состав его, было вынуждено ходатайствовать перед правительством об освобождении из заключения и восстановлении в университете студентов-большевиков.

Правда, ходатайство это оказалось безрезультатным, но тем не менее принятие правлением такого решения является весьма важным фактом, так как указывает на рост авторитета университетских большевиков.

Студенты-большевики и в застенках меньшевистской тюрьмы не сидели сло-

жа руки. Они и здесь продолжали революционную работу. В Кутаисской тюрьме ими был создан кружок по изучению марксизма. С молодыми большевиками, находившимися там в заключении, занимались М. Цхакая и М. Орахелашвили. Но узникам трудно было достать необходимую для занятий марксистскую литературу. Тогда Георгий Стуруа, возглавлявший в ту пору революционную работу в Западной Грузии, из своего личного книжного фонда тайно переслал им «Капитал» К. Маркса¹.

«Однажды, в перерыве между занятиями, — вспоминает один из участников марксистского кружка Кутаисской тюрьмы С. Кикачейшвили, — сподвижник великого Ленина М. Цхакая сказал молодым революционерам: «После победы Советской власти партия даст молодым большевикам возможность вернуться в университет, ибо нам нужны будут свои научные кадры, и эти кадры подготовит университет». (Газета «Тбилиси», 1968, 29 января, № 24 (4478)).

Слова старого большевика оправдались. Восставший грузинский народ с братской помощью трудящихся России 25 февраля 1921 года свергнул диктатуру меньшевиков. Советская власть, установленная в Грузии, создала предпосылки, необходимые для развития высшего образования в этой стране древней культуры. В годы Советской власти Тбилисский университет стал настоящей кузницей партийных и научных кадров.

В подготовке и воспитании специалистов самых различных профилей ректорату университета большую помощь оказывает партийная организация, созданная полвека тому назад первыми студентами-большевиками, работавшими в условиях подполья.

¹ На этой книге имелись пометки, сделанные рукой Георгия Стуруа. Книга была напечатана в 1909 году. Она побывала в меньшевистских застенках, чудом уцелела и теперь хранится в личном архиве бывшего студента-большевика, члена КПСС с 1917 года, персонального пенсионера всесоюзного значения Спиридона Дианосовича Кикачейшвили.

Могилы в винограднике

РАССКАЗ

Ранней, самой ранней весной, когда зашумят и мощно заплещут короткие голубые дожди, Тедзами мутнеет, раздается и, становясь неправдоподобно широкой, на время разлучает берега оврага.

Затем незаметно становится высоким и все чаще бирюзовым небо. Тедзами переходит на шаг, и женщины села примерно на месяц обретают новую работу: выбирают из песка и камней, нанесенных большой водой, и тащат по дворам спутанные жухлыми травами корневища, — комли, — и до блеска отполированные сумасшедшим потоком причудливые коряги.

Исход зимы.

Труженик и земля схватывают друг друга в объятия, извечные едва ли не как мир, ощущая безмерную близость и нерасторжимость, неведомые другим временам года.

Самопервейшая думка старухи по весне была: «Сходить проведать родные могилки...» Аккуратненько складывала она в крохотное лукошко из ивовых прутьев свечки, хлеб, повязывала голову новым черным платком, брала за руку малого внучка Гиголу, — единственную отраду жизни, — и отправлялась. «И упокойникам забота надобна», — размышляла она дорогой. Старуха передвигалась довольно быстро. Ее один — мальчонки два шага. «Вылитый отец, — тот так же ходил, вроде бы вприпрыжку. И за руку, бывало, держит меня, точь-в-точь как его Гигола теперь...». Старуха была высока ростом, и внук, повиснув у нее на руке, едва касался носками земли. Маленькая белая ручонка терялась в огрубелой, потресканной, прокаленной солнцем ладони бабки. «Пойдем проулками», — упрашивал внук, теребя ее платье. «К кладбищу лучше идти большой дорогой», — мысленно отвечала ребенку старуха.

Она никогда не думала о смерти. Любила повторять в душе: «Живая-то я больше нужна могилкам — и поправлю их, и свечечку за теплю». Она гнала мысль о смерти еще потому, что боялась унести в могилу свою родословную, изустной «летописью» которой очень дорожила. Ей хотелось во что бы то ни стало дожить до того времени, когда подрастет внук.

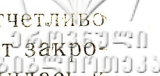
Люди во многом сходны меж собой. Особенно в горе.

Неприметно лишаемся мы самых дорогих, близких людей. Их место занимают другие, столь же неприметно становящиеся близкими и дорогими нашему сердцу.

Но вот тут-то и проявляла старуха упорство — ни за что не желала расставаться со старыми родственными привязанностями, заменять их в своем верном сердце на иные.

Она была еще молода, когда впервые повязала голову черным платком.

Слухи о новой жизни, которые в один прекрасный день взбудоражили деревню, застали ее с двумя десятками супружеских лет за плечами. Заглянули перемены и под кровлю их дома.

Мужа поставили мельником на сельской мельнице. Как отчетливо все помнится! Даже не помнится — видит она четко прошлое. Вот закроет глаза и видит все-все... Мельница на четыре жернова притулилась к самому краю села. Перед ней — два огромных ореховых дерева, проросших из единого могучего неохватного комля. Пространство меж стволов сельчане называли «чортовой расщелиной». Былой хозяин нет-нет да посягал на орешник. Несколько раз пытался отрясти деревья. Дальше больше — задумал срубить их...

Однажды утром, когда она принесла мужу завтрак, мельница оказалась запертой изнутри. Долго стучалась, гремела наружной щеколдой — думала спит, проснется. Потом испугалась. Позвала людей. Взломали дверь, вошли. Муж лежал в желобе ничком, головой книзу. Из желобка падали отдельные пшеничные зерна вперемешку с каплями крови. Внизу, в коробе, плотным слоем лежала проалевшая кровью мука. Мельницу наполнял невыносимый, удушливый смрад.

Вот тогда-то, впервые, и повязала она голову черным платком. Но в народе недаром говорят: «Человек — камня тверже». «Ты умер — кто виноват, а живым — жить!» Осталась она с двумя сыновьями, крепкими подростками. Что два крыла были они ей, смотрела на них, и крепла ее вера в будущее, удесят�лялись силы. Без веры, известное дело, жизнь не в жизнь. А что до женского роду-племени, то вера тут — дело самое что ни на есть главнейшее.

Быстрой чередой замелькали годы. Душевные раны зарубцевались. Только с тех самых пор вид муки наводил ее на тяжелые мысли. «Невестки подсобят. И хлеб они будут печь», — размышляла она частенько. Немало была она рада и тому, что мальчишки рядом с ней, в деревне, гордилась ими. «Если молодость не знает цену своему роду-племени, то останется разве что имя из святцев, а цена ему известно какая: грош в базарный день», — говаривала она, бывало, своим ребятам.

Потом мать осталась с младшим сыном. Не нравилась ей развязность и зазнайство первенца. Разговаривал он с младшим всегда пренебрежительно, высокомерно. Особенно был словоохотлив и несносен навеселе: «Свет клином-то на деревне не сошелся! Деревня, что окорок. Каждый норовит отстругать от него кусок полакомей». Не скупясь на силу, хлопал брата по плечу: «Не так, скажешь?» И тут же начинал свою излюбленную «Байку про козу»: «Слышал, небось, как коза блеет: мне-е-е! мне-е-е! Никто еще не слышал, чтоб хоть раз проблеяла: «Ему!» Смеялся. Заходился в хохоте и не мог остановиться. Или схватит, пьяный, лопату и ну гоняться за курами. Гвалт, кудахтанье, перья с пылью вперемешку столбом по всему двору. А протрезвеет — ничегошеньки, говорит, не припомню. «Отец, вот, ни разу в жизни до такого скотства не доводил себя», — заключала мать. Хорошо ли, плохо ли, но отец своим умом доходил до того, что «страна на пороге новых больших дел». Большие дела должны были принести что-то хорошее «навалом, как Тедзами — ил...».

На какое-то время баламута пристроили сторожем на гумнах. Гумна деревня поставила на пустошах, на краю села, на высоком берегу речки. На противоположном раскинулись виноградники.

Летом мать больше бывала в винограднике — в крохотной мазанке, что пригорюнилась под старой разлапистой шелковницей. Трудилась с утра до позднего вечера. Ну, а когда виноград начинал созревать, об отдыхе и думать было нечего.

Частенько по ночам старший воровал зерно и прятал его в винограднике. Через день — другой появлялся с ручной тачкой, укрывал мешок

с зерном в ее плетеном кузовке, на мешок бросал охапку трав, веток. Сажал сверху свою дочурку и двигался к дому. Мать примечала все. Она никогда ни о чем не спрашивала у него, но на сердце у нее было тревожно. Она чувствовала, что любовь и привязанность к ней сына терпит серьезные испытания, что вместе с зерном сын похищает ее любовь. А какая мать может спокойно мириться с возможностью утраты сыновней любви! Младшему она решила ничего не говорить. «Еще поссорятся со старшим», — думала.

Младший работал в бригаде дорожников. В бригаде было всего три человека. Они поднимали из оврага щебень, которым выравнивали размытую дождями дорогу. Он так любил свою работу и гордился ею, словно имел дело не с самым прозаическим сельским проселком, а с автострадой, от благоустройства которой зависит регулярность сообщения с соседним государством. У него было несколько удлиненное лицо и неласковые, как у матери, глаза. «Самостоятельный, взрослому на зависть», — размышляла мать, наблюдая своего младшего.

В минуту жизни трудную люди, порой, склонны почитать усопших гораздо выше, нежели живых. Быть может, в этом есть дань тем незапамятно отдаленным временам «спасения душ», когда культ поклонения человека умершим был одним из наиболее почитаемых. Человек стремился расположить кладбище поближе к своему жилью. Люди единились незримыми узами кровного родства. Представителей той или иной фамилии хоронили, как правило, в одном и том же месте. Так возникали фамильные кладбища. Еще и теперь в иной картлийской¹ деревне можно встретить старинные фамильные захоронения.

Старуха частенько наведывалась на могилу мужа. Летом она сплошь да рядом оказывалась «с глазу на глаз» с «ним» — кладбище было тут же, под боком, у виноградника, в ровной и прохладной тени древней, могучей липы. Никто не мог бы с достоверностью назвать первого «обитателя» кладбища в винограднике.

В жаркие летние дни липа манила под сень своей плотной листвы на прохладную траву-мураву. Неугомонные мальчишки заберутся, бывало, и гугукают из глубины ветвей: «Гу-гу, гу-гу!» А девчонки и того хлеще — индюшат на ветках повыше пристроили и без конца лазали наверх подкармливать своих питомцев. Детвора любила устраивать игры среди замшелых камней с надписями. Старуха сердилась на проказников. Изрядно доставалось «на орехи» тем, кого она успевала поймать. «Ишь, чего надумали — бега на кладбище затеяли!»

Тут же, обочь семейного погоста можно было видеть прадедовский марани, запущенный, полуразрушенный и пришедший в полную негодность. Пресс и стены были опутаны цепкими «лианами» шиповника, а внизу, на дне чанов, дружно пошла в рост ежевичная поросль. Однако никто за ней не лез. И стар и млад был убежден, что там, в ежевичнике — змеиное гнездовье. А со змеями, известное дело, шутки плохи.

Старухе очень нравилось, что марани и кладбище предки устроили рядышком. «Наши старики совсем иначе обдумывали свое житье», — неторопливо размышляла старуха. Она не хотела, чтобы кладбище постигла участь марани и, как могла, пестовала родные могилы.

«Пойду, нужно посмотреть, как они там», — говорила она всякий раз, как направлялась к мужу на мельницу или в поле. Она прибирала

¹ Картли — область в Грузии.

на могилках и долго сидела. «Приструнил бы немного старшего-то, — говорила тихо после долгого-долгого молчания, — отец ведь — шутка ли...»

А потом привычную жизнь нарушила война.

В тот день старший сын «прописал» младшего в своем доме. Усадил за стол и заставил пить водку. Сам сел рядом и зашептал ему на ухо: «А вообще-то, братец ты мой, нет на свете ни работы, ни войны...» Младший сидел тихо, слушал старшего молча. Хотелось ему встать, но боялся — старший обидится...

Село незаметно опустело. Ушли и наши братья. «Береги себя», — только и сказала мать младшему на прощанье, потом пригнула к себе его голову и поцеловала в строгие, не улыбочивые глаза. Старшему ничего не сказала. Поцеловала. Молча. Долго в тот день сидела старуха среди родных надгробий. «Ребята ушли на войну, — тихо обратилась она к «ним», — берегите их».

Любая мать охотно согласится пойти на войну вместо сына. Но матерей не берут на войну. «Говорят, кончится скоро», — успокаивала себя мать.

Война все переворачивает вверх дном.

Старуха пошла работать уборщицей в сельсовет. Гиголу она, как правило, брала с собой. Дома оставить было не на кого — невестка тоже работала. Главная забота была о хлебе. Деревня сидела без керосина и мыла. Постирушка требуется — вон она, чистая водица в речке. Гигола любил, когда по вечерам ласковые пальцы матери искали у него в голове, и готов был урчать блаженно, словно кот.

Невестка разок-другой свезла в город фрукты. На вырученные деньги купила папирос — пара лишних рублей в такое время не повредит. За папиросами к ним приходили порой самой поздней ночью. Старуха, как правило, поднималась первой. «Дома, сейчас отопру», — кричала она всякий раз с постели и спешила к дверям.

Маленький Гигола присматривал на выгоне за председателевыми буйволом и коровой.

Потом председатель затеял строить дом большой для себя. И тут старухе изменила выдержка. Всем, кто бы ни приходил за папиросами, говорила громко, с ожесточением, кивая в сторону «новостройки»: «Видели мироеда!». Внука к председательской скотине пускать перестала.

Старшая невестка заперла двери дома и вместе с детьми ушла к своим родителям. Потом слух прошел: вышла замуж за какого-то чабана из Цалкского района. «Эх, бесстыжая ты, бесстыжая, совесть совсем потеряла», — негодовала старуха.

Она стала реже бывать в винограднике. Визиты на могилы сделались короткими. Мягким веничком обметала она темные серо-бурые камни надгробий с высеченными на них крестами и небожителями с молитвенно скрещенными на груди руками и думала: «Кругом все прахом пошло!».

Поначалу письма шли безотказно. Но вот, после Нового года, как тесаком отсекло — хотя б одна весточка! Как в воду канули сыновья. «Перестали писать-то ребята!» — скупно жаловалась старуха своему старику.

Однажды она прихворнула и спать улеглась пораньше. Невестка с внучком сидели во дворе. До старухи долетал ее голос, но слова зву-

чали невнятно. «Наверное, сказку рассказывает», — заключила чуть слышно. Она не знала сказок. Никогда их не рассказывала внучонку: «Зачем ему сказки!»

Время близилось к полуночи. Кто-то осторожно открыл дверь и вошел. Старуха не спала. Гигола лежал в кровати матери. «Кто там?» — спросила старуха. Она запалила коптилку. «Наверное, за папиросами кто», — решила.

Незнакомец был в черном пальто. На сапогах — грязь. Лицо — в густой щетине. Шапку держит в руке. В неверном трепете желтоватого «язычка» коптилки напрасно тцилась рассмотреть лицо пришельца. Тень переломилась надвое о маленький столик и наполнила на стену. Старой показалось, что в комнате двое. Невестку решила не будить — боялась, мальчонка перепугается.

— Кто ты?

— Я, — тень поменьше приблизилась, обратилась в человека, которого старуха сразу узнала. Холодок прошел по ее спине, ноги словно одеревенели. Однако старуха все же поднялась и обняла его.

— Насовсем? — спросила и пододвинула табурет.

— Наши не знаешь, далеко? — спросил сын. Мать рассказала ему обо всем, что ей было известно.

«Эти изверги никого не щадят», — хотела добавить она, но промолчала.

— Что брат? Пишет? — спросил он о младшем.

Мать положила на стол черствую мчади, маринованную капусту и посмотрела на сына. Лицо его вслухло, нижние веки лоснились от избытка скопившегося за ними гноя.

Невестка проснулась. Лежала она, накрывшись с головой одеялом, и слушала.

— Насовсем приехал?

— Да.

— Раненый, что ли?

— Легко.

— Долго не писал.

Сын глотал еду, почти не разжевывая. Он лениво двигал нижней челюстью. Еда, казалось, причиняла ему боль. Каждый глоток заставлял его болезненно пригнуться к столу и шурить глаза.

— Что говорят о войне? Когда конец ей? — спросила снова мать.

— Пока что ничего не слышать.

— Брат совсем не показывался?

— Нет. Много людей гибнет, — проговорила старуха.

Гиголе не сказали ничего. Побоялись. Проболтается еще с друзьями: «Дядя мой с войны приехал». А дядя, «приехавший с войны», совсем не хотел, чтоб люди узнали о его приезде. Но деревня — деревня и есть — от нее ничего не укроется.

В тот день старуха дольше обычного сидела на кладбище. Но мужу на этот раз не сказала ни слова. Не присела, как обычно, у других могил. Ей казалось, что она пришла, чтоб сказать «ему» о чем-то. Пришла, да передумала. Потом вдруг принялась суетливо считать могилы. Ничего подобного раньше с ней не бывало. А тут начала пересчитывать. Мужчин отдельно, женщин — отдельно. «Женщин меньше», — подумала мимоходом. Потом прошла между рядами виноградника к дому, нарвала оханку травы для козленка.

Дорогой ей подумалось, а затем и впрямь стало казаться — у всех и вся — глаза. Не только у человека. На нее пристально глядели камни, деревья, травы, дома, плетни. У всего были глаза, большие бездонно-глубокие, они манили ее к себе — на погибель, на удушение.

Гигола в тот год пошел в школу. Старуха радовалась: будет кому письмо написать, если родитель где объявится. «Учителю прямо в рот смотри», — поучала она внука.

— А в глаза?

— В рот и в глаза.

Однажды внук явился домой в слезах. Подрался с одноклассником. Подбородок у него подрагивал. В драке мальчишка крикнул Гиголе: «Отец твой прячется в квеври!».

Словно стержнем раскаленным пронизало старуху. Сразу обессилев, она опустила на приступок: «Чего боялась...» — думала она с тоской и отчаянием.

Вскоре старуха перестала работать уборщицей в сельсовете и совсем переселилась в виноградник. Она теперь больше напоминала человека, поневоле бежавшего из своего собственного дома. Бежавшего с тем, чтоб забыть что-то тяжелое, невыносимое. Исход, порой, виделся ей в смерти. Но в чьей — этого она не представляла себе ясно. «Кто беду этакую накликал на мою горемычную голову — погибель сплоская и только!» — глухо повторяла она. С утра допоздна крутилась она в винограднике. А то и на ночь оставалась. Обычая сидеть без дела сложивши руки, за ней не водилось: то она траву рвала в междурядьях, то яблоки резала на засушку к зиме. «Зимушкой оно, глядишь, и медком покажется!» — любила повторять. Но вообще-то за делами она больше хотела унять боль свою душевную.

Невестка присматривала за хворым деверем.

Однажды старуха поднялась на кладбище вечером. Хотела поначалу отдохнуть присесть, а потом перерешила: «Собрать ежевики для внука надо». Со стороны давилни она с большим трудом спустилась в винный погреб и принялась собирать ягоды в подол фартука.

Внезапно вспомнила о змеях, ярко-пестрых, ядовитых. «Погляжу, что дальше будет, — может, их тут и нет вовсе». Змей в тот вечер не приметил. В хатку на винограднике не вошла. Нарвала лопушиных листьев и высыпала на них ежевику. Некоторые ягоды слегка примялись и испачкали подол. Она провела рукой по темным пятнам и проговорила: «Отстирается!».

Лопухи она положила на плоский камень. Опустилась рядом. Солнце садилось. Под низко нависшими ветвями накапливалась и густела мгла. Выкатившаяся в дальнем конце неба полная, еще не вошедшая в яркость, белесая луна начинала незаметно приобретать светлорозовый оттенок. Старуха скашивала взгляд то на закатное солнце, то на луну и тихо продолжала водить пальцем по грубо вытесанным в сером камне буквам. Потом целиком сосредоточилась на надгробной надписи. Старухе начало мерещиться, что буквы грузинские похожи на луну и солнце, на тучи и извилистые русла рек. «Как красиво-то», — прошептала. На сердце у нее было хорошо и спокойно от того, что все «там» так чисто и невозмутимо.

«Я тебе забыла сказать — внук твой в школу пошел», — сообщила она мужу.

К хатке она пошла не тропой, а меж лоз. Гигола уже поднялся из села и забавлялся с козленком. «Мэ-э-э, мэ-э-э», — блеял козленок.

«Мэ-э-э!» — допекал его Гигола¹.

Старуха попыталась укрыться за лозой, понаблюдать за резвящимися малышами, но внук успел приметить ее.

— Пришел? — спросила старуха. — Ежевику, небось, не разлюбил?

Мальчик принял у нее ягоды, обернутые в листья, и проговорил:

— Мама наказала скорей ворочаться.

Словно горсть злого колючего песку ударила старухе в лицо — она зажмурилась и всплеснула руками.

Внезапный огненный жар ожег ей горло — она не могла понять, что было тому причиной — тяжелая скорбь или еще более невыносимый исход ее, тот самый исход, который она сама себе предрекала порою. Что до мальчика, то ему было уже не до бабушки — он сидел на пенечке у домика и жадно поглощал сочные ягоды, обильно мараю их соком губы и подбородок.

Никто не пришел. Да они и не позвали никого. Гиголу уложили спать в сатонэ². Там же пристроили козленка.

В комнате чадила коптилка.

Покрытый белой простыней, лежал на тахте покойник. Веки у старухи воспалились от плача без слез. Душило тяжелое безысходное горе. Она не могла понять, где у нее болит, — внутри или снаружи, грудь словно тугими, крепкими обручами сжало. В комнате висело такое же удушье, как когда-то на мельнице — невыносимо тяжкий дух муки, смешанной с кровью. Дверь и окно были прикрыты наглухо, что еще более затрудняло дыхание. Перед старой женщиной лежал сын, ее первенец! Но она уже выплакала, выговорила, выпричитала все свои и без того необильные слезы. Взгляд ее бездумно блуждал по комнате. Казалось, старуха оплакивает вовсе не сына родного, а нечто более святое, непонятно-непостижимое, далекое. Из угла доносились всхлипывания и сквозь них какие-то горестные слова невестки. Свекровь не могла разобрать их. Лицо ее осунулось. Горе, казалось, вытравило из него все признаки жизни, оставив лишь мертвенную бледность. Однако внутренним страданиям явно не по силам оказалось сломить вдову.

Была лунно-белая ночь. «Скрылась бы ты хоть за гучу, спряталась бы, что ли, куда!..» — думала старуха, со щемящей тоской глядя на яркое полуночное светило. Ей хотелось, чтоб окрест стало так же темно и холодно, как в ее душе.

Когда время перевалило за полночь, обернутое в саван тело покойника положили на ручную тележку и медленно тронулись. Их путь лежал к окраине и дальше, за гумна, к темневшей вдаль, по-над рекой роще.

По этой дороге еще никого не хоронили. Тележку катила невестка. Старуха, вконец обессиленная, потерянно и нездешне плелась позади. Рядом с покойником лежали заступ и топор, которые гремели в такт шагам.

С самого начала невестка не могла и теперь напрасно тщилась понять — зачем хоронить покойника далеко за окраинной. Спросить, однако, об этом у свекрови не решилась.

А старуха ни о чем не думала и не плакала, она только шла. Старухе все казалось раскаленным и беспредельным, словно пустыня.

Перевел с грузинского Б. ПУГАЧЕВ

¹ Игра слов: здесь «мэ» по-грузински «мне».

² Помещение, где в специальной печи выпекается хлеб.

Жила-была женщина

Р О М А Н

Через три дня Мака получила в школе письмо. Она не помнила, чтобы давала кому-нибудь адрес школы, и вместе с тем словно ждала чего-то в этом роде, ждала нетерпеливо, но узнавать ничего не хотела. Она была уверена, что любит мужа, однако даже в нем не находила такой самоотверженности.

Вчера она попросила Гено не ездить в колхоз: возвращайся пораньше — давно не видела, как ты хозяйничаешь дома: пора виноградник опрыскивать, люблю, когда брызги медного купороса покрывают твоё лицо голубыми веснушками.

Вечером Гено вернулся раньше обычного, однако в колхозе он всё-таки побывал и на скорую руку собрал нужные ему сведения.

«А что Нуца? О чем она пишет? После школы она только раз перед каникулами написала мне в Тбилиси — просила краску для волос. Может быть, ей и сейчас что-нибудь нужно?..»

Прочитав письмо, Мака сразу же порвала его на кусочки.

«Неблагодарная, честолюбивая... Бедняга! Он не выживет! А я-то уехала, не повидав и даже не спросив, что с ним. А причиной самоубийства оказалась я, только я одна. Никогда, никогда, ни одной минуты я не была добра к нему!»

В субботу Мака получила зарплату. В воскресенье, когда Гено переоделся в голубые от медного купороса обноски и вскинул на спину тяжёлый аппарат для опрыскивания винограда, она сказала:

— Мне приснился ужасный сон, Гено! Я не спокойна — поеду к отцу! Да, чуть не забыла, — поспешно прибавила она, когда Гено, пройдя мимо нее, направился к винограднику. — Я брала у Нуцы деньги взаймы, обещала вернуть из зарплаты.

— Когда вернешься?

— Если там все в порядке — вечером, а нет, так завтра утром встречай меня на станции... Хотя нет — вечером вернусь, боюсь за Гочу.

Полтора часа Мака прождала автобуса.

«Только бы застать его в живых!»

Какое-то странное чувство овладело ею. Она переживала историю Джумбера, но переживала, как рассказанную кем-то. Ей нравилось, что какой-то мужчина застрелился из-за любимой женщины, она гордилась тем, что эта женщина — она сама, но не очень страдала; она хотела, чтобы все знали о его поступке, но знали бы вроде нее, понаслышке, что ли..

И сейчас она ехала повидать его, обрадовать, сказать несколько дружеских слов. Но все это казалось выдуманным. Выдуман был и сам Тхавадзе, словно никогда не существовал на свете. А тот чесоточный мальчишка был, был на самом деле! С тех пор прошло много лет, но

Продолжение. Начало в № 7, 8, 10.

она видит его и верит, что он ее любит. В существование же этого Тхавадзе она не верит, хотя неделю назад сидела с ним за столом лицом к лицу. Она словно и себя придумала, ту, которую кто-то любил. Потом этот кто-то застрелился.

Солнце едва склонилось на запад, когда она приехала в Ианиси.

«Я не могу пойти в больницу. Зайду к Нуце, и если не застану ее, вернусь назад».

— Мака?! Хорошо, что приехала!

— Я все равно должна была приехать. Отец тоже нездоров.

— Джумбер совсем плох. Какое несчастье, Мака! Сердце кровью обливается. Да что я! Весь город о нем плачет...

— Что? Безнадежно?

— Не знаю. Очень близко от сердца пуля прошла.

— Ну, а как сейчас?

— Эти два дня я тебя ждала, не могла к нему пойти — увидит, подумает, что и ты приехала...

— Почему он говорит с тобой об этом?

— Мака, дорогая, я же и раньше знала...

— Что ты знала?

— Никому кроме меня он ни слова. А я не могла помешать человеку открыться. Только его отвезли в больницу, в тот же день на завод примчалась ревизия: думали — растрата.

Нуца взглянула Маке в глаза и улыбнулась с какой-то гордостью.

— Пойдем, Мака, дорогая, дома поговорим. Ведь такая беда, но не думай... Когда я вижу тебя — я радуюсь. Женщина должна быть такой, как ты. А я?.. — Нуца махнула рукой.

«Несчастливая, приехала из-за него, и так и не повидала. Наверное, я жалкая, слабая, трусливая, — думала Мака, оставшись одна в зале ожидания вокзала. — А он может лишиться себя жизни ради любимой. Я не смогла даже ночью, даже тайком пойти к нему, зайти хотя бы на минуту. Не стесняясь, не боясь встретить там брата или знакомых. Может, я и пошла бы, если бы любила его. Может быть, я вообще недобрая, черствая, вообще не могу любить? Не знаю, я знаю только одно: сейчас, как только подойдет поезд, надо войти в вагон, найти свое место и утром, когда Гено встретит меня на вокзале и спросит, как я съездила, не говорить ему неправды. Я не должна делать ничего, что пришлось бы скрывать. Не знаю, хорошо это или плохо, но такой уж я родилась на свет... Никого я не боюсь так, как себя... Нуца не выдаст меня. Если б я повидала Тхавадзе, а Гено сказала бы, что просто заглянула по пути (палаты-то на одном этаже), узнать, как директор Бичи, возможно, он и поверил бы, но я не могу... Пока я не выяснила определенно, из-за чего он стрелялся, я больше думала о нем: я и сейчас думать, но спокойнее, потому что мое самолюбие удовлетворено. Может быть, именно за этим я и приехала сюда?.. Господи, — Мака остановилась в углу зала ожидания, сжала пальцами виски и посмотрела в окно. — Я столько думаю последние дни, что совсем отупела. Уже битый час торчу я здесь и не слышала ни одного поезда. Хорошо, что Нуца взяла билет в купейный — в это время народу будет мало, прилягу на койку и заставлю себя поверить, что уезжаю навсегда. Поезд уже скоро. Хорошо, что я не задержала Нуцу. Ни к чему ей слоняться тут до полуночи — завтра человеку на работу. А Джумбера она успела повидать. Наверное, спешила порадовать — Мака приехала! Это все, что я сделала в своей жизни для человека, смерть которого, как говорит

мама, лежит «на нашей совести». Не на нашей, а на моей... Я очень устала и обмякла. Как только войду в вагон, прилягу и ни о чем не буду думать, даже о том, что сказать завтра утром Гено. Какое имеет значение, что я скажу... Мне нечего скрывать».

Когда прибыл поезд и, вкрадчиво поскрипывая тормозами, остановился перед платформой, Мака первой вошла в вагон и закрыла за собой дверь купе.

«Хоть бы больше не пришел никто», — подумала она и села. Отвернулась к окну. Потом положила голову на столик. Столик оказался прохладным.

Косой свет, падающий снаружи, освещал купе больше, чем тусклая лампочка в потолке.

«Когда поезд отойдет от станции, я успокоюсь. Хорошо, что Нуца взяла билет в купейный. Меня даже близко к кассе не подпустила, — «незачем тебе толкаться». Бедненькая, у нее очень доброе сердце. Неужели, если б я силой не выпроводила ее, она прождала бы со мной до отхода поезда? Что ж, ей жалко Тхавадзе... Тхавадзе и мне жалко, но Нуца может помочь ему, а что могу я? «Выживет», — сказала она... Хорошо!.. Если б он умер, я извелась бы. Все эти дни я даже не понимала толком, что произошло. Или не знала, из-за чего. Шутка ли — застрелился! Упаси меня бог причинить боль даже цыпленку!.. О-о, как невыносимо долго стоит здесь этот поезд!

Дверь купе открылась.

Мака догадалась по звуку, что ее открыла мужская рука.

«Я сижу на моем месте, — подумала она, не оглядываясь и не очень переживая свою невежливость в отношении случайного полутчика. — Стоит и держится за ручку двери. Лучше мне не оборачиваться, а то и вовсе не уйдет. Все-таки какой это ужас: стоит им столкнуться с одинокой женщиной, как тут же появляется мысль: «А не выйдет ли чего-нибудь». Он не знает, что где-то умирающий Тхавадзе борется со смертью... Если б люди в открытую видели, что у кого на душе, тогда или вообще не стоило бы жить, или перевелись бы несчастные на свете... Но почему он все-таки не садится?»

Тихо, неслышно закрылась дверь.

Мака резко обернулась. Голова ее пришлась низко, на уровне пиджака вошедшего мужчины. Она так и оцепенела. Медленно приподнимаясь, она увидела пустой левый рукав, пиджак, распираемый забранной рукой, распахнутый ворот сорочки и, наконец, — выпрямившись во весь рост, — лицо.

«Тхавадзе?!..»

Опираясь на ручку двери, Тхавадзе не шелохнулся. В свете лампочки он стоял белее полотна.

«Бойтся отпустить руку, чтобы не упасть. Хоть бы я могла его полюбить... Наверное, за это упрямство я и ненавидела его...»

Звон колокола привел ее в чувство.

— Джумбер! — тихо сказала она, шагнула к нему и остановилась. — Джумбер! — повторила она со сдержанной лаской. — Тебе ведь передали, что я приезжала из-за тебя, — она подошла еще на шаг, не отрывая взгляда от его лица. «Закроет глаза и — покойник...» — Я даже к отцу не зашла...

«Что мне делать, если поезд тронется?»

— Джумбер!

«Нужно как-нибудь вывести его и проводить...»

— Уходи! Уходи сейчас же, или я навсегда забуду тебя! — она по-дошла, разжала его пальцы на металлической ручке и открыла дверь. Потом обняла за плечи и вывела в коридор. — Скорее, поезд вот-вот тронется! Скорее! — коридор был пуст, но идти бок о бок было неловко. — Скорее! — твердила Мака. — Скорей!

Грудь Тхавадзе пахла знакомыми запахами йода, больницы.

«Такой, если выживет, и я не переменюсь к нему, снова будет стреляться...»

Где-то залился свисток.

— Скорее, Джумбер! Скорее!

Проводник с перрона потянулся ей на помощь.

— Что? Плохо стало?

— Да, да. Плохо.

Она довела Джумбера до входа в зал ожидания. Поезд доставал последние секунды. Она поднялась на верхнюю ступеньку подножки.

«Только бы не вернулся! Только бы он не вернулся!»

Тхавадзе, как в рамке, застывший в дверях зала ожидания, медленно поплыл назад.

Поезд еще не набрал скорость, когда Мака вернулась в вагон и, налетая на окна и закрытые двери купе, побрела по коридору. Добравшись до своего места, она как подкошенная села и, словно желая вырваться из она, прислушалась к стуку колес.

«Почему я сама не купила билет? Неужели Нуца позвонила и сообщила номер вагона? Хотя разве могла она подумать, что он — полуживой встанет и помчится за мной. Кто бы мог вообразить такое? Он тверже и непреклоннее меня. И я ненавидела его. Может быть, не сознавая сама, ненавидела из зависти. Мне и сейчас кажется, что он гонится за мной по пятам...»

Мака никак не могла представить себе, что в эту минуту Тхавадзе и вправду сидел за рулем и гнался за ней по пятам.

«Он непременно застрелился бы, если б не случайность. Господи, почему я такая несчастная! За что мне эти муки? Уж любила бы его, тогда хоть перед собой была бы права... Знает ли кто-нибудь, кроме Нуцы, что я приезжала в Ианиси?.. Я даже сейчас думаю о себе, только о себе!.. Лучше бы мне совсем не выходить замуж, лучше бы никогда не встречать Гено!..»

«Как тут душно. Зачем я выпроводила его? Уложила бы здесь, полежал бы... Я бы сказала, что очень жалею, что не послушалась его тогда, за столом. Хоть это я могла сделать для него, и не сделала. А большего он и не просил. Он вообще ничего не просил. Неблагодарная я. Неблагодарная и бессердечная. Не знаю, за что только меня можно любить».

«Можно ли столько думать! — Мака откинулась к стенке. — Что еще ждет меня? Чувствую... не чувствую, а вижу — то, что было, только начало. Да, сон... Я обманывала себя, будто он сбылся в ту же ночь. Он и после снился мне».

Поезд замедлил ход.

«Опять остановка. — В окне еле виднелись черные силуэты столбов. — Ночь пасмурная, темная. Когда же я, наконец, доберусь до дома. До рассвета еще далеко».

«Тут маленький разъезд — в четыре колеи. Если нет встречного, не задержимся долго. За железной дорогой живут четыре семьи. Начальник этой станции медлительный, как ленивец, — ну, никакого спасения! Пока он передаст жезл и отправит состав, пройдет целая веч-

ность. Почему я, собственно, так спешу? Последнее время я слишком привыкла думать о нем. Хочу о чем-нибудь другом...»

«Вон там, где светятся фары автомобиля, теснятся четыре дома, живут четыре семьи. В одной и сейчас еще не спят. Раньше, до моего замужества, тут было три дома, оторванных от села и примазавшихся к станции. Верно, потому я и запомнила.»

Машина остановилась, не доезжая до полотна железной дороги, и фары сразу погасли.

«Кто-то опаздывает, — подъехал в последнюю минуту».

Низко загудел электровоз.

«Скоро поедет». — Мака подошла к окну.

Ярко освещенная станция осталась сзади, а по эту сторону состава, в темноте, на рельсах свободного пути ломались вытянутые тени колес. Кто-то медленно переходил через рельсы. Ах, это тот, который подъехал на машине. Может быть, у него билет в мое купе? И прекрасно, рядом окажется живая душа, и я не буду столько думать.

Поезд простучал по единственной стрелке и, вильнув хвостом, покатил дальше.

Мака стояла у окна. За окном все растворилось во мраке. Кто-то повернул ручку двери и приоткрыл ее.

«Я же опустила защелку! — спохватилась Мака и обернулась. — Кто бы это мог быть? Попутчик или проводник?» — она нажала большим пальцем на торчащий из двери никелевый язычок и увидела в щели между дверью и металлическим косяком не отрывающийся от нее глаз.

Медленно, не сразу открылось белое, как маска, лицо, и Тхавадзе шагнул за порог...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Поезд остановился. Мака, вся дрожа, оторвалась от окна. Тхавадзе лежал на спине, и пиджак, наброшенный на него, закрывал его лицо. Мака выглянула в коридор, потом вернулась, подхватила завалившуюся под стол сумочку и так вылетела из купе, словно ее грубо вытолкнули.

Она оставляла Тхавадзе одного, без присмотра.

«Сейчас-то ему все равно, но, возможно, сюда долго никто не заглядывает». Мака только прикрыла дверь, но не захлопнула ее.

В тамбуре выходящие пассажиры неторопливо подвигали багаж к дверям и ждали своей очереди. Не сумев пробиться к подножке и боясь оставаться на виду, Мака отошла к противоположной запертой двери. На соседнем пути стояли черные в мазуте цистерны. Будь эта дверь открыта, она спрыгнула бы, обошла бы поезд вокруг и, минуя вокзал, бежала бы отсюда подальше.

Гено стоял перед залом ожидания.

«Какого черта он притащился! Сидел бы дома!.. — сейчас она не могла ни думать, ни стоять на одном месте. Сначала нужно было как-нибудь выбраться из поезда, уйти с перрона и уж потом подумать. «Сумеет ли Тхавадзе привстать и выглянуть в окно?.. Никто, никто на свете не знает, на что он способен!..»

Кто-то открыл дверь между вагонами. Мака подумала, что она тоже может воспользоваться этой дверью, и кинулась в соседний вагон,

пробежала по коридору и дальше, еще тамбур, двери и коридор. Только в третьем вагоне она остановилась.

Уже поднимались новые пассажиры. На подножке она налетела на кого-то, краем уха услышала: «Если так спешишь, чего ворон считаешь!» Кое-как протиснулась, пролезла, соскочила на перрон. И увидела Гено. Она опустила голову и увязалась за последними пассажирами, уходящими от поезда.

— Мака!

Нет, ей послышалось.

— Мака!

Чей это голос? Мужа или... Или он зовет?

— Мака, ты что, не слышишь?

Гено? Конечно он. Кто же еще смеет так громко и требовательно звать ее в толпе.

Она хотела оглянуться. Совсем не в ту сторону, где оставался он — напротив. Но этот голос то ли придал ей сил, то ли начисто лишил их — она обернулась к поезду, и взгляд ее, как нарочно, упал на то окно, из которого смотрел Тхавадзе.

У нее задрожала нижняя губа, и вместо того, чтобы отвернуться и уйти поскорее, она остановилась.

Ничто не было похоже на действительность: ни то, что произошло ночью, ни то, что происходило сейчас. Так бывает во сне: кто-то ловит тебя, настигает, ты хочешь бежать, звать на помощь, но не в состоянии издать ни звука. Ноги липнут, вязнут. Обливаешься потом, задыхаешься, и ни с места... Мака словно и сейчас ждала пробуждения.

— Мака! — совсем близко послышался голос Гено.

Он привел ее в чувство. Мака проскочила в зал ожидания, и лишь найдя темное, укрытое между буфетом и стенкой место, остановилась и прижала к груди сумку — ей показалось, что на платье у нее кровь Тхавадзе. Она бежала бы еще, но сил не стало. И теперь она знала, что Тхавадзе не видит ее.

Подошел Гено, встревоженный и удивленный.

Мака сознавала, что она очень бледна, и попыталась улыбнуться, но сама же почувствовала, как жалко исказилось ее лицо.

— Пойдем, Гено, уйдем отсюда! Уведи меня!..

— Гонится за тобой кто-нибудь? — Гено, недоуменно озираясь, последовал за женой. — Что с тобой?

— Ничего...

— Скажи, что случилось!

— Что могло случиться? — она опять попыталась улыбнуться, но вовремя раздумала и посмотрела в сторону выходящих из вокзала пассажиров.

— От кого ты прячешься? Или куда спешишь?

— Домой... Разве мы не идем домой?

— И что?

— Гоча... Я хочу видеть Гочу, Гено... Скорее, а то уйдет автобус.

Гено разглядывал людей, снующих на привокзальной площади.

— Кто же все-таки за тобой гонится?!

— Потом, потом скажу... — Мака опять заторопилась и побежала к автобусной остановке. — Скорее! Скорее! Вчера он не спал всю ночь, да? Не спал?!..

Передние места в автобусе были заняты, в середине у окон тоже сидели, сзади же не было никого. Мака забилась в самый угол, обеими

руками вцепилась в холодные поручни перед собой и опустила лицо на руки. Она знала, что Гено не станет спешить, и до его прихода надо что-то придумать. Сейчас что бы она ни сказала, муж выслушает ее, даже сделает вид, что поверил, но потом он спросит о чем-нибудь, завтра или послезавтра, — спросит и даст почувствовать, что ее слова он понял вот так, а не как она говорила. Сейчас он не пристанет с ножом к горлу к потерявшейся, напуганной жене — даст ей прийти в себя. За это время она должна что-то придумать, чтобы отвести ему глаза.

Мака приподняла голову. «Отвести глаза?» Нет, не «отвести глаза», а солгать, обмануть...

Гено не появлялся.

«Где он? — Мака выглянула на улицу. — Может, встретил знакомого?»

Было бы хорошо, если б Гено следом за ней вошел в автобус и автобус тотчас отъехал. Или проклятый поезд пошел бы, наконец, дальше... Но куда денется Тхавадзе? Пока вечером этот же состав не вернется назад, в Ианиси?

Гено, наверное, завернул в магазин. Автобус долго простоит на конечной. Возможно, Мака иной раз и скрывала кое-что от мужа, но никогда не говорила неправду. А сейчас должна сказать. Может быть, он потому и задерживается? Знает, что придя надо спросить у нее причину странного поведения. Все было слишком явно, и он не может поверить, что Мака просто встала не с той ноги или так уж невысказанно беспокойлась о сыне.

Низко прогудел электровоз.

Мака прижалась лбом к холодному алюминиевому поручню и стиснула глаза, словно могла этим замкнуть слух и ничего не слышать.

Когда показался Гено, до отхода автобуса оставалось совсем немного. Он нес под мышкой завернутый в газету круг хлеба, и Маке вдруг стало так жалко его, что не могла даже припомнить, встречала ли когда-нибудь более жалкого человека. Ей сделалось тошно от того, что она любила этого мужчину.

Далекий отзвук ушедшего поезда принес крошечное облегчение.

Когда Гено вошел в автобус, железные ступени заскрипели под его ногами, и Мака тут же очнулась: что сказать?

— Задержался, Гено!..

Муж не ответил и косо взглянул на нее.

В автобус поднялся немолодой мужчина с двумя тяжелыми чемоданами и с улыбкой кивнул Гено. Гено взял у него один из чемоданов и поставил в ногах.

— Подвинь сюда, — Мака потянулась к чемодану и волоком потащила к себе.

Мужчина вытирал пот с лица и шеи и, видимо, собирался заговорить с Гено.

— Как Гоча? — глухо спросила Мака.

Гено кивнул.

— Сон приснился ужасный! — сказала она и содрогнулась. Это была ложь, которая должна была отвести глаза мужу, она явилась сама, и Маке вдруг опротивело все в автобусе и за его опущенными окнами.

— Не жизнь, а одно мучение, — обстоятельно вытерев лысину, проговорил хозяин чемоданов — пожилой мужчина с ввалившимися щеками.

Прежде чем обернуться к нему, Гено взглянул на жену. Он слышал, что Маке приснилось что-то страшное. Но с каких пор она стала верить

снам, а если уж сон действительно так растревожил ее, почему не выбежала из вагона самой первой и не бросилась к нему узнать, как Гола, не заболел ли? Положим, она не видела Гено и не слышала его окрика, но куда же она бежала после того, когда муж, наконец, догнал ее? «Господи, если ты есть хоть где-нибудь, помоги!»

Обычно, встречая ее после поездок в Ианиси и провожая с вокзала домой, Гено сходил на полпути и шел на работу. В этот раз он остался.

«Почему он едет? Хочет подробно расспросить обо всем?.. С чего начать? Какая разница? Страшнее того, что уже случилось, ничего не будет...»

Если б она не растерялась в первую минуту, а спокойно вышла из вагона, не обращая ни на кого внимания, подошла бы к Гено, взяла бы под руку и, разговаривая о доме, пошла бы с ним к выходу, как раньше, как всегда, ничего бы не случилось...

Мака украдкой покосилась на мужа. Гено, щурясь, смотрел в окно, но словно ничего не видел, и теперь не казался таким жалким.

«О чем он думает?»

Во всем виноват Гено! Почему отпустил ее! Сказал бы — никуда не поедешь!.. и все. А если б Мака обиделась или даже оскорбилась, — пусть! Все лучше, чем то, что случилось... А сейчас? Какого черта он приехал встречать? Сама как-нибудь нашла бы дорогу к дому. Почему все-таки он не остался на работе? Может быть — предчувствие? Знает, что я никогда так часто не ездила в Ианиси, и неожиданный отъезд вызвал подозрения... Он везет меня домой, чтобы подробно выведать...

Джумберу Тхавадзе было от рождения двадцать два дня. Двадцать два дня ничто не мучало его. Его перебинтовывали, лечили, окружали заботой, а он не мог надивиться — где были эти люди до сих пор? Как нелепо устроено все в этом мире! Все наоборот: больно тебе — нет лекарства; хорошо, довелось вздохнуть свободно, а тебя еще ублажают, чуть ли не святой водой опрыскивают. Да, это так, и все-таки это неплохо. Это даже отлично, и Джумберу хотелось поблагодарить кого-то за то, что так нелепо и так чудесно устроен мир. Джумбера лечили, холдили, нежили, ибо думали: человеку нужна помощь. Ему же было совестно от того, что все это стало теперь лишним, ненужным, а он хотел, чтобы забота была действительно необходима ему.

Что-то случилось двадцать два дня тому назад, после чего так полюбили Джумбера проводники поездов, шоферы, медицинские сестры и врачи. Оказывается, он никогда не был беспризорным, отверженным, люди никогда не бросали его одного; они не жалели для него ни собственного куска, ни собственной рубахи. Это он сам был замкнут, упрям и злобен. Он не знал дружбы, не знал родственного тепла. Он сомневался даже в любви родной матери. Слава богу, теперь он понял, что люди исполнены добра, а это надо суметь увидеть — люди не носят своих сердец на ладонях или на лацканах пиджаков. Пока человек не поймет этого, он несчастлив. Он всю жизнь, весь долгий век свой проживет в волчьей стае. Не раскройся у Тхавадзе глаза, с ним было бы то же самое: волки загрызли бы его или он загрыз бы волков. Он никогда не избавился бы от ядовитых муравьев, что наполнили на него за врагом из черного трухлявого пня.

Тхавадзе лежал ничком в своей комнате на мягкой подушке. За стеной слышались шаги матери, готовившей завтрак. Она не умеет вкус-

но готовить, но очень хочет. Разве можно упрекать человека в том, что он не может сделать что-то, хоть и старается изо всех сил? Нет, что бы она ни приготовила сегодня, все будет вкусно.

Джумбер встал, улыбка не сходила с его лица. Глянул в зеркало, удивился: внешне вроде ничего не заметно.

«Вот мы какие: если сейчас зайдет кто-нибудь из знакомых, он без труда узнает меня, словно я тот же, что был когда-то».

Эти дни он больше думал обо всех, кого только знал, нежели о Маке. Словно не оставлял себе времени на нее. Та ночь не сблизила его с Макой, напротив — испугала. Он не верил в то, что случилось. Это могло случиться только в мыслях, в желании... Не было минуты, чтобы она не стояла перед глазами, но он говорил о другом, словно должен был пройти какой-то иной, долгий путь прежде, чем дойти до Маки. Словно сперва должен был узнать цену другим, поверить в других, и только потом обрел бы право верить в нее!..

Сегодня он собирался встретиться с ней, но не думал об этом. Столько времени Мака в его представлении стояла отдельно, особняком от всех. До сих пор он любил только Маку и никого больше. Теперь же Мака была все, весь мир. Любовь к ней он поделил на всех, и ее хватило с избытком, все вокруг должны были быть Макой, чтобы он достиг ее.

Сейчас, до встречи, у него было время зайти к кому-нибудь из знакомых, открыть свою тайну и порадовать: пусть и он будет счастлив! Но хоть мир так полон добра, его все равно никто не поймет. Они очень захотят, постараются, напрягутся, черт побери, но — увь! Ему одному, одному предстояло нести свое непомерное бремя.

Прежде, чем сесть за руль, он с любовью взглянул на машину и погладил рукой гладкое крыло. Через полтора часа Мака выйдет из школы. Она дважды сидела вот здесь, сзади, хотя во второй раз он не видел ее в зеркальце над ветровым стеклом... Нынче она должна сесть в третий раз. Но случится ли это? А что, если она не вышла на работу или не провела второго урока и раньше вернулась домой, или кто-то из подруг проводит ее до дому...

Он думал обо всем, предполагал все, что угодно, но не думал о ее муже, не помнил о его существовании. Настолько немисливо было представить, что кто-то кроме него в целом свете любит ее. Никто не смел коснуться ее, ни он сам, ни другой.

Он выехал на дорогу, а дорога была одна — без единого поворота: ни влево, ни вправо. Он не надеялся встретить ее и тем более увидеть в своей машине. Он знал только, что в три часа Мака выйдет из школы, а он должен стоять в это время чуть повыше, у общежития, перед торговым ларьком.

Если она окажется одна, он поедет следом, остановит машину у нее на пути, откроет дверцу, и... Потом он сразу свернет с центральной улицы и поедет туда, где строятся два больших жилых дома, там нет никого, кроме рабочих, а рабочим нет дела до машин и их пассажиров; оттуда в поселок, но это лишь на минуту — затем они проскочат поселок и сразу же умчатся; а дальше — к чему спешить!.. Но это не могло случиться так просто, так обыденно. Разве можно приехать туда, где в назначенный час пройдет она, посадить ее рядом с собой в машину, и...

Нет, невозможно! Этого не может быть... Для этого должно случиться что-то значительное, должно случиться что-то большое и мучительное.

Мака дважды сидела в его машине, и для этого Тхавадзе провел много бессонных ночей. Наконец и та ночь в поезде (если она не привиделась в бреду) была куплена кровью. Судьба никогда не дарит ему даже маленьких радостей, не затребовав за них полной мерой.

...И сейчас должно что-то случиться... Что-то непременно должно случиться!

Машина обгоняла попутные, ехала дальше, и на первый взгляд вроде бы все шло хорошо, но Тхавадзе видел: где-то здесь таилась большая опасность...

...И он ждал ее, ждал так же нетерпеливо, как встречи с Макой.

Новое здание школы стояло в небольшом тупике в стороне от главной улицы, затененной платанами.

Рядом с Макой, возвращающейся домой, шла женщина маленького роста — преподавательница младших классов Элико.

Элико только вернулась на работу из декретного отпуска и не знала подробностей замужества Мери.

Она обгоняла Маку и, с оживленной улыбкой заглядывая ей в глаза, расспрашивала:

— А дальше, Мака? Дальше?

Мака неохотно вспоминала те суматошные дни и старалась поскорее закончить разговор. Сколько раз приступала она к рассказу, столько раз в нем всплывал Тхавадзе, и Мака умолкала. «Что он привязался», — думала Мака и, чтобы избавиться от расспросов, сама спрашивала спутницу о новорожденном сыне. Элико отвечала ей с радостно смущенной улыбкой матери, еще не привыкшей к новой роли, и опять возвращалась к своему.

— Мака, не скрывай от меня ничего. Ты же знаешь, Мери мне дороже сестры!

Мака объяснила, что Мери нравилась всей родне, и женитьба Бичико откладывалась только из-за болезни отца. С операцией и с выздоровлением отца все препятствия были бы сняты, но Джаба Хибрадзе поторопил нас немного, и из-за этого не удалось пригласить на свадьбу не только друзей, но даже близких родственников... Наконец-то она обошлась без упоминания Тхавадзе!

— Ну и заговорила я! — спохватилась Элико. — Ребенок, небось, ждет не дождется. Я побежала, Мака. Будь здорова. И не грусти!

Элико быстро перебежала на другую сторону улицы.

— Передай Мери привет! Скажи, что я очень соскучилась по ней.

Мака кивнула, а сама подумала: «Может быть, ты увидишь ее раньше, чем я».

Она пошла дальше и тут же почувствовала, что идет, опустив голову. «Не я одна, даже посторонние замечают... Вон и Элико сказала: не грусти...»

Элико скрылась из виду, и Мака так близко услышала звук мотора, словно сидела в машине.

«Тхавадзе?!»

Она хотела оглянуться, но и не оглядываясь знала, кто это, и даже не пыталась обмануть себя, только подумала: «Что же делать?..»

Машина неторопливо проехала мимо нее и остановилась в десяти шагах.

«Боже мой, здесь же все меня знают! — она огляделась. — Никого не видеть. Следит за мной от самой школы и улучил минуту. О чем с ним говорить здесь, что доказывать? А если пройти, не обратив внима-

ния, он опять обгонит. Лучше сесть к нему и сказать, чтобы он не смел сюда приезжать. Как это я не сообразила передать через Нуцу, чтобы он забыл все и не только никогда в жизни не приезжал сюда, но даже не смел смотреть в мою сторону! Почему я не подумала, что стоит ему встать на ноги, как он сразу же объявится? Но я же не говорила с ним об этом. Вот сейчас сяду, выеду из городка, попрошу остановить машину где-нибудь в безлюдном месте и скажу, что если он появится еще раз, я наложу на себя руки.

Дверь машины открылась, и в ту же минуту послышался голос: — Мака! На минуту, Мака!

По ту сторону улицы показалась бегущая Элико.

Мака захлопнула дверцу машины и поспешила ей навстречу.

— Что случилось? С ребенком что-нибудь?

— Нет, Мака, мы перепутали сумки.

— Сумки?!

Мака держала в руках зеленую сумку Элико.

— Когда? Я не заметила.

— При выходе из учительской. Ты, кажется, садилась в машину? Спешись, а я тебя задерживаю...

— Нет, это приятель моего брата... На свадьбе познакомились.

— Пусть передаст им привет от меня!

Элико побежала назад, оглядываясь и рукой показывая: что же стоишь, машина ждет.

Мака повернулась к машине.

«Ни тени сомнения!.. Ни за что не подумает, что меня может ждать кто-то «такой», — и отвлечение к себе, испытанное раз, вернулось снова.

Светло-коричневая «Победа» стремительно пересекла улицу, затем свернула туда, где строилось два новых жилых дома и не было никого, кроме рабочих. Оттуда налево, мимо ряда новеньких финских домов, объехала городок вокруг, и когда он остался позади, опять выскочила на шоссе и на большой скорости помчалась вверх вдоль извилистой реки.

«Я опаздываю домой. Он не может остановить машину посреди дороги. Если здесь где-нибудь есть поворот и спуск к реке, пусть свернет, чтобы я могла сказать ему несколько слов; не могу я говорить вот так, на ходу.

Машина мчалась мимо белых бетонных столбиков вдоль кромки дороги. По ту сторону столбиков, внизу виднелась зеленая речка. За рекой в густой зелени рдели черепичные крыши, местами кучно, местами по двое, по трое.

«Там всюду семьи, и они живут честно, без обмана. Туда, наверное, и машине-то не подняться... Лучше б мы с Гено остались в деревне, взяли бы участок рядом с его братом и работали бы в школе...»

Машина мчалась вдоль ряда белых столбиков. Местами, где асфальт был посыпан толченой галькой, мелкие камешки пощелкивали по низу машины.

Гхавадзе ни разу не оглянулся. Он был настолько счастлив, что боялся оглянуться назад. Дождался, обогнал, остановил машину, Мака не постеснялась знакомой, села к нему, и они поехали по заранее продуманной дороге.

Нет, это не могло произойти так просто! Невозможно поверить, но видимо, случается в человеческой жизни — самое страстное желание сбывается, и тогда ты долго удивляешься, мотаешь головой и недовер-

чиво твердишь: « Это все неправда... это неправда! Что делать, но я не могут поверить...»

Тхавадзе знал, что он должен ехать медленно, но медленно не получалось. Сейчас он не мог ошибиться, хотя каждую секунду ждал чего-то: что заклинит руль, сорвется колесо с оси или с придорожной скалы свалится валун... Сколько чего нужно опасаться, когда так хочется жить.

Мака ясно сознавала — сидящий перед ней человек настолько счастлив, что не хочет даже оглянуться; боится, как бы она не исчезла — и ужасно завидовала ему.

Во всем, даже в том, как он поворачивал руль, чувствовалась настоящая радость. Рука его лежала на желтоватой пластмассовой баранке так, словно он ласкал ее, сжимал бережно, почти нежно и улыбался встречным машинам, красноватым глинистым склонам гор по обе стороны новой дороги, белым столбикам вдоль обочин.

Мака завидовала ему. Мака потеряла то, чем обладал сейчас Тхавадзе. Этот человек был сейчас сильнее всех, он мог отнять Маку у мужа и сына.

«Неужели на таком расстоянии негде свернуть в сторонку? У него есть место, куда он мечтал привезти меня когда-нибудь, и теперь везет туда. Так нет, я не поеду, куда ему хочется! Неужели сч всего должен добиться? Не знаю, сколько я еще могу... Я чувствую, что этот человек отнимет у меня все, и ненавижу его. Ненависть единственное, чем я защищаюсь от него».

Они промчались мимо затянутой травой неширокой дорожки, сбегающей в сторону от шоссе, к реке.

— Остановите! — проговорила Мака. Она еще не собралась сказать то, для чего поехала, но она не могла так бессловесно, так покорно следовать за ним, куда он пожелает.

Машина остановилась. Тхавадзе положил руку на спинку сиденья и обернулся. В его глазах Мака увидела тревогу, которая притушила неистовую страсть.

«Этот человек и сегодня покорит меня. И сегодня... и всегда... Я потому и ненавидела его, что он мог водить меня по своей воле. Моя душа не мирилась с этим — и я ненавидела. Я и сейчас ненавижу его так же, как в ту ночь... Мне и сегодня покориться ему...»

— Поезжай, только не оглядывайся, — сказала Мака.

Вечерело. По накатанному шоссе мчалась светло-коричневая машина.

Мака сидела, откинувшись на спинку заднего сиденья. Взор ее бесцельно блуждал по проносившимся мимо машинам. Она теперь не думала даже о том, что ее могут увидеть, она вообще ни о чем не думала. Она как-то обмякла, устала от этого человека. Единственная мысль, которая маячила у нее в голове, была: пусть подвезет меня к самому дому, пусть все увидят, что я приехала на автомобиле любовника...

— Останови мне у калитки! — резко бросила она Джумберу.

Джумбер оглянулся, решив, что он ослышался.

— Что ты сказала?

— Я говорю, остановишь у калитки!

— У чьей калитки?!

— У моей!

Джумбер задумался. Поехал медленнее, у него словно упало настроение. Но скоро он принял какое-то решение, опять повеселел, и машина прибавила скорость.

«Он думает, что я нарочно хочу вызвать ревность мужа и развестись с ним в конце концов...»

— Останови мне у калитки, и это будет наша последняя встреча! Машина замедлила ход. Далеко впереди светились окна окраинных домов.

— Поезжай! — громко сказала Мака. Она испугалась, как бы Джумбер снова не сел к ней.

— Не останавливайся, а то... я сойду.

Но машина не останавливалась.

— Когда ты можешь встретиться со мной? — спросил Джумбер.

— Никогда!.. — сказала она как можно тверже и все-таки подумала, что он не послушается ее.

— Где тебе удобнее...

— Нигде!

— Скажи, где ты будешь, и я приеду туда.

«Я уже потеряла силу, моему слову грош цена, я в его власти и обязана встретиться, — подумала она и почувствовала, как горькие слезы подступили к глазам. — Наверное, теперь я не имею права отказать».

— Никогда! — сказала она громче. — Я же сказала — никогда!.. Разве не моя воля? А если я не хочу?! — что-то подкатило к горлу, и пока она опять сумела заговорить, она подумала: «Что со мной? Истерики перед Тхавадзе?..»

— Что с тобой, Мака? — спросил Джумбер ровно, но голос его выдал беспокойство.

— У меня есть сын! — то, что у нее есть муж, она не посмела сказать.

— Об этом я узнал три года назад, двадцать третьего марта...

— Оставь меня в покое!.. Оставь! Отстань!..

— Мака!

— Не называй меня так! Зови иначе, только не Макой.

— Я не могу называть тебя другим именем.

— Мы не проехали мимо дома?

— Остановить у калитки?

— Я же тебе сказала! — вспыхнула Мака.

— Ладно, как хочешь...

— Когда мы встретимся?

— Никогда.

— В таком случае...

— Нет, я сказала!

— Мака!

— Нет, нет и нет! Ни за что!

«Он не послушается и опять приедет. Сто раз повторила я одно и то же, а он и слушать не хочет».

— Здесь!

Машина съехала с дороги и остановилась у обочины. Мака схватилась за ручку дверцы, но Тхавадзе опередил ее и забрал в ладонь ее пальцы, впившиеся в прохладный никель. Мака вспомнила свой давнишний сон. Ее так и передернуло. Она высвободила пальцы, открыла дверь и ступила на землю.

— Никогда!

— Мака!.. — полным безнадёжности показался ей этот зов.

— Никогда! — повторила она и после того, как машина отбехала.

В то время, когда врачи полагали, что Тхавадзе лежит недвижимо в палате, он вдруг исчез, а на следующий день его опять нашли на койке без памяти. Никто не мог понять, как он ушел, и тем более, как сумел вернуться и проникнуть в палату, когда вся больница была поднята на ноги. Через два дня он вполне оправился и настолько быстро стал выздоравливать, что и этим немало подивил врачей, и, наконец, выписался в чрезвычайно короткие сроки.

К его приходу ревизия на заводе была завершена. Тхавадзе знал, что копаясь в бумагах, у него ничего не найдут: на то, что написано на бумаге, нужно уметь дать ответ, и Тхавадзе заранее запасался ответом. При большом желании на любом заводе можно найти повод для упреков и разговора, но поскольку раненый директор быстро поправлялся и со дня на день мог выйти на работу, желающих обвинить его в чем-либо не нашлось.

Во время ревизии Цуцуния наполняла кипяченой водой из шланга большие бочки, чтобы никто не подумал, что директор завода по своей воле распределяет штат. В заключении, сделанном ревизией, говорилось о бесхозяйственности и нерадивой работе Бичико Лежава, однако объявить из-за этого выговор директору или даже просто поставить на вид ревизоры не посмели, так как во всем остальном недостатков на заводе было мало... После ревизии, опровергшей растрату, старые слухи воскресли, и подозрение снова пало на Маку Лежава: никаких других причин стреляться у него не было; они встретились на свадьбе Бичико, и Тхавадзе сказал ей — брось мужа и ребенка и выходи за меня. Мака, конечно, сестра Бичико, но отнюдь не такая ветреная, как брат, — она не сочла Тхавадзе даже достойным ответа. Тогда Джумбер встал, пошел домой, зарядил пистолет и пустил пулю в сердце. Шепотом поговаривали, будто Мака приезжала раз проведать раненого, но поскольку никто из палаты Тхавадзе и его многочисленных посетительниц не видел ее, подозрение не подтвердилось. И все-таки люди говорили о ее приезде и тут же добавляли — пожалуй, это неправда... Была попытка увязать сплетню с Цуцунией: Тхавадзе, мол, хотел сделать ее любовницей, а она ни в какую — если хочешь, бери в жены. Но свести это к самоубийству не удалось, и опять перекинулись на Маку Лежава: в детстве Джумбер очень любил ее. Самые дошлые напомнили, что тогда Тхавадзе был не такое уж дитя — десятилетка за плечами, а если когда и любят, так именно в эту пору. С тех пор, как Мака уехала из деревни, никто не знал, продолжал ли Джумбер преследовать ее. Если да, то как же он допустил, что она вышла за какого-то Нижарадзе? Кто-то глубокомысленно заметил: тогда он, наверное, решил забыть ее, раз она вышла замуж, но сейчас увидел и понял, что не любить ему другой женщины.

Вернувшись на работу, Тхавадзе в первый же день предложил Цуцунии или остаться мойщицей бочек в цехах, или оставить завод, поскольку директору завода по штату не полагается личная секретарша. Цуцуния взглянула на директора своими синими глазами и так томно опустила ресницы, словно Тхавадзе просил у нее руки и она согласилась.

— Ну так как? — опять спросил Тхавадзе, поскольку не понял, на что соглашалась Цуцуния. — Что будешь делать?

— Я согласна, — проговорила Цуцуния.

— На что ты согласна? — Тхавадзе даже обозлился; где только я нашел такую — слова человеческого не втолкуешь. — На что ты согласна? — и встретив растерянный взгляд Цуцунии, пояснил: — Иди на мойку бочек, и на уход с завода?

— Нет.

— Ни на то, ни на другое?

— Переведите меня в другое место.

— Ладно. Я переведу тебя к другому. — Тхавадзе вспомнил про заместителя председателя исполкома и тут же позвонил ему. Договорился: тот обещал взять девушку машинисткой, хотя Цуцуния никогда в жизни не напечатала ни одного слова.

Во время рабочего дня директор заметил, что Бичико Лежава и один из рабочих выпили и ходят по заводу навеселе, и объявил им по строгому выговору.

«Даже Бичико не пощадил!» — удивились все.

Непонятым осталось, из-за чего стрелялся Джумбер. Не понимали теперь, чем он жил, и попритихли.

Не прошло и недели со дня возвращения директора на завод, как из Тбилиси пожаловал представитель главка. На этот раз Тхавадзе не искал для него гостиницы и не справлялся, ел ли он в этот день или вообще питается святым духом.

Прощаясь, он проводил его до лестницы. Перед лестницей во дворе стояла светло-коричневая «Победа», но представитель главка целый час прождал автобуса в горячей тени акации.

А Тхавадзе в это время сидел в своем кабинете за приоткрытой дверью и думал: я должен жить так, чтобы мне не пришлось ничего скрывать от любимой.

После двух остановок автобуса некоторое время нужно было идти пешком, потом свернуть на проселочную, как крышей перекрытую ветвями деревьев. Калитка хозяев была пятая или шестая от шоссе.

В затененных проселках грунтовая дорога даже в жару не просыхала, а в дождь ходить к Хибрадзе и вовсе было невозможно. Марго целую неделю с мольбой смотрела на небо, — не было бы дождя, но в субботу к вечеру все-таки набежали тучи.

Мака знала, что не пойти в этот раз к Хибрадзе невозможно, но знала она и то, что Бичико ни за что не явится к свойственникам без Тхавадзе. Джумбер, конечно, не упустит такой возможности. Там же будет Гено, а для Маки лучше смерть, чем видеть их вместе. И тем не менее нельзя было не идти. Гено теперь все брал на заметку. Да и Марго с Мери не нашли бы себе покоя, кусок не полез бы им в горло, если б Мака — не больная, не ухаживающая за захворавшим ребенком, а здоровая и невредимая Мака не пришла бы к ним в такой день. Другого пути не оставалось: Маке опять предстояло лгать. Лгать безбожно. И не только мужу, но всем: сыну и отцу, матери и свекрови, брату и невестке, всем, кого она любила.

А не идти было никак невозможно.

Накануне, перед субботой, она мечтала: вот бы завтра заболеть и слечь!..

Ночью она дважды выходила из дому в одной рубашке и подолгу стояла во дворе, но ночь как нарочно была такая тихая, теплая и звездная, что она даже ни разу не чихнула после этих прогулок.

Утром она надумала выпить чего-нибудь, что вызвало бы у нее температуру, но не знала такого средства, ибо никогда не интересовалась ничем подобным и не помнила, чтобы читала где-нибудь

А время шло.

Солнце поднималось все выше, выше. Вот и полдень настал. Ей показалось, что у нее начался жар. Смерила — ничуть не бывало!

Гено рано вернулся с работы.

«Господи, зачем он спешит? Если б он только знал, куда идет... На свете нет человека смешнее него», — подумала она, когда муж вошел во двор. Она поспешно подобрала валявшийся на верхней ступеньке лестницы дерюжный половик и побежала мыть его. «Я, наверное, не могу переживать, — она окунала мешковину в холодную воду и тщательно терла ее. — Наверное, я безчувственная... От сильных переживаний люди теряют сознание, валятся с ног, заболевают. Я же свыклась со своим положением, скоро и мучиться не буду, а буду нагло смотреть всем в лицо», — слезы подступили к глазам, и она поспешно огляделась, не видит ли кто.

«Едиственное на что я способна, это заплакать, и потом почувствовать некоторое облегчение. Не облегчение, а усталость. Для меня даже слезы так тяжелы, что я устаю от них и не в состоянии думать потом... Боже мой, неужели я всегда была такая жалкая и не способная ни на что, кроме слез?»

Перед выходом из дома она не могла найти даже своей одежды. Она помнила только, что платье, в котором она была в ту ночь, лежит за шкафом, она собиралась никогда не надевать его. «Гено не должен видеть меня в том платье».

Они сошли с автобуса и дальше пошли пешком. Небо хмурилось. Дул прохладный ветер. Гоча шел впереди и ножками, обутыми в новые туфли, пинал камешки на дороге, изредка оглядываясь на мать и удивляясь тому, что она не сердится.

Мака не отрывала глаз от сына, пытаясь представить себе, очень ли трудно ему придется без матери. Она жалела, что раньше запрещала ему играть камешками на дорогах, — «наверное, он такой строгой и запомнит меня».

Магдана шла последней: мешала боль в суставах. Мака вдруг спохватилась, как бы Гено не спросил ее, почему она так смотрит на сына, отвела взгляд, отстала, но и рядом со свекровью не смогла идти и опять ушла вперед. Когда свернули на проселочную к дому Хибрадзе, Маке показалось, будто она уменьшилась в росте, сделалась ниже. Через несколько шагов она догадалась, что это каблучки проваливаются в непросохший после дождя грунт. «Я тяжела... земле», — подумала она и вспомнила, что и вчера, возвращаясь из школы, испытала то же чувство; где и когда — не смогла припомнить. Она ясно видела, что затененная дорога не совсем просохла и из-за этого проваливались каблучки, но никак не смогла избавиться от мысли, что она тяжела земле...

«Я для земли слишком тяжелый груз, я не должна ходить по ней».

Гоча тянулся к низким ветвям деревьев над головой отца (Гено поднял Гочу на руки и широко шагал посреди проселка), срывал листья и пригоршнями кидал их в мать.

«Без меня он не пропадет; напротив, — когда все узнают, какая у него мать, вот тогда его будет жалко. Если я сама потеряла гордость, если мой муж жалок и опозорен, я должна пощадить хотя бы сына...»

Гено остановился.

— Ну, хватит с тебя! — сказал он Гоче и опустил его на дощатый мостик перед калиткой.

«Пришли! — Мака через ограду заглянула во двор. На затененной фруктовыми деревьями зеленой траве, возле дома стояла светлая коричневая «Победа». — Я скажу Тхавадзе, чтобы он отстал от меня, или я покончу с собой...»

К калитке с распростертыми объятиями бежала Марго.

«Ох, Марго, Марго... Как я тебе завидую... Если б ты только знала...»

На балконе, в углу несколько мужчин играли в нарды, но Тхавадзе среди них не было. Пока Марго добежала до калитки, на лестницу вышла Мери, тоже бесконечно счастливая и радостная.

«И она счастлива, — думала Мака, входя во двор. — Нет на свете человека несчастнее меня... Нет на свете такого человека...»

Среди гостей Тхавадзе не оказалось. Это заставило Маку впервые задуматься о его благородстве. Она даже повеселела ненадолго оттого, что хотя бы в эту ночь избежала невыносимой лжи и отвращения к себе.

Вскоре Мака сказала уставшей, вышла из-за стола в комнату, где спали близнецы, и, не раздеваясь, прилегла на кровать.

«Я нагло плюю им всем в лицо. Никто не знает, что я изменяю мужу... Я обманываю не только их, но и себя. Я любовница человека, которого ненавижу... и я не пожалею теперь, если возненавижу мужа. Я тяжела земле...»

Ветер на дворе посвежел. Вскоре полил дождь. Странная и страшная мысль пришла Маке в голову: что, если размякшая земля не удержит и поглотит ее.

На минуту оторвавшись от дел, вбежала встревоженная Марго.

— Родная моя, что случилось, не заболела ли ты?

Ее искренняя взволнованность на этот раз показалась Маке чрезмерной, даже наигранной, и довольно грубо она попросила оставить ее одну.

Марго ушла, скрывая обиду.

— Как бы девчонки мои не проснулись — не дадут тебе покоя, — сказала она, выходя из комнаты.

Не прошло и пяти минут, как появилась Мери. Неслышно, на цыпочках подошла она к Маке, присела на кровать и положила руку на ее ладонь.

— Дождь пошел, — шепотом сказала она.

«Тхавадзе одолжил свою машину Бичико, чтобы я убедилась в его благородстве, он мог приехать, но не сделал этого, не поставил меня в дурацкое положение. Если ночью будет дождь, завтра ему не удастся увидеть меня. Хоть один день смогу идти по улице, не озираясь по сторонам и не дрожа».

— Отец очень огорчен. Неужели, говорит, Мака не может выкроить несколько дней и приехать, — сказала Мери с виноватой улыбкой, словно спрашивающей: может быть, тебе не до меня?

«Отец... — вспомнила Мака. — Как я переволновалась из-за него, а теперь даже не вспоминаю...»

— Бедный отец! — проговорила она и почувствовала слезы на глазах. «Я все время плачу, как ребенок!»

— Может быть, когда начнутся каникулы...

— Мери, погаси, пожалуйста, свет.

— Хорошо, — Мери повернула выключатель.

— Как он сейчас?

— Лучше, Мака...

«Все-таки она увидела или почувствовала, что я плачу; надо как-нибудь сдержаться», — подумала Мака, но в комнате было темно, и поэтому она не смогла сдержать слез.

Утром ни свет, ни заря Мака вернулась домой, не выходя целый день.

В понедельник по дороге в школу она увидела светло-коричневую «Победу». Вся дрожа и негодуя на себя, она сумела крикнуть лишь: «Не сегодня, только не сегодня!» И машина уехала, не останавливаясь.

«Слава богу, уехал, — думала Мака шагая по улице. — Наверное, когда я чего-нибудь очень хочу, он слушается... А вдруг я не хочу всем сердцем, чтобы он оставил меня в покое, и потому он не отстает?»

Через два дня, приближаясь к школе, она вдруг ясно ощутила, что едва прозвенит звонок с уроков, у нее закружится голова или она упадет в обморок, — и вернулась назад.

До прихода Гено она не вставала с постели, а вечером попросила отвести ее к врачу. Врач равнодушно выслушал всю ее ложь — головные боли, сердцебиение, бессонница и прочее — и на длинном листке бумаги бегло накатал рецепт.

«Еще один обман. Интересно, до чего я докачусь? — думала она, возвращаясь домой рядом с мужем. — Гено чувствует, что я лгу, но еще надеется на мою порядочность».

В пятницу с утра не покидала Маку мысль: сегодня встречи не избежать — и, собираясь на работу, сказала свекрови: «У моей приятельницы Элико заболел грудной ребенок, она, бедняжка, неопытная, волнуется, так я после работы зайду к ней и, может быть, опоздаю».

После уроков она уже машинально подошла к машине Тхавадзе. И когда «Победа» выбралась наконец из городка, Мака поняла, что она раздвоилась, отделилась от себя и сделалась себе врагом. В ужасе она поверила, что кто-то в ней принял сторону Тхавадзе, и отныне эта ее половина еще больше отяготит совесть, еще больше запутает пути-дороги и лишит последней надежды на спасение.

В этот вечер Тхавадзе поверил, что Мака окончательно покори-лась ему.

Перевел с грузинского А. Эбанондзе

Окончание следует

Два портрета

В этом номере как бы сама история сверстала события Революции и Культуры. Отмечая юбилей Тбилисского университета, историю его полувекового роста и мужания в условиях социализма, мы обращаемся здесь в честь Октябрьской годовщины к самим этим условиям, к героической жизни народа, показавшего себя хозяином своей судьбы. Этот исторический процесс, запечатленный в грузинской советской прозе и поэзии, и отражен, на конкретном примере творчества двух писателей из числа зачинателей грузинской советской литературы, критиком Георгием Маргвелашвили.

I

КОНСТАНТИН ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Книга эта названа «Зарей Колхиды» не случайно. Да, речь идет о той самой Колхиде, куда в доисторические времена устремились аргонавты в поисках золотого руна. Чем это кончилось — общезвестно. Начиная с тех мифических времен Колхида не раз привлекала искателей наживы разного масштаба и разной мощи. Я не буду пересказывать полную драматизма и трагических катаклизмов историю народа, который с невиданным мужеством и огнеупорной стойкостью отражал нашествия и натиски с Запада и Востока, с Севера и с Юга, а в периоды коротких передышек умел перековывать мечи на орала, чтобы самому добывать богатства своей земли. И вот спустя тысячелетия он оказался лицом к лицу с поистине эпической задачей — так устроить жизнь на своей земле, чтобы воплотилась вековая мечта о мирном труде, который должен стать не только источником изобилия, но и духовного богатства, не только фундаментом силы, но и первоосновой красоты и добра, свободы, равенства и братства. Замечательный грузинский поэт Тициан Табидзе писал примерно в то самое время, когда создавались первые главы «Зари Колхиды»:

Новый эпос не нуждается
Ни в Язоне, ни в Медее.
Днесь иной рассказ рождается,
Сердцем искренним владея.

Золотым песком не платим,
Золотым руном не бредим,
Землю милую охватим,
Гимном праздник новый встретим.

Обманулся ждавший золота —
Ибо труд в цене от века,
Ибо труд дороже золота
В светлом царстве человека.

Строфы эти можно было бы поставить эпитафией к «Заре Колхиды».

Теперь о самой книге, об ее авторе, о других его произведениях, в совокупности своей рисующих труды и дни грузинского народа.

Константин Лордкипанидзе — один из тех советских писателей, чье творчество давно уже стало достоянием не только многомиллионного советского читателя, но и, перешагнув границы нашей страны, вошло в духовный обиход читателя зарубежного. Крупнейшее произведение К. Лордкипанидзе — роман «Заря Колхиды» — вышло отдельными изданиями в Берлине и Париже, а до этого популярнейшая прогрессивная литературная газета во Франции «Леттр Франсез» из номера печатала этот роман, предпослав ему с любовью написанную заметку о грузинской литературе и снабдив выразительными иллю-

страциями. А вслед за этим Луи Арагон, предпринявший издание лучших произведений советской литературы, включил в первый же том этого издания, наряду с несколькими шедеврами советской новеллистики, «Горийскую повесть» К. Лордкипанидзе.

«Заря Колхиды» — многоплановый социально-бытовой роман. Говорят, слухами французского критика Ж. Лесеркля, в нем показано «событие величайшего исторического значения — переход от частной собственности к коллективной и в связи с этим — перделка людей, ибо рождение коллективного хозяйства — это рождение нового человека».

«Заря Колхиды» занимает видное место в ряду крупнейших произведений советской литературы, повествующих об историческом процессе перестройки нашей деревни, о трудах и днях, предшествовавших великому перелому и подготовивших этот перелом. Однако оригинальность этой книги несомненна, и она обусловлена не только талантом и творческим своеобразием ее автора, но и национальной спецификой, многообразием тех конкретных условий, в которых происходила коллективизация в различных районах нашей страны, многообразием человеческих судеб и человеческих характеров, которые складывались в этих условиях. И творческая победа К. Лордкипанидзе заключается прежде всего в том, что он смог показать общие в своих основных закономерностях процессы в их конкретном, неповторимо индивидуальном бытии, в их национальной особенности, в их непосредственной действительности.

Перед нами воочию встает одно из сел Западной Грузии, — этой «кукурузной республики», как ее называли в былые времена, подчеркивая крайнюю бедность народного хозяйства в этих областях, сводящегося сплошь да рядом к производству кукурузы и фасоли. Мы видим людей этого села — талантливых, трудолюбивых, по словам того же Лесеркля, «обладающих могучим умом и твердым характером», но придавленных нищетой, и мы наблюдаем, как партия большевиков будит в этих людях веру в свои силы и сознание великого преимущества объединенного братского труда, становимся свидетелями обострения классовой борьбы и трудного, тяжелого, но поистине вдохновенного и самоотверженного строительства новой жизни. И все это в таких конкретных, осязаемых формах, что невольно начинаешь чувствовать себя участником происходящих событий.

Четкость идейно-художественного замысла в сочетании с зрелым мастерством дала писателю возможность точно и четко выявить конфликт в сюжете, а сюжет связать в свою очередь с раскрытием человеческих образов и характеров. Сюжет оказался, таким образом, тем, чем он должен быть в каждом социально-бытовом и психологическом романе, — функцией характера, сплетением тех дорог и тропок, по которым движутся образы в процессе раскрытия и развития. В сюжете «Зари Колхиды» нет ни одного звена, которое выглядело бы чем-то внешним по отношению к действующим лицам. Ведь что такое сюжет, как не результат взаимодействия данных характеров и данных обстоятельств, которые заставляют людей действовать?

«Перед закрытой дверью», — так назвал автор первую часть своей книги. Это своеобразная экспозиция романа, в которой писатель рисует своих героев такими, какими он их застал к середине двадцатых годов. Дверь в будущее еще закрыта, и читатель пока только знакомится с теми героями, которые откроют эту дверь, и с теми, которые тщетно будут пытаться прочнее ее заколотить. Эта часть книги на первый взгляд кажется статичной и бытоописательской. Но статичность эта оправдана и обусловлена замыслом: автор с большим мастерством описывает неподвижный быт тех людей, которые в скором будущем будут приведены в движение новыми историческими силами и импульсами.

Сколько действующих лиц — столько человеческих характеров и судеб. Вот Меки Вашакидзе, по прозвищу «Хрикуна» Сирота, горемыка, с детских лет принужденный прислуживать кулаку-торгашу Эремо Пиртахия. «Тяжелое бремя батрацкой жизни совсем пригнуло его к земле. Жесточайший старый мир с детства лишил его способности к самозащите и чувства собственного достоинства — драгоценнейшего сокровища, каким может обладать человек». В этих словах — ключ к тому исходному состоянию, в котором читатель застаёт Меки Вашакидзе. А вот Даху Турабелидзе, или Дахундара, как его называют в деревне, — бездомный бедняк, которого жизнь пригнула еще ниже, до полного морального падения, попрошайка и попрошайка, у которого при виде мотыги или лопаты отнимались руки, а запах трудового пота вызывал головокружение. Естественной и понятной кажется читателю своеобразная дружба этих людей, у которых отняты даже собственные имена. Но уже с первых страниц романа чувствует читатель, что судьба их сложится по-разному — облагораживающая и животворящая сила труда спасет Меки Вашакидзе, сохранит его для новой жизни, так же как нелюбовь к труду, постоянное безделье погубят Дахундара,

сделают его орудием в руках классового врага. Этот классовый враг временно притих, начал маскироваться, он даже не прочь иногда пощеголять «советской» фразеологией — таков в романе колоритно написанный образ кулака Барнаби Саганелидзе, типичного мироеда, всеми правдами и неправдами старающегося сохранить свою былую экономическую мощь. Под стать ему и Эремо-Тирташ — кулак — торгаш, ростовщик.

Перед читателем проходит целая галерея мужчин и женщин, стариков и юношей, середняков и бедняков, обрисованных ярко и своеобразно. Нет надобности характеризовать каждого из них, достаточно сказать, что все они наделены вполне индивидуальными признаками как во внешней обрисовке и речевых характеристиках, так и в показе их внутреннего мира. И Георгий Джигшариани, и Кирилл Микадзе, и Бежан Ушверидзе, и Гигуца Уклеба, и Марта Гордадзе — все они бедняки, еле сводившие концы с концами в своем жалком единоличном хозяйстве. Но как своеобразен каждый из них! Это живые люди со своими достоинствами и недостатками, со своей особой судьбой и особой психологией, и путь их к колхозу, к новой жизни, хотя и определяется в первую очередь социальным положением, проходит также через душу, через мозг каждого из них — таких разных и таких одинаковых, разных по своему человеческому облику и одинаковых по социальному положению. Это очень сложная задача — показ социального через психологическое, и автор с честью справляется с этой задачей. А вот середняк Аслан Маргвеладзе — одна из самых ярких и полнокровных фигур в романе. Колебания этого на редкость трудолюбивого и честного крестьянина, его путь к колхозу показаны автором с большим мастерством. Этот образ — живая иллюстрация добровольного прихода середняка в колхоз, на деле, практически, на опыте убедившегося в преимуществах общественной, коллективной, товарищеской обработки земли.

И вот все эти люди, которые жили, казалось бы, неподвижной жизнью («перед закрытой дверью»), много страдали и мало радовались, враждовали между собой и редко относились друг к другу с доверием, — все эти люди вдруг ожили, в них проснулись новые надежды, новые чувства, они стали посещать какие-то таинственные сходы, и там их односельчанин, такой же, как и они, крестьянин, секретарь местной партийной организации Тарасий Хазарадзе поведал им о новом пути, который может вывести их из тупика нищеты и горя. И вот кажущаяся статичность первой части романа уступает во второй части стремительному движению. Сюжетное развитие становится все более напряженным, драматизированным, кажется, сам народ, стряхнув цепенящую спячку, движет сюжетом — настолько естествен и органичен каждый узел, каждый поворот, каждый скачок в его развитии. Четкость композиции — вот та характерная особенность, которая все более и более явственно выступает в романе. Уже заглавие каждой из четырех частей книги как бы символизирует развитие жизни, а значит, и развитие сюжета, — «Перед закрытой дверью», «Первый подъем», «Второе рождение», «Водоворот». И действительно, первый мощный подъем творческих сил народа ведет его к духовному и моральному возрождению, и эти уже новые люди окунутся в бурный водоворот жизни, полной новизны и открытий, огромных трудностей, но и большого счастья.

Тарасий Хазарадзе несомненно войдет в галерею замечательных образов народных вожаков, созданных в советской литературе. Человек большого ума и неуемной энергии, прекрасный организатор и пропагандист идей социализма, чуткий товарищ и любящий супруг, скромный, неутомимый в своей деятельности, — таков этот человек, возглавивший в одной из имеретинских деревень колхозное движение. Сколько ума и такта в его подходе к односельчанам — с каждым из них он может найти общий язык, просто и ясно, без трескучих фраз и ложного пафоса учит их жить по-новому и учится сам. Он всегда с массами и всегда во главе масс. Есть ли у него недостатки? Есть. Он вовсе не выведен в инкубаторе неких безупречных руководителей, но, руководя массами, он и сам растет, сам учится и исправляет допущенные им же ошибки. И именно Тарасий Хазарадзе является наиболее активным персонажем романа, именно он, его мысли, его слова, его поступки (а через него — воля истории) вторгаются в жизнь земощихских крестьян, меняют эту жизнь и этих людей и являются таким образом главной движущей силой сюжета. По сути дела весь роман Лордкипанидзе — это рассказ о том, как менялись люди в процессе строительства новой жизни, как они росли и мужали духовно, как освобождение производительных сил страны привело к освобождению жизненной, человеческой энергии, к духовному раскрепощению и возрождению трудящихся.

К. Лордкипанидзе удалось выполнить труднейшую задачу: показать длительный и сложный, часто болезненный процесс изменения психологии единоличного крестьянина, отравленного ядом собственничества, всю жизнь привыкшего надеяться только на себя. «Крестьянин прилежен только тогда, когда ему, кроме се-

бя, не на кого надеяться», — так думал Георгий Джиншариани, и сомнение это отравляло ему жизнь, мешало прямо и без колебаний стать на путь коллективного труда. А вот одна фраза, которая с большой психологической тонкостью и достоверностью показывает постепенное изжитие этих сомнений в сознании Георгия: «Георгий радовался, когда Тарасий побеждал его в споре». Таких деталей в книге великое множество.

Если говорить о том, кто является главным героем «Зари Колхиды», то безо всякой натяжки можно сказать, что К. Лордкипанидзе удалось осуществить завет Горького, утверждавшего, что труд должен стать основным героем произведений советской литературы. Лордкипанидзе удалось показать рост людей в процессе труда, изменение их отношения к труду — в романе с одинаковой силой описаны и те времена, когда труд был тяжким бременем и проклятием для крестьян, и начало новой эры, когда труд стал подлинным источником радости и творческого вдохновения, первоосновой духовного роста людей. Великолепны страницы романа, в которых описана буйная радость Меки Вашакидзе, впервые почувствовавшего себя хозяином своего труда. Страницы, описывающие расчистку нового пахотного участка или приезд Меки на тракторе в родную деревню после окончания им курсов, — настоящая поэма о труде. Вот один такой отрывок: «Меки никогда не приходилось петь. Однажды только, во время сельского праздника, он попытался подтянуть товарищам, но не смог подладиться и тотчас же умолк. Вышло очень смешно и неловко. Петь оказалось гораздо труднее, чем он думал. И Меки понял, что голос его не для пения. Но в это утро он пел. Радостно и привольно лилась его песня... «Эй, Хрикуна! — крикнул он самому себе и гордо выпрямился на сиденьи. — Ты ли это, бедняк-батрак, мальчик на побегушках? Неужели это ты ведешь в родную деревню первый трактор?» И тогда прорвалось... Из груди его полились странные, отрывистые звуки, похожие скорее на крик, чем на песню. И все же это была песня... Правда, она не была похожа ни на одну из песен, когда-либо певшихся в Имеретии. В ней не было ни слов, ни мотива, ни начала, ни конца... Меки пел. Он радовался свежему майскому утру, он восторгался этой могучей машиной, которая покорно слушалась его рук». Таких страниц в романе немало. Именно они делают книгу Лордкипанидзе по-настоящему поэтической и пафосной, несмотря на строго реалистическую манеру письма.

С одинаковой силой нарисованы в романе пейзаж и жанровые сцены, психология крестьян и напряженные социальные пережитки, сочные бытовые картины и острая классовая борьба, обнажающая нутро человека; одинаково ярко описаны такие разные по своему характеру и масштабу события, как первое собрание учредителей артели и распри между соседями-единоличниками, деревенский сход и семейный быт секретаря парторганизации, появление в деревне первого трактора и любовные переживания бывшего батрака. Роман Лордкипанидзе — поистине многоплановое эпическое произведение: на том тематическом участке, который привлек творческое внимание писателя, не осталось почти ни одного неосвоенного уголка.

Роман написан сочным, выразительным языком, передающим тончайшие оттенки изображаемых предметов, явлений, состояний, напоенным соками живой народной речи, насыщенным идиомами.

Разговор о «Заре Колхиды» мне бы хотелось закончить словами французского критика Андре Вюрмсера из статьи «Вариации предисловия к «Баязету»: «Меки остался бы ничем, если бы весь мир не изменил своего лица... Имя ему не Меки, а Легион! Эти бедняки... ничем не выдаются из массы им подобных, ничем не будут увековечены.

Но они становятся людьми. Потому что они ими не были, как бы ни старались скопить хоть немного денег, как бы ни лелеяли эти несбыточные сны!

Вспомните, как преобразается Меки! Не по взмаху волшебной палочки, не по чьей-либо доброте, щедрости, милосердию. Нет, вследствие испытываемой бедняками необходимости создать колхоз, в силу необходимости для колхоза иметь трактор, а трактору — иметь водителя. А последнему опять-таки необходимо уметь читать; ему приходится учиться, и он даже должен быть в состоянии руководить.

И вот вместе со своими лохмотьями Меки теряет свое униженное низкоклонство, свою унылую покорность. Революция — это значит держаться прямо, не сгибая спины. Это значит любить не снизу вверх и не сверху вниз.

Я знаю один прекрасный эпиграф для этой книги, которая рассказывает о метаморфозе такого героя: «Свобода, Равенство, Братство».

Основной пафос романа «Заря Колхиды», — да и всего творчества писателя, — пафос революционного гуманизма. Писатель борется за победу в человеке человеческого и показывает те новые социальные условия, которые революцио-

низируют народ, дают ему возможность полностью выявить свою человеческую сущность, творческую энергию, скованную рабскими условиями жизни.

Можно сказать, что главное содержание этого творчества составляет рассказ о том, как человек становится Человеком. Горьковская тема? Да, поскольку Горький первый открыл страницу, с которой начиналась едва ли не новая глава в истории мировой литературы. И не случайно, что в одном из лучших своих произведений, в рассказе «Горькая повесть», автор рисует образ молодого Горького, в поисках правды и человечности исходившего почти пол-России.

«Он был ненасытно любознателен. И, может, это заставило его бродить по свету, почуя, где свет застанет, находя друзей, где они найдутся. Он стороной обходил людей, которые, подобно скотине, пристрастились к своему стойлу, — даже голову не поднимут, чтобы на небо взглянуть, чтобы хоть чем-нибудь отличаться от четвероногих. Скучно с такими. И он ушел от этой скуки», — вот первая прямая характеристика «незнакомого путника», образ которого нарисован в рассказе. Затем эта характеристика расширяется. Бегство от скуки, от прикованных к своему стойлу людей оказывается неотделимым от желания внести в эту скуку жизнь, сделать рабов людьми, заставить их оторваться от стойла и взглянуть на небо. «Человек живет для лучшего». Эти известные горьковские слова так транспонируются в рассказе Лордкипанидзе во внутреннем монологе «путника»:

«Может, лучшего не обретишь, но к лучшему тянет безудержно. И от этого человек становится чище, свежее. Кажется, что брошен ты в этот мир, как квасцы в мутную воду, чтобы очистить все, что осквернили, что затоптали люди. И мир тогда возникает перед тобой молодое, в первозданной своей красоте.мотришь на эти цветы, на зеленый пожар в долинах, на лиловый разбег холмов, смотришь так, будто до тебя никто их не видел. И женщину любишь так, будто никто до тебя ее не любил. И дружба радует, будто человек человеку никогда не был врагом. Хочется рукоплескать жаворонку в небе, поклоном встречать восход солнца, удивляться всему, словно присутствуешь при сотворении мира».

Это не цитата из Горького, хотя слова кажутся буквально выписанными из его произведений. Это та стеньга проникновения в образ реально существовавшего лица, когда он оживает настолько, что может говорить своими словами, ходить своей походкой, думать своими, а не приписанными ему мыслями.

Горький дан в рассказе таким, каким он только и мог быть в 1892 году. Он еще, разумеется, не революционер, он еще в состоянии духовного брожения, он еще ищет, хотя и находится на верном пути. Гуманизм его — еще не гуманизм «Врагов» и «Матери», но это уже гуманизм «Девушки и Смерти». Увиденное же в Гори молодым Горьким — не только ужас казни, но и красота человеческого подвига, красота мужества, сила любви, побеждающей саму смерть, — пробудило в нем новые чувства и мысли, обогатило его душу каким-то новым качеством, оказалась той последней каплей, которая переполнила чашу впечатлений и превратила «ненасытно любознательного» «путника» и «бродягу» в писателя. Достаточно вспомнить, что в 1892 году была написана «Девушка и Смерть» и что в этом же году вступил Горький в литературу, опубликовав в Тифлисе «Макара Чудру».

Сродни «Горькой повести» и замечательный цикл белорусских рассказов К. Лордкипанидзе, известных под общим заголовком «Бессмертие». Внешнего сходства здесь не приходится искать, настолько отличны и время и пространство, в пределах которых происходит действие в этих двух произведениях. Но тем явственнее ощущается их внутренняя близость, единство гуманистической концепции, положенной в их основу. И здесь писателя привлекают переломные моменты в судьбах героев, и здесь он старается подглядеть с чужок в духовном развитии человека, зафиксировать тот момент, когда что-то в душе навеки умирает, а нечто новое, неиспытанное, неизведанное празднует свое рождение.

Скучной жизнью живут в Полесье, той скучной жизнью, от которой бежал герой «Горькой повести». Беспросветная нищета, застоявшийся быт, жестокая власть земли и слепая власть тьмы. Даже природа находится, кажется, в сговоре с врагами человека-труженика, который и здесь прикован к своему стойлу и не смеет глядеть на небо. «За околицей, возле старой Екатерининской дороги, в тени густолиственных берез прикорнула ветхая корчма. Отсюда дорога ведет к деревне, почти доходя до озера, но вдруг, будто вспомнив, что ей нечего делать в этой бедной деревушке, круто сворачивает к усадьбе помещика Снедецкого». Как выразительно это описание! Даже дорога чурается забытой богом деревушки, тянется к богатой усадьбе!.. В ветхой одинокой корчме знакомит нас автор впервые с дедом Рухло. Сын его Михась — на войне, сноха Уладья, кормящая мать, не разгибает спины, чтобы спасти ребенка от голодной смерти. Древний дед лишь изредка позволяет себе отдохнуть, вот как теперь, и от-

вести в корчме душу в рассказях и беседах. Рассказы «В корчме» и «Конь» составляют первую экспозиционную половину интересно задуманного цикла. Действие в них происходит еще до революции, где-то на исходе империалистической войны. Рассказ «Опять о коне» — своеобразный расквас к последнему, кульминационному в идейно-композиционном отношении рассказу цикла. Героев «Бессмертия» мы видим здесь такими, какими сделала их неподвижная, косная жизнь старой России, — забытыми и придавленными, униженно прикованными к стойлу, отравленными ядом собственничества, тем более горьким, что собственности-то у них нет почти никакой. Но вот это «почти» и держит в своих цепких лапах души Рухло и Михася. Рухло готов до гроба ссориться с соседями из-за старой яблони, выросшей где-то у межи их дворов. И Рухло и Михася с болью в сердце отказываются помочь партизану, боясь навлечь подозрения белогвардейцев и потерять единственного коня. Этот конь и составляет всю собственность Рухло и Михася. Но вот его все же уведут гайдамаки, и мы видим, что, несмотря на все горе Рухло и Михася, этот последний удар не убил их, а воскресил, а если и убил кого, то только собственника в их душах, окончательно разбудив и призвав к жизни таившегося в них Человека. «Ну что же, — спокойно сказал дед, сворачивая одеяло. — Понятия нет у людей... Нельзя отрывать мужика от сохи. К чему тогда руки приложить? Не век с пустыми руками ходить! Нет сохи — возьмется за другое. Слышишь, Михася, возьмется!» И взялись. Оба пришли к революции.

В рассказе «Бессмертие» К. Лордкипанидзе прибегает к своему излюбленному приему: показывает, как возрождает революция человека, на какую высоту она его поднимает, какие невидимые доселе сокровища обнажает она в артезианских глубинах его души. Старый лукавый дед Рухло, всю жизнь ссорившийся с соседом Терентием Жуком, отказавший партизанам Грабне и Пискуну в помощи, за рюмку водки рассказывавший зевакам в корчме разные небылицы, — этот самый Рухло совершает величайший подвиг самопожертвования и обретает подлинное бессмертие. Вот когда может полюбоваться писатель своим героем! Он и до сих пор любил его, понимал его беды, знал и его недостатки и подлинную цену его большой души, ревностно и придирчиво следил за каждым его шагом, каждым поворотом его мысли. И чем строже и придирчивее был он до сих пор к нему, тем больше должна быть мера радости и гордости, испытываемых им при виде того ореола бессмертия, которым увенчал себя чудесный дед Рухло.

«Лет пятнадцать тому назад мне довелось побывать в Полесье — в краю лесов и озер, там я провел два месяца в семье колхозника-рыбака. Хозяин мой, Петрусь Гнедка, оказался старым партизаном. Была пора рыбной ловли. По вечерам, когда наша тяжелая плоскодонка медленно плыла по реке домой, Гнедка вспоминал восемнадцатый год, вспоминал своих отважных земляков... В эти вечера сложились мои белорусские рассказы». Так рассказывает сам автор в предисловии к одному из изданий «Бессмертия» об истории написания этого цикла рассказов. Произошло это в 1935 году, когда в ответ на дружескую поездку по Грузии группы белорусских писателей (в результате которой Д. Самуйленко написал свой известный роман о Грузии «Будущее») ряд грузинских писателей, в том числе и К. Лордкипанидзе, побывали в гостях у своих белорусских друзей. За короткий срок писатель увидел очень многое — полюбил и запомнил пейзаж Полесья, с жадностью воспринял рассказы друзей, а главное, понял и полюбил душу белорусского народа — его трудолюбие, его природный юмор, его храбрость, его человечность. Именно поэтому смог он в своих рассказах достигнуть поразительного проникновения в характер народа, отдаленного от его родины на тысячи километров. Не случайно отмечалось в белорусской прессе, что К. Лордкипанидзе достиг особой силы реализма и художественной выразительности в обрисовке героев партизанской войны, хотя в самой белорусской литературе до этого было создано немало произведений на эту тему.

Константин Лордкипанидзе любит возвращаться к своим ранее написанным произведениям с тем, чтобы доработать их, сделать более совершенными. Плодотворной оказалась такая углубленная доработка романа «Заря Колхиды». То же самое можно сказать о другом его крупном произведении, повести «Клинок без ржавчины», которая подписана двойной датой: 1949—1956. Тема повести — героизм советских людей в дни Великой Отечественной войны. Написанию ее предшествовала интенсивная и многообразная работа писателя-фронтовика — военные очерки, фронтовые зарисовки, боевые корреспонденции. Богатые жизненные наблюдения, полученные писателем в эти годы, определили впоследствии силу и жизненность такого глубокого по замыслу, зрелого по мастерству полотна, каким является его повесть «Клинок без ржавчины», которую смело можно поставить в ряд лучших произведений советской прозы, посвященных военной теме. Сама природа таланта К. Лордкипанидзе такова, что его не могли не привлечь как ху-

дожника образы незаметных, казалось бы, людей, ставших героями, когда их призвала Родина.

О войне можно писать по-разному, подвиг можно изображать и так, как это сделали, скажем, Фадеев и Казакевич в «Молодой Гвардии» и «Звезде», и так, как это сделали Некрасов и Панова в повестях «В окопах Сталинграда» и «Спутники». Нам кажется, что К. Лордкипанидзе нашел новый, «третий» угол зрения в изображении военной страды. Он добился сочетания романтической приподнятости с трезвой «заземленностью» образов. (Классификация эта, разумеется, сугубо условна и помогает лишь уловить и зафиксировать основные, ведущие стилистические тенденции произведений, отнюдь не исчерпывая всего их художественного богатства.) Такая художественная манера уже была использована писателем в белорусских рассказах, где был показан героизм отнюдь не исключительных людей, а людей, жизнь которых могла бы и не привести к «бессмертию», не будь особых условий революционной эпохи. И точно так же особые, исключительные условия войны делают героем такого, скажем, ничем, казалось бы, не примечательного до этого человека, каким является один из характерных персонажей «Клинка без ржавчины» Варден Джижкариани, по прозвищу «Чвениа». Солдаты прозвали его так потому, что он каждый раз, когда где-нибудь разрывался снаряд или пролетал самолет, спрашивал: «Чвениа?» (то есть наш, свой). Уже в этой первой же характеристике перед нами встает образ далеко не свазочного героя. И действительно, Джижкариани, человек сугубо штатской профессии — счетовод, единственной радостью и увлечением которого до войны было сочинение кроссвордов и шарад, попав на фронт добровольцем, вначале по-настоящему трусил, как-то даже чуть не подвел товарищей, и лишь постепенно, с трудом свылся с фронтовым бытом. Беда закалила характер Вардена, сделала из нелюдяного чудака со слабыми нервами — выдержанного, спокойного, способного совершить подвиг бойца.

Варден и некоторые безымянные персонажи повести образуют в ней с реалистической достоверностью разработанный фон повествования. Эти образы очень характерны для изобразительной манеры писателя. Однако тут же нужно подчеркнуть, что, желая описать людей правдиво, со свойственными им человеческими слабостями, автор проявляет в этом отношении исключительное чувство меры, нигде не прибегает к чрезмерной детализации, способной нарушить тот общий романтико-героический строй повествования, который, как мы уже отметили, так же характерен для «Клинка без ржавчины». О человеческих недостатках своих героев писатель говорит с мягким юмором, с душевным теплом, что, отнюдь не снижая драматического накала событий и не сглаживая противоречий характеров, помогает ему сделать тот гуманистический акцент в своем рассказе, который является ведущей чертой мировосприятия и художественного видения писателя.

Что сказать о главных действующих лицах «Клинка без ржавчины» — Ладо Вашаломидзе и русской девушке Марии, судьбы которых сплелись на тернистых, жестоких путях войны? К ним можно было бы отнести многое, сказанное выше о других персонажах повести, но тут хочется выделить главное, особенное, наиболее характерное для них, для их взаимоотношений, для их судеб. П о э т и ч н о с т ь. Пусть никого не отпугивает это слово, пусть никому не покажется оно слишком идилличным для коллизий, которые порождает война. Самая большая творческая победа Лордкипанидзе как раз в том и заключается, что он, нигде не охладжая драматического накала событий, достигая порой подлинно трагических высот, рисуя характеры во всей их внутренней сложности, без сусальной идеализации и лакировки, умеет подглядеть в людях и их взаимоотношениях то подлинно поэтическое, что исходит из их глубинной благородной человеческой сущности и что заставляет их буквально светиться каким-то внутренним светом, излучая любовь и теплоту. Нетрудно подглядеть эту поэтичность человеческой природы, когда и сама обстановка гармонирует с ней, как бы «вызывая» ее к жизни. Неизмеримо труднее сделать это, когда все вокруг звучит резким диссонансом, контрастирует с цельностью, гармоничностью, поэтичностью человеческой природы. Не все выдерживают такое испытание, не все могут подняться на ту высоту, к которой обязывает их в этой обстановке человеческое звание. Но одно можно сказать со всей определенностью: хорошие становятся лучше и чище. Сталь закаляется, а шлак сгорает.

Мы не будем рассказывать истории взаимоотношений Ладо и Марии и их героической гибели. Скажем лишь, что вторая и третья главы повести «Над нами не звезды» и «На безымянной высоте» — могли бы быть названы трагическими поэмами о любви и подвиге. Первая глава повести носит экспозиционный характер. Это знакомый нам прием Лордкипанидзе, который любит показывать своего героя в «нескодном состоянии», до «взлета», во всех его обычных человеческих проявлениях, чтобы среди прочих черт характера наметить и ту, которая

содержит в себе, если можно так выразиться, «потенцию» героического взлета, подвига. Вообще композиция «Клинка без ржавчины», впрочем, как и большинства произведений К. Лордкипанидзе, образцова. Отступая от принципа обычной хронологической последовательности событий, выделяя важнейшие звенья сюжетного развития, прибегая и к форме пролога, и к приему экспозиции, перемежая повествование от первого лица (причем то от лица автора, то от лица героя) с рассказом от третьего лица, автор с исключительным мастерством компокует и организует материал, достигая большой динамичности и экспрессии, связанной не с внешней сюжетной занимательностью, а с раскрытием и развитием глубоких и ярких человеческих характеров.

Как фронтовые очерки и небольшие рассказы-зарисовки типа «Майского утра» были для писателя своеобразными подступами к большой и сложной теме войны, разработанной им в «Клинке без ржавчины», точно так же целый ряд послевоенных очерков, в том числе наиболее замечательный из них — «Они спустились с гор», был своего рода творческой разведкой темы послевоенного мирного труда советских людей, за более углубленную разработку которой Лордкипанидзе взялся в новом романе «Волшебный камень». Роман еще не окончен, но по его мотивам К. Лордкипанидзе (в соавторстве с Э. Фейгиным) написал сценарий «Тень на дороге», который лег в основу одноименного фильма. Сценарий этот — образец высокохудожественной кинодраматургии, что лишний раз подтверждает ту истину, что к этому жанру нужно подходить с такой же ответственностью, как и к любому другому литературному жанру. Остра и интересна сама идейная проблематика этого произведения, в котором чуть ли не впервые в новейшей грузинской литературе поставлены насущные вопросы, связанные с той борьбой, которую ведет за последние годы наш народ по преодолению пороков и недостатков, связанных с бюрократическим и волюнтаристским стилем руководства. Никакая тень не должна омрачать нашей дороги! — вот идейный лейтмотив сценария.

Леван Гелашвили, зампредрайисполкома, — один из тех эгоистов и карьеристов, для которых все, даже самое святое, является лишь средством для достижения личного благоденствия. Партия, работа, профессия, дружба, любовь — все это для него лишь удобные ступеньки, по которым можно подняться выше, стать ближе к заветной цели. Но как убога эта цель! Она не в работе, не в любви. Такие люди и не способны чем-либо по-настоящему увлечься. Предел «мечтаний» Левана: добиться перевода в Тбилиси на высокую должность. Самое страшное в этих людях то, что они не любят человека, не знают ему цены, рассматривают его лишь как пешку в своей игре. Разбить чужую жизнь, отнять у кого-нибудь счастье, обречь на лишения целую деревню — все это трогает Левана лишь в той степени, в какой это может отразиться на его судьбе, на его планах, на его благополучии. Таков духовный и моральный облик Левана, таков его характер, и он проявляется во всем, несмотря на тщательную маскировку, на искусно выработанную позу якобы прямого и энергичного деятеля. Вот небольшая сценка, описание буквально одного жеста Левана, в котором, однако, проявляется весь его характер. Леван беседует с честным, но слабозвольным председателем колхоза Симоном в кабинете последнего. Леван предлагает председателю перепахать переходящие пастбища, чтобы перевыполнить план сева и добиться Золотой Звезды Героя Социалистического Труда. Симон колеблется, зная, что это может погубить скот. «А как же с барантой?» — спрашивает он. — «С барантой?» — переспросил Леван и поискал глазами, чем бы вытереть измазанные клубничным соком руки. Не найдя ничего подходящего на столе, не спросив, выдвинул ящик, достал какую-то бумагу и вытер ею руки. Симон поморщился, но ничего не сказал». Это маленький штрих, но он выдает большой и к тому же органический порок Левана — его бесцеремонность, помпадурство, психологию самодура и эгоиста. Так же бесцеремонно, как с этой, может быть, нужной председателю бумажкой, он может поступить с жизнью человека, с его судьбой. Он так и поступает, когда кто-либо становится ему поперек пути или просто попадает ему под руку. И этот страшный человек (пока он замаскирован, пока ему благоприятствует бюрократическая атмосфера) имеет возможность выступать от имени партии — партийные лозунги он знает наизусть, демагогию и софистику он с легкостью может выдать за диалектику, а энергия врача и карьериста — за пыл и рвение общественного деятеля, пекущегося об интересах народа.

Но, к счастью, уже то, что подобным людям приходится тщательно камуфлироваться, говорит об их слабости и, что еще важнее, о силе того общества, в котором они живут. Они могут принести и приносят много вреда, но лишь до поры до времени. В сценарии ярко показано, на какую неизмеримо более мощную силу наталкиваются Леваны. В первую очередь это коллектив советских людей, такие честные труженики, как Георгий Чохели — образ этической цельности и

скульптурной рельефности, особенно удавшийся в сценарии. Леван и Георгий — это два полюса, два полярных мира, и закономерная борьба между ними — это не только борьба между соперниками, не только борьба между антагонистическими характерами, но и борьба двух мировоззрений, двух мировосприятий, двух оргий олицетворяет гуманистическую сущность нашего общества и людей, порожденных этим обществом. Это честный и благородный, рыцарски преданный родине, труду, любимой девушке человек.

Но жизнь, конечно, сложнее и противоречивее простой противоположности между Леваном и Георгием. И сообразно с жизненной правдой — социальной и психологической — далеко не все персонажи сценария расположены вокруг этих двух полюсов. Где-то между ними оказывается юная и чистая, но еще совсем неискушенная, пока еще слабая Нино. Лишь ценою большого несчастья и личной драмы обретает она силу, которая должна привести ее в «лагерь» Георгия, в ряды не только чистых и честных, но и сильных духом людей.

Сценарий «Тень на дороге», как мы отметили, явился своего рода «ответвлением» от романа «Волшебный камень». И прежде, чем перейти к опубликованным главам этого романа, я позволю себе одно отступление. После выхода в свет в русском переводе однотомника избранных произведений Лордкипанидзе, в издательство пришло письмо из далекого Казахстана. Чудесная 20-летняя девушка Татьяна Зимченко, заведующая медпунктом Федоровского зерносовхоза Кустанайской области, делится с работниками издательства своими мыслями о прочитанной книге, выразив и раскрыв в письме свою душу и свою судьбу, сказав и о той тени, которая легла на ее дороге. Но письмо это настолько красноречиво и доверительно, что не требует, собственно, никаких комментариев, оно просто лишний раз подтверждает истину о том, что литература является искусством человеколюбия и великим учителем жизни.

«Здравствуйте, дорогая редакция.

Заранее прошу извинения у вас за слишком длинное письмо и за то, что оно, может быть, не будет похожем на обычные отзывы о книге.

Я не могла проконсультроваться у библиотекаря, как писать отзыв, потому что библиотеки у нас нет. Отзыв же я пишу впервые, так что извините, если что не так: не по форме.

Книгу К. А. Лордкипанидзе «Дорогу осилит идущий» я купила в магазине.

Правда, роман его «Заря Колхиды» я читала в отдельном издании. Но этому роману было достаточно заслуженной хвалы. Меня поразило то, с какой беспредельной реальностью К. А. Лордкипанидзе в своих «Белорусских рассказах» пишет о больших стремлениях и любви простого крестьянина к земле и мирному труду, крестьянина, которого и на войне беспокоят сроки сева. Белорусские пейзажи описаны постиние художником, глаз которого примечает все: и дорогу, и покосившиеся хаты, покрытые соломой, которым так удачно подобрано сходство с грибами, сбитыми ногой. Все справедливо до мелочей, все как в жизни!

Очень замечательная и повесть «Клинок без ржавчины», не только по сюжету, но и по форме.

Литературный сценарий «Тень на дороге» меня очень взволновал: может быть, потому, что у меня почти так же получилось в жизни, как и у Нино.

Обидно и то, что на месте Левана Гелашвили у меня оказался тоже грузин Анзор. Мне хочется немного рассказать, как это получилось.

Началось все это давно, когда я еще в школе увидела 2 серии кинофильма «Георгий Саакадзе». С тех пор мне хотелось знать как можно больше о Грузии и ее народе. Я буквально зачитывалась произведениями И. Чавчавадзе, А. Церетели, Г. Церетели, А. Казбеги, В. Пшавела, Е. Габашивили, Н. Ломоури и других.

Старалась не пропустить ни одного фильма киностудии «Грузия-фильм». Мне нравилось все: и храбрость, и ум, и прямота, и сила духа, веры вашего народа. Я мечтала поехать в Грузию, когда окончу школу, уже позже — училище. Но события опередили мое желание. Осенью 1957 года к нам на уборку урожая приехали студенты из Тбилиси. Познакомилась я сразу с врачом Элико.

Мы часто помогали друг другу в своей работе. Она мне много рассказывала о Тбилиси и о Грузии вообще. Позже я узнала ее брата Анзора. Однажды он сказал мне, что любит меня. Для меня это было и радостью и горем. Потому что «наставления» по этому вопросу я получила уже заранее. Все было против этого, начиная с моих родных и кончая селом, где тогда работала зав. медпунктом. Но мы встретались. Нам старались мешать как могли. Очень часто я не могла прийти, увидеть его. Из-за этого были ссоры, недоразумения. Но встречи продолжались. Конечно, отношения наши не зашли так далеко, как у Левана с Нино. Элико как-то сказала мне: «Ты, Таня, даже не представляешь, какой он хороший, это просто нельзя выразить ни на грузинском, ни на русском языках».

Да и я была такого же мнения. Во всяком случае для меня лучше, чем он, не нужно было ни тогда, ни теперь! Когда уезжали, потребовал слова, что буду писать, ждать его, пока он окончит институт.

Я обещала. Они уехали... и все!

Но я дала слово, и я жду, больше того, я пишу. Письмо мое ни одно не вернулось, значит они вручены адресату, и поэтому я пишу. И как всегда любимому человеку — «последнее письмо», а за ним десятки безответных писем! Помню как-то сказал он мне: «Я, маленький представитель нашего народа, по силе своей возможности я всегда буду сохранять наши обычаи и традиции». Патриотично! Не правда ли? А вместо этого представить Левана Гелашвили!

Может быть, это не так. Мне бы хотелось ошибиться!

Книга К. Лордкипанидзе «Дорогу осилит идущий» не только многое рассказывает, но и поучает. Это очень хорошо! Плохо только, что у нас есть еще подобные Левану Гелашвили, но как говорят, «в семье не без урода».

Но вот прочитала сейчас все с начала, и получился у меня не отзыв, но и вроде вьзова. Вы уж извините. Накипело на сердце у меня, вот и написала.

И мне хочется пожелать писателю успеха в работе над романом «Волшебный камень» и долгих лет жизни на благо всего народа и своей родины — Грузии!

Такое письмо писатель может предпочесть объемистым критическим монографиям об его творчестве!..

«Когда человек один» — таково заглавие, вынесенное Константином Лордкипанидзе на обложку своей новой книги, содержащей главы из неоконченного романа «Волшебный камень». Они как бы составляют своеобразный цикл законченных отрывков. В них даны характеры главных героев романа, уверенно и ярко обрисованные эпические образы людей грузинской деревни — цельных, мужественных, сильных, знающих и любящих свою работу, свою землю, свою родину, умеющих дружить и любить, обладающих высшим человеческим талантом — человечностью. Отрывки эти разнохарактерны — тут и жанровые зарисовки, и бытовые картины, и живописные пейзажи, и чисто «романтические» мотивы-завязки, и отступления в прошлое героев края.

В одном из отрывков цикла описана сцена прощания старика Захария Надобаидзе со своим сыном Леваном, отправляющимся на войну. За традиционным грузинским столом, накрытым во дворе под старым орехом, подняв огромный турий рог с кахетинским, Захария задает сыну вопрос, который поначалу озадачил Левана, не сразу понявшего, куда клонит отец: «Чем, по-твоему, человек отличается от животного?» Леван начал было вспоминать знакомые с детства стихи о том, что «бог создал вола бессловесным», «человека же даром речи наделил», но отец прервал его: «Хорошо сказал наш поэт, но не все. Далеко не все... Животное стыда не имеет. А человек... Нет стыда и совести — нет человека». И затрашний боец-фронтоник все понял.

В этих словах старого грузинского крестьянина — вся морально-этическая основа романа «Волшебный камень», весь его общественно-психологический подтекст.

Совесть — вот что делает человека человеком. Обостренное чувство правды и справедливости, долга и ответственности перед обществом — всегда, даже тогда, когда ты остаешься один, наедине со своей совестью — с этой невидимой нитью, которая связывает человека с человечеством. Потому и вынесено писателем на обложку заглавие отрывка рассказа, непосредственно посвященного этой теме — «Когда человек один». Леван Надобаидзе, мужественный боец, отличный разведчик и сапер, выполнил рискованное боевое задание — обнаружил вражескую огневую точку и заодно обезвредил значительную часть минного поля, по которому скоро должна пройти его часть. Никто не знает, что он здесь, и вот-вот свои же начнут обстреливать эту местность. Надо, пожалуй, уходить. Под артогнем за всеми минами не наохотиться. Но «если ты прав, парень, то почему же так рьяно споришь с самим собой?». И вот мы становимся свидетелями спора между просто живым существом и существом с совестью — с человеком. На людях и смерть красива. А сейчас он один. «Один, затерянный в непроглядной ночи. И ни одна живая душа не увидит, как ты вел себя на этом недобром поле, никто никогда не узнает, сделал ты или не сделал все... никто ни в чем не упрекает тебя... Но сам ты, твоя совесть, что она тебе скажет?» Спор этот был мгновенен, его нельзя даже было бы назвать колебанием, так как действия бойца фактически опередили ход его мыслей. А действовал Леван сейчас так, «словно был

не один, а жил и думал на виду у всего мира». Такова идейная, морально-этическая, социальная и психологическая, то есть человеческая и гуманистическая концепция этого замечательного рассказа. И нам остается добавить, что сама композиционная связь его с другими частями цикла основана на этой концепции. Здесь — «когда человек один, там — «когда человек на людях». Но и здесь и там: «нет совести — нет человека».

«Волшебный камень» еще далеко не завершен. И хочется верить, что эта большая тема — тема правды, справедливости и человечности, с такой остротой поставленная сегодня самой историей в повестку дня, определит драматизм и гуманистическую страстность романа в целом.

Если задаться целью коротко и ясно, в одной фразе выразить то общее, что объединяет «Волшебный камень» с другими произведениями К. Лордкипанидзе — с «Зарей Колхиды», «Горийской повестью», с «Бессмертием» и «Клинком без ржавчины», то лучше всего обратиться к названию одной из книг писателя, в которой с афористической сжатостью выражена основная человеческая, гуманистическая, революционная тема его творчества — «Дорогу осилит идущий».

II

КАРЛО КАЛАДЗЕ

Книга Карло Каладзе, с которой я начинаю разговор о нем, называется «За час до старости». В нее вошли стихи последних лет и две поэмы — «Отец» и «Мединад». Лирика здесь собрана под общим заголовком — «В моем саду», на титуле же первой поэмы значится — «Из книги моих дней и ночей». Почти каждое из перечисленных заглавий и подзаголовков настойчиво говорит об одном — о том, что подводятся итоги, что пора самому оценить возделанное в своем саду, проверить, чем наполнены наступившие дни и ночи, решить, каков будет отчет перед тенью трагически погибшего отца, удостовериться, что накоплено в душе «за час до старости» и может ли этот час обернуться в дальнейшем «до бесконечности расширившимся часом» (как сказал бы Мандельштам), дабы не подпустить все-таки бессилье старости к порогу творчества, к пределам души, в которой не должно ведь быть «ни одного седого волоса».

И вот он входит в свой сад, приободрясь, вернув себе юность хотя б на миг, в надежде продлить этот миг, остановить прекрасное мгновение если не в жизни, так в стихе — все в том же саду, долговечность которого — дело рук садовника-поэта:

Когда горизонт нараспашку
И, кажется, весь белый свет
В одну голубую рубашку
С небрежностью майской одет,

Когда с беззаботностью бубна
Колотится солнце в кустах
И мчатся деревья, как будто
На цыпочки в танце привстав,

Когда в этой пляске грузинской
Деревьев, скользящих легко,
О чем-то на миг загрустивший,
Я вдруг улыбнусь широко, —

Тогда в этот солнечный, ясный
Простор в деревенском саду,
Как есть, в моей шляпе крестьянской,
Я просто и скорбно войду.

И я с головой побелевшей
Верну себе юность на миг,
И яростно ветер побережий
Рванет голубой воротник.

(Перевод В. Лугового)

А жизнь в саду, как жизнь в стихе, полна открытий и воспоминаний, вопросов и ответов, сновидений и ясновидения:

К делу, однако. Итак, предо мной, весь источенный,
Сухо качается сада истлевший скелет.
Чуть где-нибудь незамеченный дрогнет листочек, —
Ветер заметит и срежет за прочими вслед.

Что возразишь? Чем ответишь грядущим метелям?
Дело естественным кажется даже листве —
Только в прохожем с тяжелым служебным портфелем
Это рождает обидный сумбур в голове.

(Перевод Б. Пастернака)

Читатель может вспомнить и такое видение 1933 года, с редкими для поэзии тех времен драматизмом и глубиной восприятия исторически неизбежных свершений и перемен, не всегда сопровождаемых фанфарами и барабанным боем, но и слезами, и скорбью:

Два дерева, ошеломляющих взгляд,
У дома, державно, обнявшись, стоят.
...И с сыном отец, волоча костыли,
К деревьям, как тени, без сил подошли.
Родитель, ослепший с давнишней поры,
Касается дряхлой рукою коры.
Что сил ему юных бывалый задор?
Сегодня он должен оставить свой двор!
И в горе, и в гордости, и в забытн
Он шепчет: «Прощайте, деревья мои!»
«Твой?» — удивляясь и как бы смеясь,
Ветвей повторяет зеленая вязь.
«Твой?» — вопрошают столетья, шумя
Деревьями ластиющимися двумя.
И двое владельцев уходят в их шум,
Прижавшись к деревьям смеющимся двум.

(Перевод Б. Пастернака)

И не такая еще печаль останется позади, отнюдь не в такой степени неизбежная, а тем более необходимая, пока в возделанный поэтот сад снова ворвутся «ветры радостных сторон», также, возможно, припомнившиеся ныне читателю. И зазвучат в 1940 году блистательные строфы «Весны на Пикрис-гóra в Тбилиси»:

...На Пикрис-гóra солнце заструилось,
Чтоб новой вестью все вокруг увлечь,
И в той листве, что заново явилась,
Вновь зашуршит сердечных таинств речь.
...А там платан показывал отгагу,
Он от ветров хранил цветов испуг,
Напоминая сельского бродягу,
Одетого в старинный архалук.

Слепой мечтатель, наклонил к земле он
Ладони листьев, те цветы храня,
Вокруг него тряслись земля и небо
От гула дня, от городского дня.

...О, как зима исчезла сразу круто,
Мороз и дождь, и ветра зимний стон!
Проснулся раз неповторимым утром
И, как старик, развел руками он.
...Как будто настезь города ворота,
Одетые в железо и бетон,
И, как дыханье нежное, с разлету
Ворвались ветры радостных сторон.

(Перевод Н. Тихонова)

А вскоре пороховым дымом застелет дни и ночи 1941 года, 42-го, 43-го, 44-го и почти половины 1945, грозным, но и очистительным ураганом проне-

сется по советской земле Великая Отечественная война, «смертью смерть по прав»:

Мы видели смерть.

И запомнили мы:

Глаза у нее — не мышиные норы,
Но вспышками молний разили из тьмы
И мрак рассекали вокруг ее взоры.
В руках ее не было вовсе косы,
Она не сверкала костей белизною,
Но кралась убийцею в эти часы,
Озлобленная, притаясь за скалою.
И кинулась, жадная, на блиндажи,
И глыбы камней рвала и дробила
И словно кричала:

«Вот тут и лежи,
Здесь взрыта моими когтями могила».

(Перевод С. Спасского)

Несущие смерть сами же полягут в вырытые ими могилы. Но после первых радостей Победы суждено будет пройти еще немалому времени, пока «ветры радостных сторон» вновь наберут силу и освежат, и оживят и страну и лелеемый поэтом сад:

Я возвратился в дом отеческий
Сладчайшим дымом подышать,
И от нерадостей утешиться,
И радостями утешать.
...Я белой-белою деревнею,
Весну предчувствуя, иду,
И вот
 со старыми деревьями
Беседу важную веду.
...Весна деревьям всех заметнее,
Они весну внушают нам.
Они дают, тысячелетние,
Присягу новым временам.
И, полный радости и гордости,
В большой, ветвистой их семье
Уже ни грусти
 и ни горечи
Не ошущаю я в себе...

(Перевод Е. Евтушенко)

Однако, вернемся к стихам, вызвавшим в памяти все эти образы тринадцати-, тридцати-, сорокалетней давности. Отмеченную выше нами **непредвзятую** их живописность и непосредственную пластику «осложняет» лишь одна деталь, напоминающая о «втором плане» сквозного для этого цикла образа «сада». Выделим и повторим эту деталь:

Пожилой человек,
Я стою среди сада-подростка
И смотрю на деревья вокруг
 и на небо опять...

«Сад-подросток» — вот интересующий нас образ. Уже в следующем стихотворении он становится лирическим лейтмотивом и разворачивается в целый метафорический сюжет. Вот какая связь устанавливается здесь между «пожилым человеком» и «садом-подростком»:

Сад подрастает. Он еще дитя,
зеленый мальчик, дерзкий от смущенья!
Иду среди деревьев. Тень смешная
На цыпочках
 легко спешит за мной...

...Взгляните — старый дуб,
старейшина и патриарх деревьев.

зазеленел задорно, увлечен
подростком-садом,
с ним в одном порыве!..

Взгляните и запомните!
И если
(не дай вам бог) ноябрь вдруг дохнет
вам в душу — оградите молодых
От осени, и дум своих осенних
Насильно не навязывайте им..
Сад подрастает.

Доброта, доверье
Ему нужны, нужна вода и солнце,
Чтобы окреп он, чтобы возмужал...
Давайте верить в будущее сада!

(Перевод В. Лугового)

Я привел почти полностью это стихотворение не только потому, чтобы лишний раз полюбоваться на его неторопливое, серьезное, я бы сказал, умное и тревожное течение, на его драматический сюжет, неожиданно заверченный монологом-заклинанием. Дело в том, что здесь затронуты некоторые из струн, которые, как мы убедимся, зазвучат в «Книге моих дней и ночей», в частности же, в центральном произведении этой книги — в поэме «Отец».

Их трое: отец и сын, сам ставший отцом. Но отец и в этом случае, как в памятном хрестоматийном стихотворении, никогда не утрачивающем свою магическую силу — «фотографией на белой стене». Ленинец старой гвардии, павший жертвой чудовищного произвола, именуемого ныне условно ежовщиной или бериевщиной.

Но все в этот вечер началось с чуда — чуда самоуглубления, самопроверки, самооценки художника и человека «при свете совести»:

Мы в чудеса не верим. Но они
Бывают, если страстно захотим.
Был день как день. День, как другие дни.
И ночь как ночь спускалась вслед за ним
Я в сумерках спешил к себе домой,
Еще весь неостывший, весь дневной.
Моя улыбка до дому дошла
И попрощалась у дверей со мной.
Я в доме так и не зажег огня,
Сидел один в вечерней тишине.
Два чуда — чудо ночи с чудом дня
Еще боролись где-то там, во мне.
Вдруг в комнату отец мой, как живой,
Вошел. Я увидел его спиной:
Вошел, белея снежной головой,
Вошел и сам заговорил со мной.

(Перевод К. Симонова)

Разговор же состоялся прямой, без обиняков, без ханжеского суесловия, разговор, еще раз доказавший, что в искусстве нет «стыдных» и «запретных» тем — была бы чиста совесть, ясен и точен взгляд, была бы эта ясность и точность выстраданной, а не взятой напрокат из цитатника. Все, что говорит отец, — правда. Правда его жизни, его дела, его убеждений, его судьбы, его, если хотите, фанатической верности раз и навсегда исповедуемым идеалам, которые он пронес в чистоте и незапятнанности через все трудности и муки, через всю треклятую тьму мерзейшего наваждения. Сила его слов, подтвержденная смертью, такова, что мы не можем внимать им без глубочайшего уважения и доверия.

Он говорит: — Мой сын, ты ветвь моя,
Листва живая старого ствола.
Я срублен был, но не смирился я.
Я был зарыт, но кровь во мне текла.
Мечь радует лишь слабые сердца,
Я жил, добро поставив выше зла.
Не жди, мой сын, от своего отца.
Чтоб мечь ему глаза заволокла.
Я не из тех, кто в бубны злобы бьет,

Кто, отстрадав, отвык людей любить.
Я умер, зная: нашей правде рот
Могильною землею не забить.
Я клятву дал гореть, а не чадить...

Давшие клятву гореть и сдержавшие эту клятву («всем смертям назло») не ушли бесследно в небытие. Остались сыновья, остались внуки, остались честные и чистые люди, для которых замыслы революции никогда не совмещались с бесчеловечностью, а диалектика — с софистикой, для которых «средства» всегда были достойными «цели». Осталось и достаточное основание для торжества при взгляде на взбаламученный, но неотвратимо идущий к высокой цели мир. И снова звучат слова отца:

Я не тщеславен, но тебе скажу,
Что я испытываю торжество,
Когда свой дух, свой голос нахожу
В дыханье века, в говоре его.
Век молод был, когда, костром горя,
Собою мы зажгли его...
...Я в крыльях внука моего живу.
В размахе их, в решимости его.
Сквозь жизнь и смерть свою я вас зову
Лететь, как я, но дальше моего,
Мой сын и внук!...

Мы помним, как этот сын, уже «пожилым человеком», стоя среди «сада-подростка» и желая оградить молодую поросль от «дыхания осени», опасаясь «насильно навязать» ей свои «осенние думы», чуть было не решил, что ей нужны лишь «доброта и доверье», «вода и солнце», и надеясь уберечь молодость от стужи, чуть было не «уберег» ее от правды. Нет, не в теплицах и не в оранжереях крепнуть и мужать внукам! И теперь, в поэме, отвечая отцу на испытующий вопрос — «как среди ваших слов и ваших дел в вас будущее с прошлым сплетено?» — он мысленно адресуется к своему сыну, обращая к нему вопрос отца:

Ты спрашивал меня, спроси его:
Как будущее с прошлым сплетено?
Внук, как проверка для обоих нас:
Быть будущим с тобой нам не дано,
А он — им будет. Каково оно?
Ты помнишь его мальчиком, отец,
Теперь он скульптор. Он упрямым стал.
Здесь в доме властвует его резец,
Он любит камень, дерево, металл.
Не любит гипса. Рад, что, наконец,
Век гипса кончился. Век каменный настал.
Он любит правду, в камне и в строке,
Работать — жаростно. Жить — налегке.

Вот каково «младое племя» — внуки героев Октября, наследники тех, кто, «костром горя, собою век зажгли», кто «быть подданными бога и царя отказались раз и навсегда». Это племя воспитано и закалено правдой, ибо, как и на заре века, ожила заповедь, гласящая, что только «правда — бог свободного человека». И наладилась связь времен, увековечилась связь поколений. И тут в поэме звучит ее основной вывод, решительной кодой завершая ее философский и нравственный лейтмотив:

Пусть ветер дует в грудь нам, всем троицам.
Мы порознь ничего не будем брать.
Тяжел ли, легок — век наш неделим
И натрое его не разодрать.

И как после честно и с честью выполненного долга поэт может позволить себе «вздых облегченья» — лирическое отступление и обращение к своему другу-читателю:

А ты, читатель, не сочти за грех,
Что я люблю свой дом и свой очаг,
Огонь, как руки дружбы на плечах,

Я верю в то, что он согреет всех,
Пусть это маленький огонь, но мой,
Мой сын и мой отец, мой дом, мой век,
Мои стихи и ты, мой гость ночной,
Не сват, не брат, а просто — Человек.

(Перевод К. Симонова)

Может поначалу показаться, что большая сюжетная поэма «Мединад», включающая книгу Карло Каладзе, не только стоит в ней несколько особняком, но и не обнаруживает прочных связей с ее общей духовной атмосферой и проблематикой. Однако это лишь на первый взгляд. В действительности же поэтический рассказ о том, как девочка-абхазка, похищенная в смутные для всей Грузии времена и попавшая на Запад, «за час до старости» вновь попадает на несколько дней в родные края, также становится, в конечном итоге, повестью о том, как «сплетено прошлое с будущим», как немислимо человеку отказаться от тех роковых «отрезков» времени и пространства, которые именуется Веком и Родиной. И все на тот же сакраментальный вопрос о том, «как сплетено прошлое с будущим», героиня поэмы — Мединад из рода Астамура — могла бы ответить словами сына из поэмы «Отец»:

— Как сплетено? Как ветер и огонь,
Как две руки, черпнувшие воды,
Как труд и праздник, как седок и конь,
Как ветвь и ствол, как листья и плоды,
Как хлеб и виноградная лоза,
Как ранний дождь и радуга — в глаза!
Все под одним здесь небом сплетено.
Оно не делится. Оно — одно.

А вот собственная исповедь Мединад, завершающая поэму и концентрированно передающая ее суть, нащупывающая ее «болеву точку»:

Тоски, раздвоенности яд
Туманит взор, сугулит плечи...
В родных горах — ты Мединад,
А миссис Меди — там, далече...
В том октябре твоя страна
Для новой жизни возродилась.
Подумать! Только ты одна
Всего, всего, всего лишилась!
Ей-богу, легче, умереть,
Не жить, бежать, куда-то деться,
Чем в очи проданного детства
Глазами взрослыми смотреть.
А ты хотела торжества,
Со всеми вместе быть хотела,
Да не сумела, не запела,
Да позабыла все слова!
Звала Медей боль свою,
Смеясь не подавала виду...
Молю, не покидай Колхиду,
Верни мне молодость мою!

(Перевод В. Лугового)

Этот монолог Мединад (вернее, строки из ее прощального письма) передает основной нравственный вывод, к которому она приходит в итоге всей своей жизни, «за час до старости» и который непосредственно был стимулирован ее последней встречей с родиной. Сама эта встреча описана в поэме очень ярко и красочно. Здесь сказались самые сильные стороны изобразительного таланта Карло Каладзе — отличного, как мы уже имели возможность сказать, пейзажиста и жанриста. С новой силой затрепетала здесь и та особая жизнерадостная струя, которая всегда была характерна для поэтического мироощущения Карло Каладзе, давая основание почитателям его таланта говорить о «фламандской», «эпикурейской» или «языческой» стихии в его поэзии и сравнивать даже внешний облик поэта с обликом античного фавна или сатира. Но весь секрет, по-видимому, в том, что мироощущение это как раз и является подлинно грузинским.

И тут для более точной фиксации отличительных черт поэтической ^{натуры} и эстетических пристрастий Карло Каладзе мне хочется вспомнить одно из лучших его стихотворений — «Притчу о гуда и гуда-ствири» (то есть о бурдюке и во-лынке), как раз и посвященное теме взаимосвязи поэзии и жизни, творчества и жизнелюбия. Первый ряд здесь олицетворен волянкой, а второй символизирует бурдюк с вином. Эти образы окрашены легким юмором и обыграны мастерски в стихотворении:

Эта притча со мной бывает
Всегда в трескучую ночь зимой,
Огонь в очаге языком болтает,
Довольный, что я вернулся домой.
И, словно два домовых, из тени
К огню ковыляют два бурдючка:
Без спроса лезут мне на колени,
Суют мне под мышку свои бока.
Один, от воздуха задыхаясь,
Дудит из-под мышки в свою дуду.
Другой, как пьяница, колыхаясь,
Ждет, пока я стакан найду.
...Но утром, когда в очаге лишь уголь,
А ночь улетела с огнем в трубу,
Двое друзей, истощив друг друга,
Заснут, не жалуясь на судьбу.
Один без вина до новой полочки,
У другого всего две ноты на дне;
Свесив свои короткие ручки,
Спят бурдючки, привалясь к стене.
Если мы вновь возьмемся за дело,
Придется приятелей разбудить:
Одному наполнить душою тело,
Другого до горла вином долить.

(Перевод К. Симонова)

Единственный смысл этого стихотворения — проповедь радости творчества и бытия, утверждение неразрывного единства поэзии и жизни. И если по тем или иным, субъективным или объективным причинам «волянка» поэта лишалась порою опоры и поддержки со стороны полного жизнелюбимым вином «бурдюка», то ныне автор книги «За час до старости», автор «Моего сада», «Книги моих дней и ночей» и «Мединад» может с полным правом заявить, что он «вновь взялся за дело» и что ему вновь довелось —

Одному наполнить душою тело,
Другого до горла вином долить.

Уже в этом достаточной давности стихотворении подразумевался весь драматизм вольного или невольного отлучения поэзии от ее первоисточника, «разлуки» творчества с ее жизненной почвой. О некоторых условиях и возможных обстоятельствах такой разлуки поэт поведал нам в поэме «Отец». Естественно, что в сложную пору преодоления реально существующей опасности, губительной для поэзии, сам этот психологически трудный процесс преодоления не мог не придать стихам поэта особой тональности «светлой печали», мудрого ощущения «покоя и воли». Жизнерадостность новых стихов поэта уже не столь спонтанна и безотчетна, как в былые времена, и как любые небеса, «небеса поэзии» живут здесь сменой погоды и непогоды, ясности и облачности, и сама миссия поэта все больше и больше утверждается в своей изначальной и высшей целенаправленности — поэзия мужает в борьбе за «чистое небо» родины и человечества.

Подписано к печати 21 ноября 1968 г. 6 печ. листов. Формат бумаги
70 × 108¹/₁₆.

Заказ 3850

Тираж 500

УЭ 02885

Цена 40 коп.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

ქურონალი „ლიტერატურისა და გრუზია“ (რუსულ ენაზე)
გამომცემლობა „მერანი“

Полиграфкомбинат издательства ЦК КП Грузии. Тбилиси, ул. Ленина № 14.

КОНТРОЛЬНЫЕ

1918 1968

TBILISI

UNIVERSITY

საქართველო
სხვადასხვა დროს გახანილი
საქუჩაზემ გასქეპულგა
და მისი დაბრუნება

SH. I. AMIRANASHVILI::

GEORGIAN ART

ქართული
გონიერება

თბილისის
სახელმწიფო
უნივერსიტეტის
პარტიული
ორგანიზაცია
1918-1968

ქართველთა
საბჭოთა
საბჭო

1918-1968

ქართველი
კვირის
მსგავრები

საქართველო
სახელმწიფო
უნივერსიტეტი

მეცნიერებათა
ფილოსოფიის
და სოციალური
მეცნიერებების
ფაკულტეტი

კვირის
მსგავრები

საქართველო
სახელმწიფო
უნივერსიტეტი

კვირის
მსგავრები

1918 1968

თბილისის

უნივერსიტეტი

НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА «ЛИТЕРАТУРНУЮ ГРУЗИЮ»!

«Литературная Грузия» в 1969 году будет продолжать свою основную линию — она предложит читателю лучшие образцы грузинской советской прозы, поэзии и критики, преимущественно из новинок, но и возвращаясь также к творчеству крупнейших современных грузинских писателей. Читатель найдет на страницах журналов новые переводы стихотворений Галактиона Табидзе, Георгия Леонидзе, Симона Чиковани, рассказов и повестей М. Джавахишвили и других корифеев советской грузинской литературы. Так в журнале будет опубликован перевод знаменитой книги Иосифа Гришашвили «Литературная богема старого Тбилиси», щедро иллюстрированная рисунками таких художников, как Ладо Гудиашвили, Вано Ходжабегов, Оскар Шмерлинг и другие. Кстати, в журнале вообще будет расширен отдел искусства.

Как и прежде, мы уделим должное внимание интересным публикациям. Для этого будут привлечены материалы из архивов Галактиона Табидзе, Георгия Леонидзе, Симона Чиковани. В публикациях широко будут представлены и материалы о жизни и творчестве русских писателей, которые были связаны с Грузией (Б. Пастернак, П. Павленко, М. Цветаева, Н. Заболоцкий, О. Мандельштам, А. Грин, Д. Фурманов, М. Зощенко, А. Кочетков, В. Гольцев и другие).

В журнале будут сотрудничать и в качестве переводчиков, и в качестве авторов оригинальных произведений крупнейшие русские поэты и прозаики, в их числе Николай Тихонов, Павел Антокольский, Арсений Тарковский, Михаил Дудин, Михаил Луконин, Александр Межиров, Евгений Винокоров, Виктор Боков, Владимир Соколов, Владимир Луговой, Василий Аксенов, Юрий Нагибин, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Юнна Мориц, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава, Елена Николаевская, Ирина Снегова, Юрий Ряшенцев и другие.

Журнал продолжит публикацию материалов под рубрикой «К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина», под которой будут помещены статьи, очерки, документы, воспоминания и т. д., освещающие такую важную тему, как «Ленин и Грузия».

Большим разнообразием будут отличаться разделы критики, библиографии, публицистики, очерка, хроники культурной жизни Грузии.